
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В пятой пятилетке в строй действующих предприятий вступил Новосибирский турбогенераторный завод. Сейчас коллектив завода работает над выполнением заказа Иркутской ГЭС — в его цехах изготовляют два мощных гидрогенератора. На снимке: чистовая обработка 8-метрового вала ротора на мощном токарном станке.

Фото А. Скурихина.

На первой странице обложки: Египет. Хасан Махмуд Халиль стал солдатом Армии освобождения вместе со своим сыном Вафи.

Фото специального корреспондента «Огонька» Н. ДРАЧИНСКОГО. Ноябрь 1956 года.

ОГОНЁК № 50 (1539) 9 ДЕКАБРЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

«Я, как и мой завод, работаю в счет 1957 года», — говорит токарь московского завода «Красный блок» Валентина Житникова. Таких рабочих и работниц, таких предприятий в нашей стране становится все больше и больше.

Фото Дм. Бальтерманца.

Больше двух недель гостями нашей Родины были члены делегации Всекитайского собрания народных представителей. Москва, Ленинград, Ташкент горячо встречали представителей братского народа Китая. Каждый день пребывания в нашей стране дорогих китайских гостей был ярким проявлением той огромной искренней дружбы, которая прочно связывает народы двух великих стран.

Приехав в Москву, глава китайской делегации, заместитель Председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей товарищ Пын Чжэнь сказал: «...Мы с вами боремся плечом к плечу за наше общее дело. Мы ваши братья и соратники в борьбе за дело социализма».

Советские люди отвечают китайскому народу такой же верной и преданной дружбой. Советско-китайская дружба крепче стали!

На снимке: 29 ноября Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев приняли в Большом Кремлевском дворце делегацию Всекитайского собрания народных представителей и делегацию Народного комитета города Пекина.

Нерушима дружба народов социалистических стран

Фото А. Гостева.

После подписания Заявления Правительственных Делегаций Советского Союза и Румынской Народной Республики о состоявшихся переговорах.

С 26 ноября по 3 декабря 1956 года по приглашению Правительства СССР в Москве находилась Правительственная Делегация Румынской Народной Республики во главе с Председателем Совета Министров РНР товарищем Киву Стойка.

Имевшие место в ходе советско-румынских переговоров встречи и беседы проходили в духе дружественной сердечности и полного взаимного понимания. 3 декабря в Кремле состоялось подписание Заявления Правительственных Делегаций Советского Союза и Румынской Народной Республики о состоявшихся переговорах.

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский и В. Д. Соколовский на приеме.

По случаю пребывания в Советском Союзе Правительственной Делегации Румынской Народной Республики Чрезвычайный и Полномочный Посол РНР Михай Даля устроил 30 ноября прием.

ЗА ВЕРНОСТЬ — ВЕРНОСТЬ

Л. КУДРЕВАТЫХ

Любой советский человек, поездивший по Чехословакии, увезет из этой страны неизгладимые впечатления о ее чарующих пейзажах, о величественных памятниках культуры, о трудолюбии и мужестве ее людей. И всякий скажет, делясь впечатлениями:

— Побывал у хороших, настоящих и верных друзей.

Потом на долгие годы с этими друзьями устанавливаются крепкие связи.

Недавно мы в Москве провожали деятелей культуры Чехословакии, гостивших в Советском Союзе в дни месячника чехословацко-советской дружбы. Среди них были журналистка Квета Горска, работник издательства «Свет Совету», и Густа Фучикова, жена народного героя Чехословакии, несгибаемого Юлиуса Фучика, который стал родным и близким советскому человеку.

А вчера раздался телефонный звонок из Праги. Говорит Квета Горска.

— У нас появилась огромная потребность позвонить сейчас к вам, в Москву, — сказала она. — Мы, вернувшись в Прагу, рассказываем друзьям о поездке по вашей стране, о том искреннем, душевном приеме, который нам оказывали в Москве и Ленинграде, в Баку и Махачкале. Мы все, сидящие здесь, любим вас, вашу страну, ваш народ. Мы за верность платим верностью. Товарищи просят передать, что сейчас в Чехословакии большой подъем. Народ един, как никогда. У нас много производственных успехов. Снова значительно снижены цены на товары широкого потребления. Значит, жизнь будет еще лучше. Приезжайте к нам, передайте привет всем, всем...

Недавно я получил небольшое письмо из города Остравы, в котором побывал минувшим летом. Шахтеры прислали любительскую фотографию, на которой запечатлены они в час обеденного перерыва.

Вспомнилась Острава — крупнейший индустриальный центр страны. С балкона ратуши, вознесенного на девяносто метров, открывается широкая панорама города тяжелой индустрии. Улицы и дома соседствуют с шахтами и домнами, весь город стоит на угле.

— Острава — чехословацкий Донбасс,— говорил нам заместитель городского выбора Пенкала Раооле. — История нашего города уходит в далекое прошлое. Но по-настоящему мы расправили плечи только при народной власти. Народная власть — это не название, а сущность. В городском народном выборе триста депутатов. Среди них сорок процентов рабочих с шахт и металлургического комбината «Новая Гута», а двадцать процентов — в недавнем прошлом тоже рабочие, ныне руководители хозяйственных и общественных организаций.

Наш собеседник в прошлом был слесарем химического завода, потом стал директором этого предприятия, а сейчас стоит во главе всей хозяйственной жизни города. А жизнь эта развивается бурно.

— Надо не только поспевать за ней,— говорит товарищ Раооле,— но направлять ее, идти впереди. Мы опираемся на поддержку рабочего класса. Мы гордимся тем, что учимся у нашего более опытного брата, у Советского Союза. Наш город крепко дружит с вашим Сталинградом. По крупинкам черпаем друг у друга опыт. Председатель выбора товарищ Котас побывал в Сталинграде. У нас в Остраве был заместитель председателя Сталинградского городского Совета товарищ Землянский. Взаимное общение принесло огромную пользу.

Раооле рассказывал нам о большом жилищном строительстве в Остраве. Мы побывали в двух новых районах многоэтажных жилых домов. Там, где раскинулись жилые кварталы поселка Гавижинов, пять лет назад был пустырь, а сейчас в этих домах живут уже двадцать тысяч человек. Только в прошлом году рабочие Остравы получили четыре тысячи квартир.

Шахтеры Остравы знакомили меня со своим городом, показывали здания театров — их здесь три,— плотину на речке Остравице, построенную для того, чтобы в изобилии снабдить население водой. Знакомили с участниками художественной самодеятельности, с гордостью рассказывали, что правительство республики проявляет постоянную заботу о быте рабочих. Большая ссуда отпущена на строительство пяти тысяч индивидуальных жилых домов. В городе разбиты новые скверы и сады. По пути в сад нам показали советский танк «Т-34», вздыбленный на огромном пьедестале. Этот танк первым вошел в Остраву 30 апреля 1945 года.

— С этого дня мы и ведем новое летосчисление в истории нашего города,— говорили шахтеры.

Потом они повели нас в сад, к памятнику советским воинам, отдавшим жизнь в боях за чехословацкий Донбасс. Перед склепом — скульптуры: плечом к плечу стоят побратимы — остравский шахтер и советский солдат. У склепа — полукружье надгробий с высеченными на граните именами павших советских бойцов.

Эту фотографию с дружеской надписью прислали остравские шахтеры.

— Этот памятник, — говорит шахтер Ладислав Баганик, — наша святыня. Мы знаем, кто к нам пришел на выручку в трудную минуту. Мы знаем, кто жизни своей не пожалел, чтобы народная Чехословакия могла спокойно строить свою жизнь. С Советским Союзом, с его народами мы друзья на вечные времена.

Слова, выражавшие ту же мысль, я слышал в разных уголках Чехословакии. Они подтверждают нерушимую силу братства наших народов, силу и значение договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанного тринадцать лет назад между СССР и Чехословацкой Республикой.

В новом горняцком поселке близ Остравы выросли десятки благоустроенных жилых домов.

Фото ЧТА.

Улица Кёрут. Завозят кирпич и материалы для ремонта домов.

ВЕНГРИЯ НАБ

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Сегодняшний Будапешт — это масса людей на улицах, открытые магазины, строительные леса на поврежденных домах. Работают трамвай и метро, к услугам населения 350 автобусов, и все же много людей едут еще «на попутных». Из кузовов грузовиков торчат шапки и береты, мелькают дамские шляпки.

Место листовок заняли театральные афиши. Стираются со стен лозунги, намалеванные контрреволюционерами. Вместо них появляются новые: «Хочешь получить газ — работай», «Работай — и в доме все будет». Люди понимают, что без работы нет будущего.

У тротуара — грузовик, нагруженный всевозможным домашним скарбом; на самом верху — малыш, в руке у него клетка с попугаем. На тротуаре расставлены буфет, кресло. Два парня перетаскивают вещи в дом. Старушка кричит, указывая на картину в раме:

— Осторожней, Бела! Это старинный натюрморт...

А рядом — тоже «натюрморт». Продавец раскладывает в витрине яблоки и овощи, отходит, смотрит, прищурив глаз. Жизнь, хотя и с трудом, входит в свои права.

...Мы сидим в уютном кабинете вице-президента венгерской Академии наук. На стенах — портреты Ленина, Гегеля, Спинозы. Масса книг. За окном — голые по-зимнему деревья. В серой дымке — пригород Будапешта.

— Легче написать книгу,— говорит профессор Бела Фогараши, поправляя черную шапочку на голове,— чем коротко резюмировать события последних трех недель. Наши ученые думают об этом поразному, но они сами не однородная масса. Рядом со мной живет академик, химик. Он беспартийный. Он мне сказал: «Мы никогда в прежней Венгрии не имели таких возможностей для работы. Я убедился, что социалистическая система — хороший фундамент для развития науки». Действительно, при режиме Хорти правительство не давало средств на научное экспериментирование.

— Как относятся ученые к забастовкам?

— Ученый должен работать, он по природе своей против забастовок. Поэтому я считаю, что прогрессивные ученые — а с другими я не знаком — за то, чтобы работать, помогать восстановлению страны, решению важнейших хозяйственных задач. Ошибка прежнего руководства заключалась в том, что с мнением ученых мало считались.

— Как вы представляете себе дальнейшие перспективы развития Венгрии?

— Ученые хотят, чтобы наше правительство широко и на деле использовало достижения науки на пользу общему делу. Разумеется, сейчас в среде интеллигенции еще существует разброд. Контрреволюция разоружена, но она еще существует и будет пытаться и дальше дезориентировать людей науки.

— Каков же выход, по-вашему?

— Я думаю, что нам удастся привлечь колеблющихся на нашу сторону. Мы не позволим контрреволюционерам хозяйничать в университетах. Мы поведем идеологическую борьбу, будем отстаивать идейные основы социализма.

— У вас бывают ваши аспиранты?

— Да, меня не забывает молодежь, и те, кто ко мне приходит,— честные, искренние ребята. Но и среди них есть сбитые с толку. Я не жалею времени, чтобы разъяснять им все, что произошло и происходит в нашей стране. Кстати, вот взгляните! — Профессор показывает книгу, на обложке которой написано: «После революции».— Автор этой книги Г. Секфю — верующий католик. Но книга его — это, так сказать, марксистский труд «немарксиста». — Профессор смеется. — Право, это лучше, чем многие книги наших начетчиков. Секфю считает, что исход второй мировой войны раз и навсегда решил вопрос о положении Венгрии на международной арене и что мир и безопасность Венгрии зависят от ее дружбы с СССР.

НЕПРОШЕННЫЕ «ОПЕКУНЫ»

Письмо из США

Альберт КАН

Никогда еще, даже в самые острые моменты «холодной войны», мутная волна антисоветской пропаганды не достигала такой высоты, как в дни венгерских событий. День за днем, час за часом пресса, радио, телевидение извергали яростную клевету.

Весьма любопытно, что особенно громко выражают озабоченность «судьбами свободы в Венгрии» именно те, кто привык душить свободу и дома и за границей. Среди этих новоявленных «друзей венгерской революции» можно назвать джентльменов, которые аплодировали напалмовым бомбежкам в Корее, одобрили призыв эсэсовцев в новую западногерманскую армию и являются ближайшими друзьями таких «апостолов свободы», как Чан Кай-ши, Ли Сын Ман и Франко. Немало среди «опекунов» венгерского народа и тех, кто полагает, что негров в США надо «поставить на место».

В самом деле, ведущую роль во всей этой крикливой кампании играет организация, носящая наименование «Международный комитет помощи». Эта организация, имеющая филиалы в Мюнхене, Стамбуле, Париже, Стокгольме, Брюсселе, Риме и Лондоне, давно прославила себя тем, что импортировала в Соединенные Штаты беглых «вождей» и «премьеров» из стран народной демократии и обильно снабжала долларами контрреволюционные элементы во всей Европе. Кто же возглавляет этот диверсионный штаб, снискавший презрение всех честных людей мира? В «комитете директоров» мы встречаем генерала Карла Спаатса, который еще в 1948 году изложил в журнале «Лайф» подробный план «обуздания красных с помощью точной бомбардировки промышленных центров Советского Союза». Мы встречаем там и другого старого знакомого — генерала Люшеса Клея, бывшего военного губернатора западной оккупационной зоны в Германии, уже тогда призывавшего народы Восточной Европы «восстать». Теплую компанию дополняют: бывший начальник американской морской разведки адмирал Эллис Захариас, председатель правления корпорации «Интернэйшнэл бизнес машинз» Томас Уотсон, получивший в 1937 году медаль от Гитлера, директор компании «Дюпон де Немур» Уолтер Карпентер и другие.

Когда «комитет» созвал 8 ноября в Медисон-сквер в Нью-Йорке митинг «единства с венгерским народом», председательствовали на нем генерал Уильям Доновэн, бывший начальник «стратегической разведки» США, специализировавшейся на шпионаже и диверсии, и мистер Генри Люс, издатель журналов «Тайм» и «Лайф», который даже среди реакционеров числится человеком «ультра-крайних взглядов». Таковы они, эти поборники «демократии для Венгрии».

Передо мной один из номеров «Лайфа», выходивших во время событий в Венгрии. На серии снимков — группа людей, жестоко избивающих на улице женщину. С каким садистским сладострастием описывается это зрелище в тексте, сопровождающем снимки! «Ее лицо бело, как мел... Она смотрит на трупы, валяющиеся вокруг... Вдруг какой-то человек наносит ей удар прикладом винтовки... Другой хватает ее за волосы и волочит... Она уже наполовину мертва... Но ее бьют еще, бьют ногами...» Еще фотография, во всю страницу, и такая же смакующая подпись: «Этот мужчина сейчас получит очередь из автомата в спину». И, разумеется, жертвы всех этих зверских расправ, в которых видно профессиональное «мастерство» белых палачей, именуются в «Лайфе» «офицерами секретной полиции» и «врагами свободы», а потерявшие человеческое обличие палачи — «революционерами» и «национальными героями». А между тем многие американцы слышали радиопередачу, в которой некий комментатор, плохо усвоивший данные ему инструкции, бил тревогу, как бы «охота на людей» и уличные расстрелы коммунистов и «прочих левых» в Будапеште не вызвали «возражений и протестов» у общественного мнения на Западе!

Даже здесь, на расстоянии нескольких тысяч миль, в атмосфере самых нелепых слухов, полуправды и бесчисленных фальсификаций, которые распространяют печать и радио, я понимаю, что в самом начале события в Венгрии явились выражением недовольства масс серьезными ошибками и упущениями прежнего руководства, стремления этих масс к их исправлению. Мы, американцы, читали также и декларацию правительства Советского Союза, в которой отмечается, что было немало «прямых ошибок, в том числе и во взаимоотношениях между социалистическими странами, нарушений и ошибок, которые умаляли принцип равноправия в отношениях между социалистическими государствами». Но несомненно и то, что, когда события начались, они очень быстро приобрели иной, мрачный характер.

Ленин высказал однажды мысль, что и после смерти капитализма его труп еще будет некоторое время издавать зловоние. События в Венгрии показали, что капитализм в этой стране был еще не вполне мертв и что определенные элементы и в стране и вне ее лихорадочно выжидали момента, когда можно будет снова вдохнуть в него жизнь.

Об этом свидетельствует, в частности, и то разочарование, которое охватило правящие круги США после того, как путчисты в Венгрии потерпели поражение. «Уолл-стрит джорнэл» приводит следующие слова одного из помощников Даллеса, сказанные в беседе с корреспондентом жур-

ИРАЕТ СИЛЫ

Профессор задумчиво посмотрел в окно.

— Мы поведем борьбу не оружием, как пытались делать эти молодчики,— он кивает в сторону улицы,— а просвещением, убеждением. Передовые ученые решительно осуждают контрреволюцию; они не дети, они знают, что пыталась насадить у нас контрреволюция.

Мы прощаемся. Профессор Фогараши подводит нас на минуту к книжной полке и показывает большой том «Венгерская наука за десять лет»:

— Здесь то, что мы сделали в математике, физике, медицине, физиологии за десять последних лет. При режиме Хорти у нас была масса болтунов, которые кричали о венгерской национальной культуре. Смотрите! Только в последние годы мы сумели издать полное собрание «Классиков венгерской литературы» и большую серию монографий венгерского народного творчества. Реакционеры пытаются обливать грязью народную Венгрию, но мы с презрением отвергаем эту клевету.

Профессор провожает нас и говорит убежденно:

— Ученые — за установление законного порядка. Место ученого — за работой. Особенно сейчас!

...Поздний вечер. Темно на улицах. Город, кажется, уже уснул. Но этот худощавый человек с живыми глазами и нервным, энергичным лицом все еще бодрствует. Уже несколько часов подряд он диктует по телефону материал для своей «Юма». Андре Стиль, главный редактор «Юманите», здесь, в Будапеште, находится в качестве ее специального корреспондента. Ежедневно он передает десятки страниц яркой, живой, правдивой информации о венгерских событиях.

Андре Стиль делится с нами своими впечатлениями:

— За последние дни в Венгрии, безусловно, произошли гигантские изменения. Люди были дезориентированы; сейчас все понемногу становится на место. Я вспоминаю солнечный воскресный день 25 ноября, когда жители Будапешта массами вышли гулять на улицы. Вы помните, как много было детей в колясках! Появились воздушные шары, мячи, куклы в руках ребятишек. По-моему, это воскресенье очень характерно для сегодняшнего Будапешта.

Андре Стиль упорно работает, рассказывая французам правду о Венгрии.

В Париже восемь дней назад вышла первая часть его новой книги — «Вопрос о счастье поставлен». Ему не терпится увидеть эту книгу, ему она дорога, ибо только месяц в году он может работать как писатель. Все остальное время он отдает «Юманите».

...Над городом гаснут огни, в гостинице тихо, и только глухо звучит неутомимый голос Андре Стиля, диктующего в телефон.

Въезжают в квартиру...

Везут оконные рамы...

нала: «Ну что ж, тут еще требуется некоторая эволюция... Но дело двигается». В той же газете приводится и другое суждение, высказанное высокопоставленным американским дипломатом: «Если удастся разбить коммунистическую систему на части, легче будет положить ей конец».

Статья в «Уолл-стрит джорнэл» побудила меня перелистать некоторые страницы моего досье газетных вырезок за последние десять лет. Может быть, в свете событий в Венгрии интересно будет вспомнить хотя бы некоторые из этих полузабытых сейчас документов.

9 апреля 1948 года. Журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» пишет: «В Вашингтоне имеется течение, рекомендующее развернуть «Операцию «Икс» за железным занавесом, применив те же методы, которыми пользовалось в военное время управление стратегической разведки...».

Июнь 1950 года. Сенатор Генри Кабот Лодж-младший (будущий представитель США в ООН) вносит в конгресс предложение о вербовке 10 тысяч перемещенных лиц. «Нью-Йорк таймс» разъясняет, что они понадобятся «в качестве шпионов за железным занавесом». Конгрессмэн Дьюи Шорт говорит по этому поводу: «Скажем честно, это будет грязная работа».

Октябрь 1951 года. Знаменательная дата! Конгресс принимает поправку к «Закону о взаимной безопасности», по которой правительству разрешается расходование 100 миллионов долларов для финансирования подрывной деятельности в других странах. Автор поправки, конгрессмэн Чарльз Керстен, разъясняет, что речь идет о «поддержке подпольного освободительного движения в коммунистических странах». Знаменательны следующие слова Керстена: «Думать, что террор не будет играть роли в движении освобождения в Восточной Европе, значит совершенно не понимать того, чем является такое движение».

Февраль 1952 года. «Нью-Йорк таймс» сообщает о состоявшемся совещании «членов конгресса с беженцами из-за железного занавеса — дипломатами, профессорами и бывшими коммунистами». Повестка дня совещания: «Изыскание новой техники психологической войны против Советского Союза и связанных с ним стран» и пожелания об «организации множества подпольных групп» с целью «создания революционной атмосферы».

Нелишне вспомнить, что докладчиком на этом совещании был вице-президент Международной телефонно-телеграфной компании Р. Фогелер, тот самый, который в свое время был пойман в Венгрии с поличным как организатор шпионско-диверсионной работы в этой стране. Через 6 месяцев после «совещания» Фогелер возглавил вновь созданный «Американский центр освобождения». Центр объявил, что его цель — «вооружение 45 000 беженцев из стран Восточной Европы и поддержка подпольной сети в странах железного занавеса, что поведет к революции».

Апрель 1952 года. В журнале «Нэйшнс бизнес» обозреватель «Нью-Йорк таймс» Антони Ловиеро пишет: «Официально это отрицается, но мы учим людей быть шпионами, диверсантами, специалистами по острейшим формам психологической войны... Их учат взрывать мосты, железнодорожные пути, военные заводы, обращаться со всеми видами оружия...»

Январь 1953 года. Журнал «Ньюс уик» пищет, что «правительство рассчитывает на широкое применение методов диверсий и саботажа в планируемой войне против Советов... Официальные круги Вашингтона отрицают это потому, что опасаются негодования публики по поводу применения таких грязных методов».

Можно ли сомневаться, что «грязные методы» нашли свое применение во время событий в Венгрии!

Американский радиообозреватель Дрю Пирсон рассказал 8 ноября этого года весьма любопытную историю. Еще в начале 1950 года венгерский эмигрант Бела Фабиан говорил ему о «подпольной подготовке» в Венгрии, в которой он, Фабиан, принимает близкое участие, и уверял, что «венгры восстанут». «Венгрия первой поколеблет русское господство», — говорил Фабиан. Дрю Пирсон спросил тогда Фабиана: «Чем могли бы помочь Соединенные Штаты?» «Ничего нельзя достигнуть без риска, — ответил Фабиан.— Вам надо рискнуть небольшой толикой крови».

Похоже, однако, на то, что, когда дошло до пролития крови, американская секретная служба явно предпочла, чтобы эта кровь была венгерской. В самые острые дни венгерских событий американские газеты не переставали печатать в кричащих заголовках на первых полосах обращения «вождей восстания» к США: «Вы обещали помощь. Вы призывали нас действовать. Где же вы?..»

Было бы односторонним, если бы я утверждал, что только американские реакционеры устраивают шум по поводу событий в Венгрии. Многие либеральные и прогрессивные американцы глубоко встревожены и дезориентированы этими событиями. Некоторые даже ставят знак равенства между использованием советских войск в Венгрии и вторжением англо-французских войск в Египет. Так поступил, например, прогрессивный радиокомментатор Сидней Роджерс. Я не сомневаюсь в его искренности, ибо знаю его как активного борца за справедливое дело. Но я сомневаюсь в том, насколько он был при этом рассудителен. Неужели так трудно увидеть бросающееся в глаза различие между использованием войск в одном и другом случае? Редактор «Дейли пипл уорлд» Джон Питтмэн выразил это различие очень ясно. «Разве, — пишет он, — русские вмешались, чтобы вернуть в Венгрии земли и фабрики тем, кто ими владел до 1945 года? И разве англичане и французы вторглись в Египет, чтобы помочь египтянам осуществить свое право владеть и управлять Суэцким каналом?»

Использование советских войск в Венгрии рисуется некоторым из прогрессивных американцев как «трагическая ошибка», они полагают, что это может «затормозить развитие социализма». Но мне хотелось бы спросить: неужели победа контрреволюции в Венгрии способствовала бы развитию социализма?

Американцам, несущим в своем сердце обет борьбы за мир и свободу, следовало бы, как мне кажется, прежде всего призвать к ответу тех людей в нашем собственном доме, которые сыграли темную роль в трагедии, постигшей венгерский народ.

Фабрика

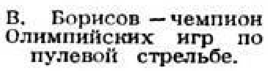
А. СОФРОНОВ,

специальный корреспондент «Огонька»

Советские пятиборцы — чемпионы XVI Олимпийских игр И. Новиков, А. Тарасов, И. Дерюгин.

В. Борисов — чемпион Олимпийских игр по пулевой стрельбе.

Л. Спирин — чемпион Олимпиады в ходьбе на 20 километров.

Чемпион Олимпиады по вольной борьбе М. Цалкаламанидзе.

Кто хранит олимпийское спокойствие

В те часы, когда подписчики получат этот номер нашего журнала, в Мельбурне все уже будет кончено. После 15 дней напряженной спортивной борьбы спустят большой белый флаг с пятью кольцами, а над зеленым полем стадиона — свидетелем рождения новых чемпионов и поражения прошлых — снова взовьются флаги 68 стран, принявших участие в XVI Олимпийских играх.

А пока пишутся эти строки, на всех спортивных площадках идет суровая и, я бы сказал, безжалостная борьба за секунды, метры, килограммы, борьба, полная драматических подробностей, борьба, к которой иногда примешиваются не только спортивные страсти.

В Австралии собралось немало всякой нечисти, основательно замаравшей совесть и руки в преступлениях перед своими народами. Так вот эта нечисть проникла на игры и пытается создать обстановку, далекую от честной спортивной борьбы.

Скажем прямо, попытки эти успеха не имеют, но атмосфера иногда накаляется до предела. Одна из мельбурнских газет напечатала байку о полицейском, который остановил машину иностранного туриста и в знак расположения угостил детей испугавшегося иноземца конфетами. Другая газета пишет о еще более вежливом полицейском, нагрянувшем в десять минут седьмого в пивной бар, где у стойки загулявшая компания спорила о всяческих перипетиях Олимпийских игр. В Австралии все пивные закрываются в 6 часов 15 минут. Полицейский потребовал, чтобы спорщики покинули бар. Любители пива взмолились и попросили полицейского разрешить им довести спор до конца. Полицейский оказался добрым, он сказал, что сам примет участие в их беседе с условием, что они не будут больше заказывать пива. Этому «историческому событию» газета «Аргус» посвятила большую информацию. Но, к сожалению, ни эта газета, ни другие не печатают сообщений, из которых можно было бы узнать, какие меры полиция принимает к тем, кто приходит на спортивные соревнования с единственной целью — оскорбить достоинство той или иной страны, участницы Олимпийских игр.

Пожалуй, о мельбурнской полиции можно сказать, что она хранит олимпийское спокойствие.

Как делаются рекорды

Но вернемся к Олимпийским играм. Это много интереснее. Здесь такой богатый выбор спортивных зрелищ, что просто не знаешь иногда, куда направить свои стопы. С утра в отеле журналисты спрашивают друг друга:

— Ты пойдешь на баскетбол? Сегодня наши играют с американцами.

— Что ты, сегодня наши играют в футбол с индонезийцами!

— Какой может быть футбол, когда сегодня финал бега на четыреста метров да еще три тысячи с препятствиями!..

И так было каждый день.

Однажды, когда я объявил, что вечером пойду смотреть соревнования по поднятию тяжестей, один из моих знакомых сказал:

— Я вас не понимаю, да я бы вовсе запретил этот вид спорта! Что это за спорт? Выходит толстый мужчина, что-то шепчет, пыхтит и поднимает штангу. Никакого эстетического удовольствия

— Да вы-то были хоть раз на состязаниях штангистов?

— Нет, но я представляю себе.

— Ах, представляете! Тогда пойдемте сегодня со мной.

И мы пошли. Соревнования по штанге происходили в большом выставочном здании, помещении очень удобном. К помосту с трех сторон спускаются ряды для зрителей. Над помостом висит несколько необычная люстра: на ней 6 делений с чередующимся красным и белым светом. Именно эта люстра заставляла каждого атлета после того, как он выжал, толкнул или рванул штангу, воздевать очи к небу: если все судьи — а их трое — включат белый свет,— это роскошно, вес взят чисто. Если все трое зажигают красный свет,— это значит, что жим, рывок или толчок не засчитан. Если горят два белых и один красный,— это прилично, движение засчитано двумя судьями, то есть большинством. Если наоборот,— не засчитано. Такая световая сигнализация, конечно, требует известного навыка.

Пока диктор объявлял четырем тысячам зрителей имена вышедших на помост атлетов, мы уже имели возможность познакомиться с некоторыми чертами их характеров. Одни улыбались, другие были серьезны, как перед защитой докторской диссертации, третьи хвастливо демонстрировали свои могучие мускулы.

Имена почти всех атлетов зрители выслушали более или менее спокойно, но когда им были представлены советский спортсмен Аркадий Воробьев и американец Шеппард, в зале раздались аплодисменты...

— Борьба пойдет между ними, — сказал нам сидевший рядом чемпион прошлых Олимпийских игр Иван Удодов.

И вот началось.

На доске появилась цифра «105». Вышел бразилец Барабани. Нагнулся, взглянул на штангу, вздохнул, с усилием поднял ее над собой, а бросив штангу, посмотрел на люстру. Там горели один красный и два белых.

— Не очень чисто взял, — прокомментировал Удодов.

Мой попутчик добавил:

— Видите, даже такой пустяковый вес не может человек взять правильно.

Англичанин Харрингтон легко выжал 110 килограммов. Барабани поправился и тоже взял 110, но теперь уже под потолком зажглись три белые лампочки. Вышел с играющими, как на шарнирах, мускулами аргентинец Зайгельшифер. Свирепо посмотрел на штангу и выжал 117,5 килограмма. Эсвараро — представитель Индии, впервые участвующий в соревнованиях по поднятию тяжестей, со второй попытки взял этот же вес. Некоторое оживление внес австралиец Сантос, появившийся под бурные аплодисменты земляков. Он долго смотрел на штангу, словно пытаясь прочесть секрет, как лучше поднять ее, потом стал что-то шептать, наконец сделал свое дело довольно чисто и танцующей походкой ушел с помоста.

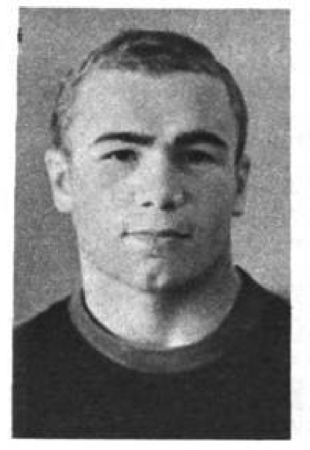
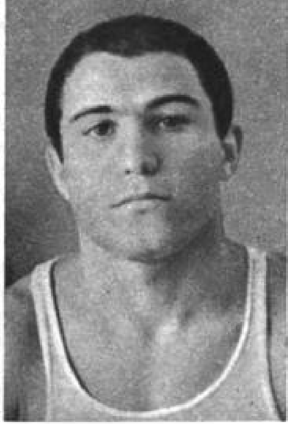
На весе 127,5 над аргентинцем Зайгельшифером зажглись два красных и один белый огонь. Он взглянул наверх, застонал, как от зубной боли, и побежал с помоста.

Появился высокий, откровенно любующийся собой иранец Рахнаварди. Он грациозно положил штангу на грудь, затем гортанно крикнул — и штанга застыла над ним. Помахав рукой зрителям, он скрылся в соседнем зале, где кто-то время от времени бросал штангу на пол.

Прошли француз Дебюф с лебединой, красиво прогибающейся спиной, мужественный, хорошо сложенный болгарин Веселинов, 130 килограммов взял коренастый поляк Биалас, добрался до 140 Рах-

Вечером в Мельбурне.

Чемпионы XVI Олимпийских игр по боксу В. Сафронов, В. Енгибарян, Г. Шатков.

Е. Дементьева — чемпионка Олимпиады на байдарке-одиночке.

Г. Ботев и П. Харин завоевали золотую медаль по гребле на каноэ-двойке на дистанции 10 тысяч метров.

наварди, и, наконец, на тех же 140 вышел весь спрессованный из мускулов, небольшого роста американец Шеппард. Он медленно нагнулся, постоял, рванул на грудь штангу и начал жать, но не выжал, штанга грохнулась об пол. Вспыхнули три красных света.

— Этот не шепчет,— сказал я соседу.

— Не мешайте смотреть, видите, выходит Воробьев, — отодвинулся от меня мой спутник.

На помост и впрямь вышел Воробьев. Внешне он мало походил на атлета.

— Он скоро хирургом будет, заканчивает институт, а раньше водолазом был, упражнялся осью от вагонеток,— сообщил мне биографические подробности жизни Воробьева Федор Богдановский, уже заработавший золотую медаль и установивший новый мировой рекорд в своем весе.

Аркадий Воробьев подошел к штанге, как-то неприметно опустил руки — и штанга оказалась над его головой. Аккуратно положив на помост свой нелегкий инструмент, Воробьев ушел.

Вторая попытка Шеппарда увенчалась успехом, над ним зажглись три белые лампочки. На доске цифра «145». На помост снова вышел Воробьев. Мой спутник схватил меня за пиджак.

— Вам плохо?

— Нет, нет! — Сосед отпустил пиджак и захрустел пальцами.

Зал гремел аплодисментами. Воробьев взял 145. От мирового рекорда его отделял теперь всего один килограмм.

Вышел Шеппард. Он волновался, лицо его побледнело. Полная тишина воцарилась в зале. Рукав моего пиджака снова оказался в цепких пальцах соседа. Шеппард опустил руки, положил штангу на широкую грудь и начал жать, но, не выжав, бросил штангу на пол. Третья, последняя попытка не увенчалась успехом.

Уже победив американца в жиме, Воробьев имел в запасе еще одну попытку. На доске появилась цифра «147,5». Воробьев натер руки магнезией, несколько раз прошелся вдоль помоста, искоса поглядывая на штангу, словно желая убедиться, на месте ли она, подошел к ней, и над штангой, вознесенной вверх, одновременно зажглись три белых огня.

Зал овацией встретил новый мировой рекорд советского спортсмена.

Сосед наконец отпустил мой пиджак и воскликнул:

— Все! Есть еще один рекорд!

— Нет, не все, — сказал сидящий рядом тренер. — Сейчас взвесят штангу, потом Воробьева, и если он окажется тяжелее положенного веса, рекорд не будет засчитан.

— Но он же обязан следить за собой!

— Следить? Утром двести граммов не хватало до нормы, но он ведь закусил перед соревнованием.

— Как же он смел?

— А вы сами попробуйте поднять штангу, не закусывая.

Но вот наконец взвешены и штанга и Воробьев. Все оказалось в норме.

— Пойдемте на баскетбол, — сказал я моему спутнику.

— Что вы, как можно?! Здесь так интересно!

И я один ушел на встречу баскетбольных команд Франции и Канады.

Как бегун Куртней заработал медаль

Зрители главного стадиона были свидетелями драматического бега на 800 метров.

Когда мы смотрели этот финальный забег, невольно вспомнился финиш марафонского бега на прошлых Олимпийских играх в Хельсинки. Тогда некоторые бегуны, едва коснувшись грудью ленточки, валились здесь же на траву. Их заворачивали в одеяла, клали на носилки и уносили. Но то был марафон. Здесь же надо было пройти всего 800 метров. Всего!..

Американец Куртней первый круг прошел довольно легко и вырвался вперед, но к концу второго круга его стал поджимать англичанин Джонсон. Когда до финиша оставалось метров 50, Джонсон перегнал Куртнея. Не надо отдать должное упорству американца. Буквально за несколько метров до финиша, имея перед собой Джонсона, Куртней ценой невероятного напряжения сделал рывок, на грудь опередил англичанина и тут же упал на траву. Два часа лежал он, приходя в себя. На два часа была отложена церемония вручения олимпийских медалей.

Стоя на пьедестале почета, Куртней опирался руками о плечи бегунов, занявших второе и третье места. Когда же был сыгран гимн, победитель тяжело сошел с пьедестала и, осторожно ступая, направился к выходу. Лицо его хранило еще следы перенесенной боли, но золотая медаль все-таки была у него.

Человек, которого не брали в расчет

Один из тренеров сказал:

— По нашим расчетам, первое место займет поляк Сидло, второе — наш Виктор Цыбуленко, третье...

Взрыв аплодисментов, приветствовавших грека Рубаниса, успешно соревновавшегося по прыжкам с шестом с двумя американскими прыгунами, заглушил слова тренера, называвшего фамилию третьего копьеметателя.

Т. Тышкевич — первая призерша Олимпиады по толканию ядра — беседует с чемпионкой Англии метательницей Сюзен Оллдэй.

На зеленом поле полуовалом были вычерчены две толстые черты. Дальняя означала мировой рекорд и отстояла от линии броска на 83 метра 66 сантиметров. Ближняя — 73 метра 78 сантиметров — была линией олимпийского рекорда.

Соревнование началось несколько неожиданно. Первым копье метал Виктор Цыбуленко. Оно взвилось в воздух и уткнулось в землю за ближней линией. Стадион ахнул. Побит олимпийский рекорд — 75,84 метра.

Первый же бросок сразу отвлек внимание зрителей от прыжков с шестом, от четвертьфинальных забегов на двести метров. Дул сильный ветер. Соломенные судейские шляпы катались по ста-

диону, как маленькие колесики. Гремели выстрелы стартеров. Через каждые пять минут со старта срывались новые бегуны. А копья летели все дальше и дальше. Польский спортсмен Сидло действительно метнул копье дальше Виктора Цыбуленко. На щите показателей появилась цифра «79,98». Цыбуленко тоже улучшил бросок, но польского товарища не догнал.

Судья, на другом конце поля наблюдавший за прыжками с шестом, во-время предусмотрительно передвинулся ближе к прыгунам. Именно в то место, где он сидел, уткнулось копье, перелетев линию мирового рекорда больше чем на два метра.

Над стадионом не так часто обваливается небо. На этот раз оно обвалилось. Оглушенный овацией, судья стоял и потирал спину, словно его все-таки пронзило копье.

— Кто это? Кто это? — послышалось со всех сторон.

— Норвежский спортсмен Даниэльсен.

— Но как же это он? Мы же его не брали в расчет, — растерянно говорили тренеры. Но вскоре тренеры успокоились: «А, собственно, что случилось? — тут же успокоили они себя.— Родился новый чемпион, а в остальном всё так, как мы предсказывали: Сидло на втором месте, наш Виктор Цыбуленко на третьем».

И. Яунземе — победительница по метанию копья.
Фото Б. Светланова.

Когда трещотки не помогают

Может быть, учитывая невероятную насыщенность программы Олимпийских игр, можно было бы опустить описание четвертьфинального футбольного матча. Но некоторые привходящие обстоятельства придали встрече болгарских и английских футболистов юмористический характер, и поэтому о ней стоит рассказать. Болгары в этом были совсем неповинны. Они отлично провели важную для них игру и вне зависимости от того, как сложится судьба олимпийского первенства, заявили себя серьезными претендентами на первое место.

Известно, что Австралия принадлежит к странам британского содружества, поддерживая своего патрона, как только можно, во всей его сложной политике. Если читатель спросит, какое это имеет отношение к отчету о футбольном матче между командами Англии и Болгарии, он будет прав: никакого отношения к футболу это не имеет. Мы тоже думали так, когда тридцатого ноября к четырем часам тридцати минутам пришли на малый стадион, где должна была состояться эта встреча. То, что на стадионе оказалось большинство болельщиков, разговаривающих на английском языке, естественно. Естественно и то, что они, особенно в начале матча, всячески выражали свои симпатии английской команде. Но представьте наше удивление, когда мы увидели почти полный экипаж английского корабля, явившийся на стадион с государственными флагами. Невольно подумалось, что английский флот покончил со всеми делами в Египте и его перебросили на поддержку своих спортсменов в Австралии.

...Но вернемся к футболу. Игра сложилась для англичан довольно печально. Родоначальники футбола выглядели рядом с болгарами робкими учениками. На восьмой минуте вратарь пропустил легкий мяч в правый нижний угол. На мгновение английские трещотки замолкли. Некоторое время шла сложная игра посреди поля, закончившаяся прорывом правого края англичан, забившего мяч в ворота болгар. Счет 1 : 1. Заработали трещотки. Над колонной моряков замелькали флаги. Но в последние три минуты первого тайма мяч еще дважды побывал в воротах англичан. Теперь, казалось, следовало свернуть знамена, спрятать трещотки и потихоньку разойтись, но не тут-то было. Колонна была построена и с развернутыми знаменами двинулась по беговой дорожке, подбадривая себя трещотками,— и это, когда весь стадион видел на щите 1 : 3 в пользу болгар.

Зрители заулюлюкали, загудели. Бравые моряки выглядели столь смешно, что даже активные болельщики, переживавшие поражение англичан, скромно опускали глаза долу. Это почувствовала и полиция, которая где-то на прямой двумя шеренгами преградила путь боевым морякам и заставила их вернуться на места, согласно купленным билетам...

Болгарские футболисты отлично раскатывали мячи. Английский вратарь во втором тайме еще три раза вытащил мяч из своей сетки. Окончательно смолкли трещотки, и застенчиво поникли флаги. Когда прозвучал последний свисток судьи, английские моряки все же прорвались на поле. Следует сказать, что некоторые из них пожимали болгарам руки. На этот раз полиция вмешалась немедленно. Она не могла допустить беспорядков. Она сразу же и довольно бесцеремонно для англичан отделила моряков от футболистов. Так прошло это маленькое шуточное сражение с участием английских военно-морских сил...

Кожаные перчатки

На Олимпийских играх бокс вызвал большой интерес. Огромный зал был всегда переполнен. На полуфинальные и финальные встречи было трудно пробиться, имея даже билет. Контролеры, боясь прорыва «зайцев», пропускали каждого имеющего билет в полуоткрытую дверь, и люди полные едва протискивались в эти узкие щели.

Большую и заслуженную победу одержали советские боксеры. Они взяли три золотые, две бронзовые, одну серебряную медали, принеся своей команде 33 очка. Девятнадцать очков «заработали» американцы. Конечно, медали — очень важное дело, но тут надо учесть еще тот не поддающийся учету коэффициент обаяния, который вызвали советские спортсмены.

Нелегок был их путь к победе. Как барьеры, были расставлены нокдауны, нокауты и прочие неприятности. По свидетельству опытных любителей бокса, на олимпийском ринге собрались самые лучшие боксеры мира.

Советская школа бокса ярко проявилась в лучших боях на ринге в Мельбурне. Всеобщее уважение вызвал замечательный боксер, идущий без поражений,—Геннадий Шатков. В полуфинале жребий свел его с аргентинцем Салазаром. Должен откровенно сказать: на нас производило странное впечатление какое-то конвульсивное подергивание рук и ног, с каким появился Салазар на ринге. Впрочем, этим отличался не один Салазар. На ринге иногда появлялись словно не боксеры, а больные такой мало приятной болезнью, как «пляска святого Витта».

Салазар, видимо, кроме силовой атаки, решил применить и «психическую». Но после нескольких буйных нападений он наткнулся на железную защиту и внушительные ответные удары. Когда закончился первый раунд, Шатков свежим вернулся в свой угол, а Салазар усталым. В середине второго раунда аргентинский тренер бросил белое полотенце на ринг — знак прекращения боя. Салазар дважды побывал в нокдауне, и Шатков помогал ему подниматься с настила.

В финале Шатков встретился с чилийцем Тапиа, физически сильным, агрессивного склада боксером. Возможно, это и погубило чилийца. Решив, видимо, сразу же оглушить Шаткова серией молниеносных атак, Тапиа бросился вперед, но так же, как накануне Салазар, наткнулся на непробиваемую защиту советского спортсмена. Все же Тапиа не оставлял намерения сбить Шаткова с ног, но прошло всего две минуты первого раунда — и сам Тапиа лег плашмя. Он поднялся с трудом, но через несколько секунд снова оказался в нокауте, получив неотразимый удар в подбородок. На этот раз Тапиа при счете «десять» не поднялся.

Пока судьи подводили итоги этого боя и служащие тащили на ринг пьедестал почета, Тапиа подошел к Шаткову и сердечно обнял его. Так они и стояли, победитель и побежденный, посреди олимпийского ринга, являя собой символ честной спортивной борьбы.

Боксер тяжелого веса двадцатилетний ростовчанин Лев Мухин оказался побежденным в финальном бою более опытным американским боксером Рейдмейчером. Мухин принес команде серебряную медаль, но, может быть, эта серебряная стоит иной золотой. До финала молодой спортсмен, совсем недавно появившийся на ринге, трижды добивался победы нокаутом. Он привел в недоумение зрителей: три нокаута подряд — и такой конец! Скажем прямо, у Льва Мухина плохая защита, но ему двадцать лет, у него все впереди.

Золотые медали получили Владимир Сафронов и ереванец Владимир Енгибарян. Их отличная техника, стойкая защита и продуманное наступление убедительно показали, в чем особенности советской школы бокса.

Последние старты

1 декабря, в последний день легкоатлетических соревнований, в Мельбурне было 35 градусов тепла. Главный стадион переполнен. Люди сидят и стоят на ступеньках, заполнив все проходы. Словно из пушки, вылетают со старта бегуны.

Спортсмены «малых стран» уже до этого принесли немало радости своим народам, и на этот раз ирландец Делани вышел победителем на дистанции 1 500 метров. Этот бег начинают называть дистанцией «малых стран». В 1952 году в Хельсинки бег выиграл люксембуржец Бартель. Помнится, когда он поднялся на пьедестал почета, то заплакал, глядя, как над стадионом поднимается флаг его страны. Делани оказался менее сентиментальным: он просто вприпрыжку пробежал вдоль трибун.

Больших успехов добились бегуньи Австралии: они побили мировой рекорд в эстафете 4 × 100 метров. Отличное время показали американские спринтеры, также установив новый мировой рекорд в эстафете 4 × 100 метров. Советская команда повторила прежний мировой рекорд и установила новые европейский и всесоюзный рекорды.

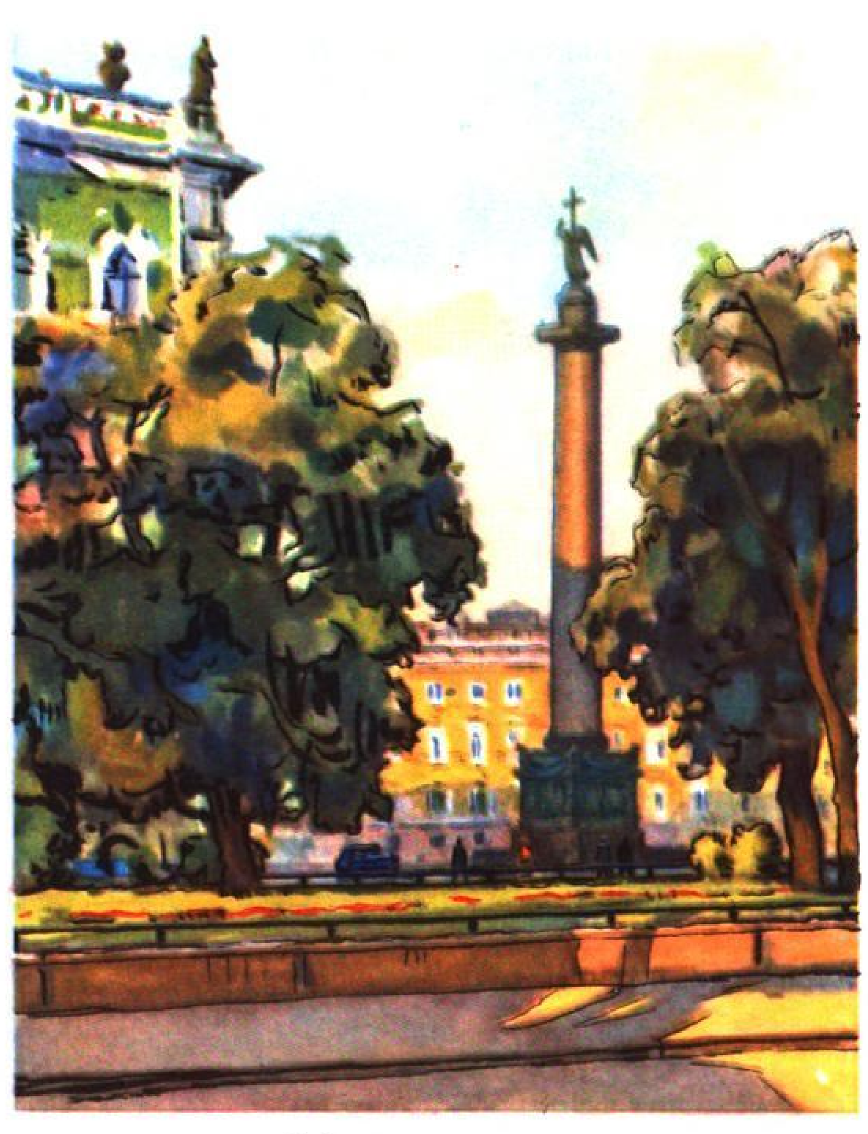
В воскресенье 2 декабря в олимпийской деревне руководитель советской делегации поздравил наших спортсменов. По установившейся традиции, победителям вручались индивидуальные торты.

Несколько дней назад американцам не хватило торта для вручения своему спортсмену, и они попросили его взаймы у нас. После окончания соревнований по легкой атлетике один из американских тренеров сказал:

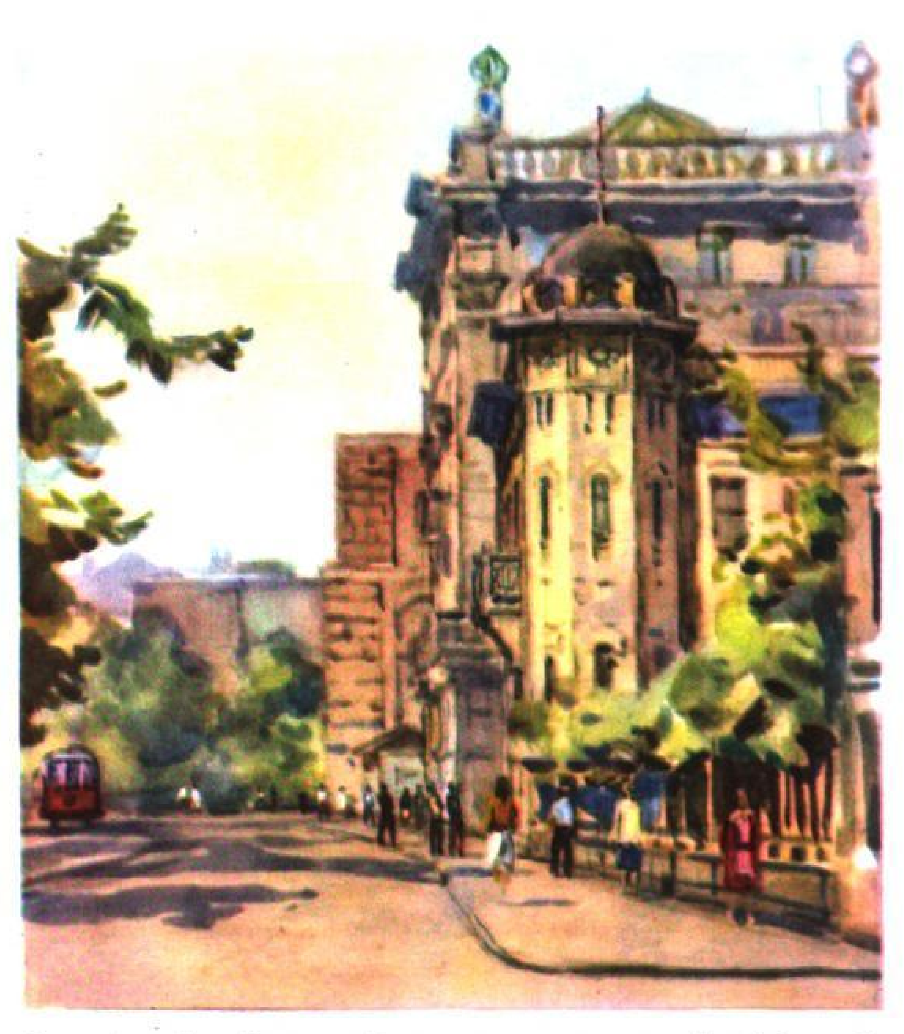
— Кажется, за один этот торт нам придется отдать на следующей неделе несколько.

...Но о последней неделе Олимпийских игр мы расскажем в следующем номере журнала.

Мельбурн, 3 декабря,
по телеграфу.

У Дворцовой площади.

Бывший особняк Кшесинской, в котором создается Музей Великой Октябрьской социалистической революции.

Ленинградский полдень. Нева.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ АКВАРЕЛИ Г. В. ХРАПАКА.

Дворцовая набережная.

Аничков мост.

вах, разумеется, было нелепым, но Дуся видывала от начальства и не такие виды и тотчас повернула в проулок.

Подписав и завизировав несколько срочных распоряжений и отношений, Донат Петрович позвонил по «вертушке» Ивану Тарасовичу, пожаловался на сердце («Еще бы! Такая жара!») и намекнул, что хочет уехать на дачу. («Конечно, поезжайте, с Зигазинским комбинатом разберемся в понедельник».)

Неслышно вошедшая секретарша спросила его о какой-то докладной из Красноярского треста.

— Устал я, — пожаловался Донат Петрович, не отвечая.

Позвонив на квартиру и сказав Глаше, что не приедет обедать, он осторожно опустил трубку на рычаг и несколько минут стоял у письменного, затянутого зеленым сукном стола, похожего на бильярд, и ни о чем не думал. Попросту стоял, помещался вертикально в пространстве.

— Ладно. Поеду, — сказал он себе, проверил, заперт ли сейф, предупредил секретаршу, что в понедельник будет как обычно.

СКУЧНОЕ ЛЕТО

Рассказ

Виталий ВАСИЛЕВСКИЙ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Донат Петрович Валуев — крупный деятель в области машиностроения — на исходе длинного, утомительного заседания почувствовал, что ему скучно.

Он заранее знал, что Василий Сергеевич сейчас признает некоторые ошибки в планировании серийного выпуска автомата «Д-33», что Гришин предложит доработать резолюцию в рабочем порядке и что заседание закончится около трех часов, ибо собравшиеся — люди пожилые — привыкли обедать от трех до четырех дня.

«Служу. Нет любимого дела»,— неожиданно подумал Донат Петрович. Иронической улыбкой он попытался прогнать эту горькую, обидную для самого себя мысль, но из этой затеи ничего не получилось. А карандаш машинально, как бы по собственному разумению, чертил да чертил на лежавшем перед Донатом Петровичем листе бумаги замысловатые орнаменты.

— Согласен, согласен,— ответил он Гришину, хотя толком не расслышал, о чем тот спрашивал.

Гришин любил, чтобы с ним соглашались. Вот пусть и радуется, что и на этот раз оказался правым.

После заседания, не попрощавшись ни с кем, даже с Гришиным, что было не только неучтивым, но и неблагоразумным, Донат Петрович спустился в вестибюль, взял у гардеробщицы плащ, перекинул его через левую руку и вышел на улицу.

День был жаркий; мелкие облака, похожие на кусочки отжатого творога, неподвижно висели в бесцветной от зноя пустоте неба; асфальт мостовой и тротуаров накалил воздух до сухости парной бани.

У стоявших перед зданием легковых автомобилей был понурый, утомленный вид, и они походили на стадо коров, томящихся от жажды.

— Что, вздремнули, Дуся? — спросил Донат Петрович, открывая дверцу машины.

Однако его шофер Дуся Проскурякова, признавшись, что от жары едва не превратилась в растаявшее мороженое — нет ничего противнее! — сказала, что не спала, а читала, и показала растрепанную книгу.

Цвейг! Подумать надо, Цвейг! «Письмо незнакомки». «Амок».

Донат Петрович с трудом удержался от удивленного восклицания.

Дуся — бездетная бойкая вдовушка — возила его уже несколько лет. И в прежние годы Дуся увлекалась чтением, но исключительно книг отечественных авторов. Произведения зарубежного писателя Донат Петрович увидел у нее впервые.

Все эти годы Дуся была бессменным казначеем кассы взаимопомощи и не просчиталась ни на копейку. Злые языки утверждали, что Дуся, кроме аккуратности, отличается общительным нравом и обожает молодых летчиков, но Донат Петрович брезговал учрежденческими сплетнями и относился к ней с искренним уважением.

Собственно, он уважал Дусю не за казначейскую щепетильность и даже не за то, что она любила читать, а за то, что Дуся ни разу не осталась у него дома обедать или завтракать.

Она никогда не поднималась в квартиру, и в то время, когда Донат Петрович сосредоточенно перемалывал зубными протезами предписанную врачами диэтическую пищу, Дуся читала в машине, не обращая внимания на благосклонные взгляды знакомых милиционеров и регулировщиков.

Зато жена Доната Петровича недолюбливала Дусю и однажды сказала:

— Вместо того, чтобы ценить приглашения и любезности...

Но Донат Петрович ее резко оборвал:

— Это тебе не кухарка, а ты не барыня и можешь не расточать ей своей доброты!

Сейчас Донат Петрович хотел спросить Дусю, чем ей понравился Цвейг, но замялся и промолчал.

Трехцветные гирлянды светофоров вели машину, как путеводные звезды корабль в открытом море, по раз и навсегда установленному маршруту — на квартиру Доната Петровича: время обеденное.

Промелькнул справа сквер — зеленая заплатка на серо-желтом одеянии города, капелька прохлады в потоке духоты.

— Подождите, Дуся,— сказал Донат Петрович,— загляну на минутку в управление — и сразу на дачу. Суббота ведь. Что-то у меня с сердцем.

Сочетание «субботы» и «сердца» в его сло-

Через полчаса машина вырвалась из безветренных ущелий городских многоэтажных улиц. Лучи солнца падали уже не отвесно, а наклонно, и все же автомобиль не мог умчаться от их палящих лезвий. Пока не проехали окраину и не углубились в лес, в кабине было душно, хотя стекла опустили, и казалось, что кабина засыпана, словно золотистым сыпучим зерном, солнечными кристаллами.

Донату Петровичу очень хотелось поговорить с Дусей о Цвейге, но он почему-то застеснялся и сказал:

— Дуся, а как ко мне относятся наши служащие?

Бог весть, зачем это нужно было ему знать.

У Дуси на переносице собрались темные морщинки. Ответила она не сразу, и, вероятно, не из осторожности, а оттого, что хотела выразить свою мысль с наивозможной точностью.

— Простые работники очень вами довольны. Уборщицы, шоферы, сторожихи говорят: кто-кто, а Донат Петрович не пройдет мимо, не пожав руку.

«И это не плохо»,— внутренне улыбнулся Донат Петрович.

От быстрой езды его разморило, клонило в сон.

Наконец «Победа» свернула с шоссе и медленно поползла по немощеной просеке. Под колесами хрустели сосновые шишки. Солнце освещало лишь вершины деревьев, и здесь было прохладно.

— Микроклимат, — подумал вслух Донат Петрович.

— А конечно, Донат Петрович,— охотно подтвердила Дуся.— Была я на экскурсии в Докучаевской Каменной степи. Еще подъезжаешь, а уже издалека чуешь этот микроклимат — свежесть, бодрость такая!

По обеим сторонам просеки стояли дачи с мезонинами, такие нарядные, чистенькие, что сердце радовалось, но Донат Петрович знал, что этот дачный поселок обошелся министерству дороже многоквартирного дома, и впервые почувствовал раздражение.

Стволы сосен были медно-красными, солнечная кисть прошлась по ним увесисто, плотно, и деревья, хоть и прятались в собственной тени, оставались празднично щеголеватыми.

«Вот дачки-то бы так и украшать: солнцем

да соснами, а не фондированной масляной краской»,— подумал Донат Петрович.

Машина несколько раз подряд нырнула в глубокие ухабы и, остановившись у калитки, сипло отхаркнулась, как загнанная лошадь.

— Ну, забарахлил! — с досадой сказала Дуся о моторе.— Завтра когда подавать?

— Захватите газеты и подъезжайте часам к одиннадцати,— сказал Донат Петрович, вылезая.

Машина уже отъехала, а он стоял, опустив голову, как давеча у своего письменного стола в кабинете, и ему хотелось остановить Дусю и сказать, что в воскресенье можно обойтись и без казенной «Победы», а за газетами сходить пешечком в станционный киоск.

— Мулечка приехал! — раздался за изгородью голос Галины Михайловны, голос, в котором чувствовалось напряженное желание хоть на расстоянии-то казаться молодой.— Вот как хорошо! А у нас окрошка!

«Сколько раз говорил: не смей называть «мулечкой»,— скривился Донат Петрович, но тотчас, пересилив себя, улыбнулся.

— Окрошка так окрошка!..

Умывшись, натянув просторную пижаму, он почувствовал себя легче, но боль в сердце не проходила, и он привычной рукою отмерил очередные двадцать капель Зеленина, и потом весь вечер ему казалось, что все: и цветы, и сосны, и пижама, и одеяло — пропахло сладковато-пьянящим аптечным запахом.

— Обыкновенная валерьяна. Лучше рюмку водки вонзить,— проворчал он, возвращая жене пузырек с лекарством, зная, что сейчас Галина Михайловна ответит, что он не бережет себя, что профессор Калязин надеется именно на капли Зеленина и т. д.

Сохраняя на лице обиженное выражение, как будто приличествующее сердечнику, Донат Петрович вышел на веранду, отодвинул свой стул, сел на свое место у обеденного стола и потянулся к графину.

— Мулечка! — воскликнула Галина Михайловна, словно девочка, у которой из-под носа выхватили конфетку.

— Никакой я тебе не мулечка,— сказал Донат Петрович.— Наши где?

— Купаются.

«Наши» с некоторых пор в разговоре между Донатом Петровичем и женою означали их сына Петра, Петрушу, Петьку, и его невесту Ларочку, живущую сейчас у них на даче.

— Им бы пора в постели купаться, а не в речке,— сказал Донат Петрович, задумчиво разглядывая на свет настоенную на березовой почке водку в большой, так называемой «двуспальной» рюмке.

— Ты... ты стал невыносим! — ужаснулась Галина Михайловна, роняя на пол салфетку.

— Каков есть.

— Что, опять с Гришиным? — понизив голос, спросила с таинственным видом Галина Михайловна.

— Да что мне Гришин! Я сам себе Гришин!

Слова мужа становились вовсе непонятными, но Галина Михайловна решила обождать, когда он успокоится, а успокаивался Донат Петрович обычно после трех рюмок, и потому она сама поспешила наполнить только что опустевшую.

Когда муж с хрустом разгрыз краснобокую редиску, Галина Михайловна сдержанно начала:

— Я отказываюсь верить, не могу понять, как ты далек от нашего мальчика. Петя деликатен, чуток. У него утонченные переживания. Не отрицаю, его замкнутость внушает мне тревогу...

— Ему двадцать пять. Двадцать пя-аать! Я с семнадцати лет на сеновалы к девкам лазил!..

Галина Михайловна поперхнулась, словно ей в рот влетела мушка, глаза ее начали наливаться слезами, и Донат Петрович, испугавшись, что сейчас разразится скандал, махнул рукою:

— Ладно, чего там говорить!

Скрипнула калитка, и на песчаной дорожке появились Ларочка и Петр.

Ларочка, перебросив мохнатое полотенце через плечо, в красном сарафане, с красным лицом, такая же краснобокая и краснощекая, как редиска, шла быстрыми шагами и о чем-то взволнованно говорила Петру, а тот, поправляя очки на хрящеватом носу, насмешливо спрашивал время от времени: «Разве?»

— Надеюсь, при детях...

— Молчу, молчу,— успокоил жену Донат Петрович и в самом деле встретил Лару сердечно: она нравилась ему.

Лара была дочерью его давнишнего друга — Сухомлина Николая Яковлевича. Когда-то Сухомлин и Валуев директорствовали на соседних уральских заводах, их семьи жили вместе летом на лесной заимке у озера со странным ягодным названием Голубика.

Сухомлин рано овдовел и вторично не женился, а на него заглядывались заводские красавицы-кержачки. Еще в те годы Донат Петрович и Сухомлин полушутливо-полусерьезно договорились породниться, тем более, что дети привязались друг к другу, хотя и были несходны характерами: Ларочка драчлива и дерзка, а Петруша сосредоточен и меланхоличен.

Сейчас Ларочка окончила Свердловский медицинский институт, осталась там же аспирантом. Второе лето она гостила на даче Валуевых, и как будто дело налаживалось,—во всяком случае, теперь, когда кто-либо из гостей поднимал тост за жениха и невесту, Ларочка уже не вспыхивала и не убегала с веранды.

«Но ведь второе лето! Что-то мусолят долго! Не к добру»,— вот чем был недоволен Донат Петрович, гордившийся тем, что он сам по натуре человек стремительный. Он не догадывался, что был человеком стремительным. Был!

— Дядя Доня, сегодня папа прилетел! Вечером нагрянет! — крикнула, увидев Доната Петровича, Ларочка.

— Боже, совсем забыла сказать! — делая большие глаза, произнесла Галина Михайловна.— Приехал, приехал, да, да! Позвонил с аэродрома.

— Ну, и хорошо. Завтра, значит, семейно в Архангельское прокатимся,— обрадовался Донат Петрович, с удовольствием глядя на курносую пухленькую Ларочку.

— Умывайтесь, скорее умывайтесь, наверно, проголодались! — оживившись, сказала Галина Михайловна, переставляя с места на место тарелки и бокалы, чтобы показать еще раз мужу, как ее утомляют обязанности хозяйки.

Каждой весною в семье Валуевых начинались скандалы: Галина Михайловна настаивала, что необходимо взять на дачу вторую домработницу — Глаша сторожила квартиру, — а Донат Петрович оставался непреклонным: «Обойдемся!»

Едва Лара и сын ушли умываться, Донат Петрович потянулся и мечтательно сказал:

— Право же, она очаровательная!

— Мулечка, что ты!.. Ни одной правильной черты лица! — прошептала, поглядывая на дверь, Галина Михайловна.

Донат Петрович вспомнил, что ему жена всю жизнь внушала, что у нее классический римский профиль, и настроение у него опять испортилось.

Уже безучастно наблюдал он, как сын аккуратно развертывал салфетку, как, отказавшись от водки, налил себе столового вина и не наклонялся к тарелке, а подносил ко рту ложку и глотал окрошку беззвучно, и все это сегодня почему-то злило Доната Петровича, злило до того, что хотелось стукнуть кулаком.

«Все твои добродетели, товарищ архитектор, в хороших манерах»,— подумал он о сыне и далее в течение обеда не поднимал глаз от тарелки с жареным судаком, от блюдечка с киселем.

— Дядя Доня, рассудите нас с Петром, весь день спорим,— возбужденно сказала Ларочка.

— Нет, увольте, увольте! — сказал Донат Петрович и даже замахал обеими руками.— Ничего я в ваших делах, молодые люди, не кумекаю!..

Это была неправда, но он предчувствовал, что жена обязательно примет сторону Петра, и потому спорить ему не захотелось.

Галина Михайловна нагнулась к девушке и шепнула ей что-то.

«О моем сердце»,— догадался Донат Петрович и на этот раз остался удовлетворенным, что коронарная недостаточность способна уберечь его от бесплодных разговоров.

Поблагодарив за вкусный обед, он поднялся в мезонин и прилег на кушетку. В открытое окно было слышно, как на веранде певуче говорила Ларочка. Уральский говорок неизменно придавал ее словам наивную трогательность. «Разве? Разве? — спрашивал Петр, а затем солидно заметил: — Ты отличаешься романтическим мировоззрением». И Галина Михайловна визгливо рассмеялась в знак одобрения вполне реалистического мировоззрения сына.

«А ведь у него совсем старческие глаза», — подумал о Петре Донат Петрович, положил на ухо подушку и, чтобы поскорее уснуть, начал про себя читать: «Прибежали в избу дети...»,— это всегда помогало.

То ли он задремал, то ли лежал в забытьи, но когда раздался протяжный гудок автомобиля, будильник показывал уже семь вечера.

Обрадовавшись при мысли, что приехал Сухомлин, Донат Петрович проворно слез с кушетки, взглянул в окно и тотчас недовольно фыркнул: из блестящего, словно зеркальный шкаф, «ЗИМа» вылезала величественная Людмила Ивановна Гришина.

«Вот черт принес!» — подумал Донат Петрович, прислушиваясь к изумленно-радостным восклицаниям и звукам поцелуев на веранде, воображая, как жена прикидывается осчастливленной столь неожиданным визитом Людмилы Ивановны, которую в глубине души презирала за скупость.

— Да, да, сердце. Совершенно не бережет себя!..— Галина Михайловна произнесла эти слова с подчеркнутой грустью.

— Мой Алексей Кузьмич сразу же заметил: уходит с заседания, не попрощавшись. «Съезди,— говорит мне,— может быть, нужна помощь, собрать консилиум, я всех профессоров на ноги подниму!»

— Спасибо, спасибо!

«Все-таки учел» — эта мысль сначала позабавила Доната Петровича, а через минуту нагнала еще пущую скуку.

Гришин был великолепным организатором, и Донат Петрович признавал справедливой его необычайно быструю служебную карьеру.

Непонятно было ему иное: почему у Гришина теперь вечно надутый вид, словно он опрокинул стопку водки и, не проглотив, потянулся за бутербродом, мыча от нетерпения?

А на веранде опять целовались: вошла Ларочка.

— Похорошела, загорела,— с покровительственными интонациями сказала Людмила Ивановна.— Поздравляю, милая, поздравляю, ты еще ничего не знаешь, как видно: твой отец назначен начальником главка!

Донату Петровичу все время хотелось закрыть окно, да лень было голову поднять с подушки, а когда он услышал о назначении Сухомлина, то начал с интересом следить за разговором. Было впечатление, что он приобрел билет в Большой театр на галерку, на самое неудобное место, откуда все слышно, а ничего не видно.

«Э, вон для чего тебя сюда муж прислал: выведать у меня о Сухомлине!.. Молодец, Колька, молодец! И ведь пальцем о палец не ударил, чтобы в главк перебраться! — размышлял, потянувшись за портсигаром и закуривая, Донат Петрович.— Вот что самое приятное: пальцем не пошевелил!»

— И совсем это ни к чему! — вырвалось у Ларочки.

Наступила растерянная тишина, и, представив, как переглядываются возмущенные жена и гостья, Донат Петрович окончательно развеселился.

— Что значит «ни к чему»? — строго спросила Людмила Ивановна, скрипя стулом.— Ты понимаешь, что такое начальник главка? Это ж должность!

— Не понимаю! — просто ответила девушка. Эта простота была здесь неуместной, и, догадавшись об этом, Лара добавила: — Отец— коренной уралец! Всегда говорил, что без Урала ему жизни нет.

— А-а-а!.. Привыкнет, привыкнет. Тем более, что и ты скоро переберешься!

Галина Михайловна немедленно послала Ларочку в сад собирать клубнику.

Задвигались стулья; хозяйка и гостья подсели поближе друг к другу, чтобы посекретничать всласть.

В этот момент Донату Петровичу всерьез показалось, что он ясновидец: со своей кушетки он отчетливо видел, как сделался лиловым от любопытства напудренный нос жены, как поджимала губы Людмила Ивановна, и у нее был такой вид, что казалось, при малейшем возражении она встанет и помчится на зеркальном автомобиле жаловаться мужу.

— Удивляюсь, директор завода республиканского значения...— начала Галина Михайловна.

— Все так считали. И мой Алексей Кузьмич. Но вдруг потребовали оперативного работника, знающего нужды периферии!

«Все-то вы знаете!» — хмыкнул Донат Петрович.

Он любил жену, привык к ней, ценил ее, но последнее время почему-то доходил до белого каления и из-за разговоров о второй домработнице, и из-за визгливого, молодящегося смеха Галины Михайловны, и из-за ее восхищения сыном.

И когда он целовал жену в щеку, то ему казалось, что он прикоснулся губами к заиндевелой жестяной кружке...

Через несколько минут в разговор вступил ровный, бесцветный голос сына; вернулась из сада Ларочка, звякнули чашки — жена накрывала к чаю, угощала Людмилу Ивановну клубникой. Беседовали о песенках Ива Монтана, о фильмах Де Сантиса, о выставке Сарьяна и китайских скатертях.

Донат Петрович закрыл глаза. Он чувствовал себя усталым, но это была не блаженная усталость человека, отмахавшего пешком километров тридцать и готового мгновенно заснуть где угодно: хоть на голом полу, хоть на мокрой траве,— а изнуряющая усталость горожанина, кабинетного работника, от которой нет спасения в лекарствах.

И на этот раз ему не дали заснуть: в мезонин поднялась, тяжело дыша, жена и, нервно подергивая веками, упрекнула:

— Неужели ты не мог сказать о назначении Сухомлина?

Донат Петрович хотел ответить, что он сам ничего не знал, но из упрямства, не поднимая глаз, буркнул:

— Тебе-то не все равно?

— Как это все равно? Ты, мулечка, поставил меня в неудобное положение. Узнаю последней от Людмилы Ивановны.

— Я тоже узнал последним от Дуси,— лениво соврал Донат Петрович и перевалился на левый бок, повернувшись к жене спиною.

— Ну-ну.— Обиженная Галина Михайловна выпрямилась, однако не тронулась с места.

— Чего тебе?

— Мулечка, Людмила Ивановна спрашивает, не можешь ли ты через Клару Архиповну достать на вторник билеты в Дом кино? Новый фильм Де Сантиса.

Донату Петровичу не терпелось сказать, что фильм Де Сантиса через три дня пойдет на всех экранах, а через две недели его передадут по телевизору и что ему легче достать воздуходувку или минский самосвал, но он покорно ответил:

— Попытаюсь.

— Только обязательно, мулечка!

— Обязательно, обязательно... Не мешай спать! — взмолился Донат Петрович.

— Разве ты не сойдешь? Мулечка, я понимаю, тебе плохо, ты не бережешь себя, но ведь неудобно перед Людмилой Ивановной!

— Эх, чтоб вас разорвало! — заныл Донат Петрович и начал одеваться, решив, что в разговоре с Людмилой Ивановной наплетет такое о Сухомлине, что испортит Гришину и ей все завтрашнее воскресенье.

У Николая Яковлевича Сухомлина была большая, совершенно лысая голова, мясистые, с фиолетовыми склеротическими прожилками щеки, на затылке жались жировые складки, и когда он молчал, то производил впечатление урода.

Но молчал Николай Яковлевич крайне редко, в разговоре был заразительно веселым, остроумным, кипучим, и потому, когда Ларочка называла отца красавцем, Донат Петрович соглашался с нею.

Сейчас Сухомлин сидел на кушетке, в ногах лежавшего Доната Петровича, и, поминутно повторяя: «Да не беспокойся, лежи, лежи»,— рассказывал о беседе с министром.

Вокруг на стульях сидели Ларочка, не сводящая с отца влюбленных глаз, церемонный Петр и взволнованная Галина Михайловна.

— Ниче-го, справимся, не боги горшки обжигают, ниче-го!..— Сухомлин всегда отделял последний слог «го» и произносил со страшным нажимом, твердо.

— А квартира, квартира? — настойчиво интересовалась Галина Михайловна, и острый подбородок ее равномерно двигался вправо-влево, вправо-влево, как маятник настенных часов.

— Зачем ему до осени квартира? Пусть здесь в мезонине живет! — предложил Донат Петрович.

Ему показалось соблазнительным житье вдвоем, и долгие разговоры по вечерам, и прогулки в лесу тоже вдвоем, и повеяло чем-то далеким, холостяцким, рабфаковским: в годы учебы на Красноуфимском рабфаке Сухомлин и Валуев снимали вместе комнату у доктора Валевского.

— Но, мулечка, нужно подумать о будущем, — возразила Галина Михайловна и бросила многозначительный взгляд на сына и Лару, а Донат Петрович подумал, что если это и случится, то уж кто-кто, а

именно его жена постарается непрерывными нотациями и поучениями испортить жизнь Ларочке, и ему стало стыдно перед другом, и он пожалел девушку.

— Да нет, спасибо, пока в министерском общежитии дадут комнату. Зачем эти беспокойства? — сказал Николай Яковлевич, и дочь с благодарностью посмотрела на него.

Сухомлин так устал, что уже за столом начал клевать носом и сразу после ужина отправился спать.

А Донату Петровичу спать совсем расхотелось, и он долго сидел в мезонине на подоконнике и глядел в ночной сад. Листва была неподвижной, словно отяжелевшей от прохлады. Вокруг уличного фонаря кисейным облачком толклась мошкара. На дне перевернутого ведра, стоявшего у крыльца, проступила бисерная влага. Одичавшая кошка, еженощно приходившая из лесу проведать Валуевых, появилась на дорожке, прошлась взад-вперед, грациозно касаясь лапками влажного песка. Темные сосны слились очертаниями вершин, а стволы их, теперь уже не медно-красные, а как бы закоптевшие, походили на сваи железнодорожного моста.

«Колька таким же останется в главке, каким был на заводе,— неуживчивым, горластым»,— думал Донат Петрович. А потом он спросил себя, почему бы и ему не стать неуживчивым, как Колька, и почему он не скажет этой курносой толстушке, этой Ларочке, которую он тетёшкал когда-то, что ей надо убежать отсюда подобру-поздорову, что Петр — действительно человек порядочный, но бесталанный и глубоко равнодушный ко всему на свете. Скажи такому, что его отец оказался жуликом,— и Петр поправит очки и обронит: «Разве?..» Так и проторчит жизнь в своих реставрационных мастерских, восстанавливая фрески в церковке Николы на курьих ножках.

А еще через минуту Донат Петрович вспомнил, как растроганно взглянула на отца Ларочка, едва речь зашла о квартире, и подумал, что, как видно, в комнате министерского общежития сразу пропишутся двое Сухомлиных.

— Да, спать, спать,— сказал себе Донат Петрович.— Эдак думать, с ума свихнешься. Утро вечера мудренее.

Июнь был угнетающе жарким, и у Доната Петровича часто пошаливало сердце, он бюллетенил по два — три дня подряд, а иногда, чувствуя себя сносно, от скуки выпрашивал у знакомого врача бюллетень.

И тот не отказывал.

Сухомлин приезжал на дачу редко, был еще более задористым, шумным, чем раньше. И когда он клялся, что перевернет в главке все порядки кверху дном, то Донат Петрович и верил другу и не верил.

— Министра я обезоружил: «Беру ответственность на себя!» — отрывисто рассказывал Сухомлин.— Посуди, посуди: чтобы получить эшелон гравия, директор завода... Какого завода? Любого! Так вот, директор должен достать двенадцать подписей-виз. Двенадцать!..— с негодованием повысил голос Николай Яковлевич.— Раньше были визитеры, а теперь стали виза-теры! — Он первым пришел в восторг от своей остроты и долго смеялся.— Двенадцать виза-теров! Директор не может кредитоваться в банке и купить гравий прямо в карьере!

— Если все директоры станут сами покупать гравий в карьерах, так куда ж денутся эти двенадцать начальников? «Виза-теров», как ты остришь... Об этом не подумал? Может, среди них и я нахожусь? Тоже не подумал? — спросил с кислой улыбкой Донат Петрович.

Сухомлин не ответил, но было ясно, что и в этом случае он не колебался бы.

Они шли берегом Москвы-реки. Тропинка была плотно утоптана, штопором извивалась среди кустарника. Вечерело. Берега опустели, и плоская река, подернувшись от сумерек серым налетом, струилась бесшумно, была неприглядной.

— Подожди, припомнят тебе это: «Беру на себя»! И Гришин. И другие,— посулил другу Донат Петрович, а про себя сказал: «Станешь через Клару Архиповну билеты в Дом кино доставать».

— Ниче-го! — вспылил Сухомлин.— Не запугаете!.. Ву компрене?!

— Компрене, компрене! Никто тебя не пугает! — вздохнул Донат Петрович.

Сухомлин был значительно ниже Доната Петровича, и когда обращался к нему, то вскидывал голову, и это придавало ему заносчивый, петушиный вид, не вяжущийся с его массивной комплекцией.

— Думаешь, укатали сивку уральские горки? Черта с два!

— Совсем не думаю. Если кого и укатали, так одного меня! — И опять Донат Петрович протяжно вздохнул.

На противоположном берегу краснел низкий костер. Комары протянули в тяжелом, все еще знойном воздухе звенящую паутинку.

Несколько минут шли молча.

— Скажи, Донат Петрович,— обратился, замедлив шаги, Сухомлин,— а что за человек Гришин? Присматриваюсь к нему, присматриваюсь, а понять не могу.

— Да как тебе объяснить?..— Валуев задумался.— Умен. Очень умен. Я бы сказал, дьявольски умен. Молод — всего тридцать шесть. Тщеславен болезненно — а ничего не делает, чтобы выдвинуться.

Сухомлин с недоверием покосился.

— Наверно, хочешь сказать, что ниче-го непорядочного не делает?

— Примерно так. Видишь, ты его лучше меня понял.

— Если «тщеславен болезненно», то, значит, обязательно споткнется! На повороте вылетит из таратайки. Сейчас климат в стране неподходящий для честолюбцев! — предсказал Николай Яковлевич.

— Возможно. Вообще, Колька, неприятностей тебе не расхлебать, но не теряй кержацкую удаль. Ругайся напропалую. И с Гришиным. И со мною. И с министром.

Эти слова Доната Петровича были настолько искренними, что не нуждались ни в ответе, ни в согласии, а требовали только молчания, мужского молчания, в котором-то и таится верная, на всю жизнь дружба.

И чуткий Сухомлин промолчал.

Перед дачей Валуевых на просеке молодежь играла в волейбол. Послышались упругие удары по мячу, смех Ларочки, задорные восклицания. Вот мяч, ёкая, как лошадь селезенкой, примчался к ногам Сухомлина, и тот, крякнув, наподдал его носком ботинка, гаркнув при этом с залихватской веселостью: «Давай, давай!» Мяч улетел в сосны, и Лара, красная, с выбившимися из-под косынки прядями мокрых от пота волос, укоризненно протянула:

— Ну-уу, папа, какой!..

И побежала вдогонку.

У соседней дачи лучинками разжигали самовар, и дым был светлее темных деревьев и поднимался ровной струйкой, цепляясь за ветки.

А Петр, разумеется, не играл, а стоял, прислонившись к забору, курил, а когда пора было стряхнуть пепел, то осторожно отводил руку в сторону, чтобы не попало на брюки.

Донат Петрович не сомневался, что если бы жена была здесь, то неминуемо сказала бы о Ларочке: «Какая вульгарность! Кричит, багровая, как из бани!..» — и он не возразил бы ей, и все-таки естественность, жизнерадостность девушки, пусть грубая, была ему дороже, милее учтивых манер сына.

— Да оставайся ужинать,— сказал Донат Петрович, заметив, что Сухомлин направился прямо к машине.

— Ужины отменены,— сказал тот, смеясь.— На заводе весь день по цехам бегал, да и то раскабанел. А тут меня с ужинами живо кондрашка хватит... Лара, ты едешь?

Дочь кивнула:

— Конечно, мы же договорились.

Сухомлин сел за руль, он сам водил машину, а Ларочка подошла к Петру и что-то сказала упрямо, сердито.

— Разве? Ну, пока!..— насмешливым тоном сказал Петр и не проводил ее до машины, а плотнее прижался спиною к изгороди.

Молодежь вскоре разошлась по домам, в дачах постепенно потухали огни, и сосны зашумели монотонно, не от ветра — ветра не было,— а от потока прохлады, доплеснувшегося наконец-то и сюда с реки, а Донат Петрович все сидел на лавочке у калитки, и когда жена крикнула с веранды: «Простокваша на подоконнике!»,— не ответил, не поблагодарил.

Сын тоже не двигался, почти невидимый под шатром густолиственного вяза, лишь белели белые брюки, и издалека можно было подумать, что это сохнущее белье свисает с забора. Курил Петр папиросу за папиросой, прикуривая от окурка, а Донат Петрович удивлялся, почему не может поговорить откровенно с сыном хотя бы о его отношениях с Ларой, и раскаивался, что отстоял Петра от назначения в Барнаул и устроил через того же Гришина, а точнее, при помощи Людмилы Ивановны, в реставрационные мастерские.

А спустя несколько минут он говорил сам себе:

«В сущности, не важно, где человек работает: в цехе или в главке, в министерстве или промартели, в столице или Барнауле. От себя не убежишь!.. И в комсомоле, наверно, есть молодые старички-бюрократы вроде моего Петра. Самое главное — сохранить душевную бодрость, задор, запал, что ли. Не стареть!.. С физическим увяданием еще можно примириться. А не примириться, так свыкнуться. Но из месяца в месяц соглашаться то с Гришиным, то барахтаться в бумажной трясине,— что может быть сквернее!»

И он почувствовал, как глубоко виноват перед сыном, сплавив его на попечение маменьки, удовлетворяясь пятерками то в школьном табеле, то в студенческом матрикуле, вовсе не интересуясь, что творится в душе подростка, юноши, взрослого человека, наконец.

Резко, гулко прокричал электровоз вдалеке, и Донат Петрович нервно вздохнул, положил руку на сердце и сказал сыну, чтобы хоть както объяснить свое долгое и неловкое молчание:

— Свежо! Пойду, как бы не продуло.

Так проходило лето, и Донат Петрович попрежнему ежедневно сидел в своем служебном кабинете иногда восемь, а иногда и все десять часов; входили и задавали вопросы подчиненные — он отвечал; раздавался телефонный звонок — он снимал трубку и разговаривал; приносили циркуляры и справки — он подписывал. Подписывал он и разнарядки на гравий, уныло ожидая, когда упрямый Сухомлин добьется, что гравий станут покупать сами директоры, и тогда его, Доната Петровича, виза сделается ненужной.

С Сухомлиным он встречался не часто, главным образом по служебным делам, и восхищался им, думая: «Светлый паренек! Не оскудел народ!»,— хотя назвать пареньком пятидесятилетнего Николая Яковлевича можно было, пожалуй, только иронически.

Дома Донат Петрович делал вид, что не замечает сына, и не ссорился из-за него с женою, и скучал о Ларочке, которая действительно поселилась с отцом и приезжала на дачу все реже и реже, и не находил в себе силы начать жить по-новому.

А Дусю он так и не спросил, нравится ли ей Цвейг: стесняется.

Поездка НА ПЕЧЕНГУ

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото Б. Вирина.

Памятник освободителям Печенги в порту Линахамари.
Фото комсомольца-строителя А. Федоткина.

Последний поворот государственной границы, где она упирается в изрезанный фиордами берег Баренцева моря. Здесь русская земля смыкается с землями двух северных соседей Советского Союза — Норвегии и Финляндии.

Суров и поэтичен этот дальний уголок Европы.

Сопки стоят торжественные. Крайний Север почему-то принято изображать одной хмурой, серой краской. Нет, природа здесь хоть и строга и сдержанна, но посвоему богата и живописна.

Шоссе изобилует поворотами. И за каждым поворотом—новое... То открывается озеро в спокойной глубокой впадине, то вылетает навстречу мостик, переброшенный через кипящую в каменьях реку, то грозно нависает над дорогой отвесная гранитная стена — и тогда вспоминаешь, что этим глыбам неисчислимо много лет: ведь Кольский полуостров сложен из древнейших пород. Величественно... Птиц не слышно совсем. Лишь старательно журчит где-то ручеек, пробираясь между валунами и зарослями низкорослого березняка.

...Много крови было пролито на этой древней земле.

На берегу — старинная церковка с двумя почерневшими луковками. Старожилы утверждают, что именно здесь, недалеко от впадения реки Печенги в Баренцево море, стоял знаменитый монастырь — Троицкая Печенгская обитель. Он был основан в 1533 году предприимчивым монахом Трифоном, которого церковь впоследствии причислила к лику святых. Трифон был человеком неукротимой энергии: он занимался хозяйством, монастырь вел обширную торговлю. Память о Трифоне еще и сейчас живет в названии озера «Трифона-ярви» — причудливое сочетание русского имени с финским словом. В 1590 году на монастырь напали шведы. Защитники стойко сопротивлялись врагу, но погибли; обитель была разрушена...

Для русского человека Печенга дорога и тем, что здесь, в маленьком заполярном порту, побывали в свое время Ушаков и Нахимов, здесь трудился выдающийся исследователь Арктики адмирал Литке. А в годы Великой Отечественной войны эти скалы и сопки видели беспримерный подвиг советских военных моряков, которые в метельную, ледяную ночь октября 1944 года, пройдя сквозь болота тундры, неожиданно напали на позиции гитлеровцев с тыла... Порт Линахамари — рядом с Печенгой. Вот у этих оглаженных морской волной камней высаживался десант краснофлотцев: их не остановил огонь вражеских береговых батарей...

В центре Печенги стоит простой деревянный обелиск с пятиконечной звездочкой.

«1941—1945. Героям Заполярья. Вечная слава вам, сынам Великой Родины».

Ветер и дожди уже полустерли буквы, но все же можно разобрать имена:

Красноармеец Тарасов.
Красноармеец Хасейнов.
Красноармеец Новоселов.
Старший лейтенант Беланина.
Краснофлотец Зурин.
Краснофлотец Ожигаревич.
Медицинская сестра Бобрусь.
Гвардии подполковник Козлов.

Можно представить, как безвестные добровольцы-граверы солдатским ножичком долго, кропотливо, с великим тщанием и любовью вырезали по меди эти имена...

...Дорога идет вверх. Становится холоднее.

Знатоки края говорили мне об особенностях местного рельефа и климата. Здесь, в высоких широтах, каждые новые пятьдесят метров в северном направлении и каждые новые пятьдесят метров высоты над уровнем моря означают климатический скачок.

Скоро поселок Заполярный. Там заложен новый город. Он начинает строиться одновременно с сооружением большого промышленного комплекса возле открытого советскими геологами богатого месторождения никеля.

Еще за несколько километров до Заполярного попадаешь в атмосферу большой стройки. «Мазы» — их здесь прозвали «королями дорог» — везут литые каменные блоки, бочки с горючим, шифер. Свистит паровоз на ветке железной дороги. Возле базы геологоразведочного отряда громоздятся штабелями тысячи продолговатых ящиков. В ящиках уложены пронумерованные круглые каменные столбики, иногда тускло-серые, иногда черно-зернистые или в белых прожилках: это керны, образцы пород, извлеченные бурильщиками из глубоких недр сопок.

— Сверлят целыми километрами. — Смуглый черноголовый инженер, человек лет сорока пяти, кивает на ящики. Он в сапогах, в короткой «прорабской» брезентовой куртке, а глаза скрыты стеклами очков.

— И успешно?

— Кое-что нашли и еще

Поселок Заполярный. Здесь строится город горняков и металлургов.

ищут, — сдержанно отвечает инженер. — Меня вот уже назначили... начальником рудника, а рудника еще нет. Надо вести вскрышу.

Михаил Султанович Шагиахметов — так зовут инженера — рисует, каким будет рудник: огромный котлован, десятки уступов концентрическими кругами уходят в глубину. Техника самая передовая: восьмикубовые экскаваторы, электровозы, большегрузные думпкары... Через каждые две — три минуты на сортировочную станцию подается поезд с горной массой. В кабине машиниста электровоза смонтирована приемно-передаточная радиостанция. Рядом с рудником — современная обогатительная фабрика, а также механическая мастерская, литейная, котельная. Для горняков-полярников оборудован просторный фотарий с десятком искусственных солнц, бытовой комбинат с душевыми, парикмахерскими, мастерскими...

— Вот уже высоковольтная линия подтянута. — Шагиахметов показал на шагавшие через сопки мачты. — Когда копали ямы под опоры, люди совсем исчезали за двухметровыми сугробами. Вот и подстанция подведена уже под крышу. Хватит энергии и для стройбазы и для механизмов в карьере. — И добавляет: — Добыча руды за Полярным кругом открытым способом — дело не совсем обычное. Пионером в этом деле был Норильск. Условия там посуровее, чем здесь. Там я и стал инженером, в Норильске... А в юности работал на Магнитке.

— Старый комсомолец?

Шагиахметов улыбается, кивает головой. Мы припоминаем гору Атач, гостиницу с хлопающими от сквозняков портьерами, «комсомольскую домну» и знаменитую телеграмму некоего комсомольца Лященко (она хранится сейчас в магнитогорском музее): «Желаю буксировать Магнитострой, прошу вашего разрешения прибыть на мировой гигант. Ответа не пишите, потому что наша бригада уже снялась с Москвы и едет до вас».

— А теперь вот «до вас» едут из Ленинграда.

— Да-а...— задумчиво говорит Михаил Султанович. — Живая связь времен...

В один из летних дней на разъезде недалеко от Мурманска довелось мне встретить эшелон с первой партией ленинградских комсомольцев. Помню запыленные вагоны состава, кумачовый транспарант «Вперед, на Север!», юношей и девушек в лыжных костюмах. Они что-то весело кричали, высовываясь в окна. В Мурманске их встречали с цветами. Гремели оркестры и речи... Но как показали себя комсомольцы на деле?

— Вы заметили, какое здесь небо? — спросила Тамара Чумлякова. — Хмурое, свинцовое, а все-таки... а все-таки на горизонте всегда ясная-ясная полоса. Пойдешь на край поселка и смотришь вдаль. Розовая лучистая полоса... Так и в жизни. Дни бывают, как ненастье,—серые, угрюмые, но впереди маячит что-то хорошее, светлое.

Эти комсомольцы — посланцы Ленинграда — собрали в Заполярном первый башенный кран. Слева направо: бригадир монтажников Александр Прогонов, монтажники Василий Сушков и Владимир Панфилов.

Моя собеседница — невысокая темноглазая девушка. Щеки разгорелись. На чистый лоб спадают золотисто-рыжие пряди курчавых волос.

Работает Тамара на дальнем участке, у озера. Она слесарь-инструментальщик. Кроме того, отвечает за снабжение бригад материалами и инструментом.

Какая у нее биография? В школе увлекалась литературой. Когда окончила десятилетку, держала испытание в институт, но недобрала одного балла. Несколько месяцев поработала в типографии. И вот там, в типографии, в ранний утренний час прочитала в газете призыв партии к молодежи ехать на новостройки пятилетки.

Хотелось сейчас же побежать в райком: пошлите и меня. Но не сразу подала заявление. Колебалась. Иные говорили: «А все-таки не стоит уезжать из Ленинграда».

Но она решилась. Нельзя же только в книгах, в стихах искать красивое, надо найти его в самой жизни.

Всего лишь несколько месяцев прошло, а сколько пережито! Пугали с непривычки день и ночь, ребята просыпали на работу. Тамара с подругами ходила по палаткам, будила. Один из землекопов захворал, температура — около сорока, а в палатке нет печки. Тогда Тамара с подругами взяла больного в свою теплую палатку, варила для него бульон. Он выздоровел. Недавно снова пустилась в обход по палаткам и общежитиям. Записывала, кто хочет заниматься в вечерней школе. Семьдесят заявлений собрала.

Гордится Тамара своими товарищами. Люся Васильева, Нина Мыльцева и другие девчата из одиннадцатого общежития так овладели малярной кистью, что не уступают и квалифицированным малярам. А Саша Прогонов собрал со своей бригадой башенный кран. Ведь это сложная монтажная работа, а у Саши в бригаде одна неопытная молодежь...

— У меня есть мечта, — понизив голос, говорит девушка. — Вы не смейтесь. Конечно, писательницей я никогда не стану, но я хочу построить город вместе со всеми... А потом написать об этом книгу. Сначала надо пережить, а потом написать... Правда?

...В клубе поселка — вечер танцев.

В дощатом зале то слабеют до полнакала, то снова ярко разгораются электрические лампочки, свисающие на шнурах с потолка. Сегодня здесь не увидишь ни лыжных брюк, ни ватников. Девушки надели лучшие платья.

Много кавалеров — не только свои, строители, но и приглашенные. Весело... Я замечаю, что одна девушка, Валя Воробьева, не принимает почему-то участия в веселье. Она стоит в пальто у двери. То озабоченно поглядывает в зал, то на улицу, иногда к ней подходят парни с повязками на рукаве. Они куда-то ненадолго исчезают, а потом возвращаются.

— Валя, а вы почему не танцуете?

Взгляд зеленоватых глаз очень серьезен.

— Я отвечаю за работу комсомольского патруля.

Потом я узнал, что Воробьеву зовут здесь «железная Валя», она

Тамара Чумлякова.

гроза всех хулиганов. При ней не посмеют появиться под хмельком, не посмеют войти в зал в кепке или с папиросой в зубах. Бывало, что в Валю летели камни из-за угла, но она не испугалась. Сплотила в патруле десяток смелых, крепких парней; они ее слушаются беспрекословно.

...Я бы согрешил против правды, если бы написал, что все новоселы — такие сознательные и честные строители жизни, как Тамара Чумлякова, Валя Воробьева, Саша Прогонов и другие, подобные им.

Честных подавляющее большинство. Но кое-кому почетная путевка ленинградского комсомола досталась явно не по праву. Среди новоселов оказались и недостойные. Такие могут, бросив работу, по пять — шесть дней справлять «день рождения», а потом заявлять, что «нам здесь вообще не нравится». Что именно не нравится? «Все»... Если потребовать конкретного ответа, такой «герой» начнет перечислять: «Климат неустойчивый: то дождик, то солнце... А согреться захочешь — нет водки, не продают». «Я токарь, а меня заставляют копать землю». «По **вашим** дорогам ездить невозможно... В **вашей** столовой порядка нет».

Надо добиться, чтобы не только передовики, но и вся масса говорила: **«наша** столовая... **наш** клуб».

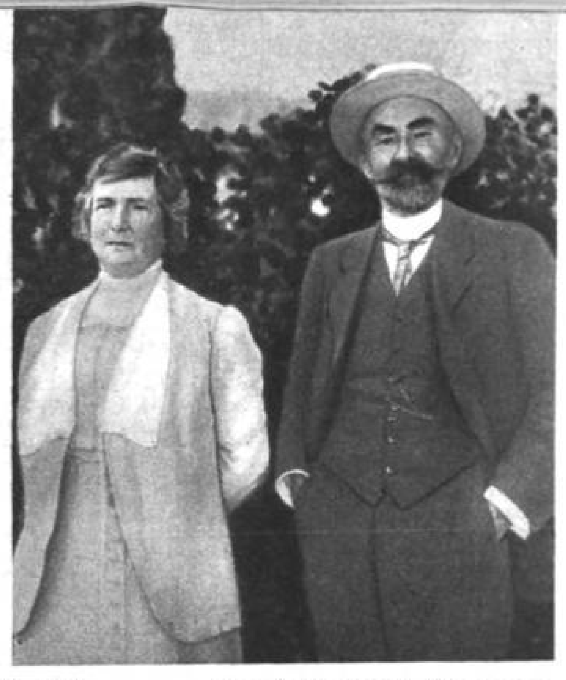
Когда я уезжал из Заполярного, над поселком косо летел снег. Юноши и девушки торопливо и решительно шагали на работу. На участке 13-го квартала (здесь заложены фундаментальные здания) между штабелями каменных блоков и траншеями, где укладывались трубы, возвышался башенный кран. Его стрела как бы с вызовом протягивалась к нависшим облакам.

Мне вспомнились искренние слова Тамары Чумляковой, ее мечта о повести, которая должна быть сначала пережита, а потом написана. Она верит в свою мечту... Светлая, хорошая это вера. И долг старших товарищей заключается в том, чтобы помочь мечтателям и энтузиастам, помочь всем, кто хочет честно трудиться, пустить корни на новом месте, — помочь им стать настоящими людьми, борцами и хозяевами, достойными продолжателями героических традиций тех, кто водрузил над освобожденной Печенгой знамя Советов.

Печенга — Заполярный.

ДОМ ПЛЕХАНОВА

К столетию со дня рождения Г. В. Плеханова

Г. В. Плеханов с женой Розалией Марковной.

На углу Московского проспекта и 4-й Красноармейской улицы в Ленинграде сквозь ажурную решетку садика виднеется светло-желтое здание. На стене его табличка: «Дом Плеханова». Этот дом-музей возник по инициативе Владимира Ильича Ленина, который предложил принять все меры к сохранению плехановского литературного наследия.

Вскоре после смерти Георгия Валентиновича Плеханова, когда в стране еще бушевала гражданская война, В. И. Ленин поручает А. В. Луначарскому договориться с наследниками Плеханова о массовом издании его избранных произведений. Позже Владимир Ильич предложил приступить к изданию полного собрания сочинений Г. В. Плеханова. «...**Нельзя** стать сознательным, **настоящим** коммунистом без того,— писал Ленин,— чтобы изучать — именно **изучать** — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».

Когда выяснилось, что архив Плеханова находится за границей, Владимир Ильич поручил приобрести его литературное наследие и перевезти в Советскую Россию. Об этом стало известно за рубежом. Многие, пытаясь завладеть архивом, предлагали наследникам большие суммы, но они передали материалы безвозмездно Советской стране.

«Интерес, проявленный Владимиром Ильичем к духовному наследству Плеханова, — писала в одном из писем его жена Розалия Марковна Плеханова, — был для меня и дочерей гарантией, что опубликование его не встретит препятствий, и эта уверенность заставила меня что называется сжечь за собой корабли и двинуться в Советскую республику...»

Основная часть книг и рукописей находилась в Женеве, в Швейцарии, где Плеханов прожил долгие годы эмиграции, и в Сан-Ремо, в Италии, где из-за своей болезни Георгий Валентинович вынужден был проводить все зимы начиная с 1908 по 1917 год, вплоть до отъезда в марте 1917 года в Россию.

Наконец все было собрано и перевезено в Ленинград. Дом Плеханова разместили во флигеле, пристроенном вплотную к зданию, в котором некогда помещалось Вольно-Экономическое общество. Это здание примечательно еще и тем, что в нем в 1905 году заседал Петербургский Совет рабочих депутатов. Когда возник вопрос, кому предоставить возможность распоряжаться наследием Плеханова, выбор пал на Публичную библиотеку. И не случайно. На заре революционной деятельности Публичная библиотека в Петербурге являлась для Плеханова не только местом творческой работы, где он готовился к выступлениям среди рабочих и студентов, писал свои статьи, но и служила надежным укрытием от царских ищеек. Находясь уже в эмиграции, Плеханов часто в кругу семьи тепло вспоминал о ней. В память об этом Дом Плеханова и был организован как филиал библиотеки, заведовать им стала Розалия Марковна Плеханова.

В эти дни здесь особенно людно. В читальном зале можно встретить ученых, пропагандистов, агитаторов. Нам показывают кабинет Плеханова, обстановка которого была перевезена сюда из Женевы. Он сохранен таким, каким был и там: стеллажи с книгами, простой, на «крестах» стол, такое же кресло...

Рядом с кабинетом — рабочая библиотека Плеханова, насчитывающая восемь тысяч томов. Здесь собрано все основное из литературы того времени: по философии, экономике, истории, истории культуры, религии, искусству... Эти книги не только прочитаны, но и изучены, многие использованы для работ, о чем свидетельствуют пометки на страницах.

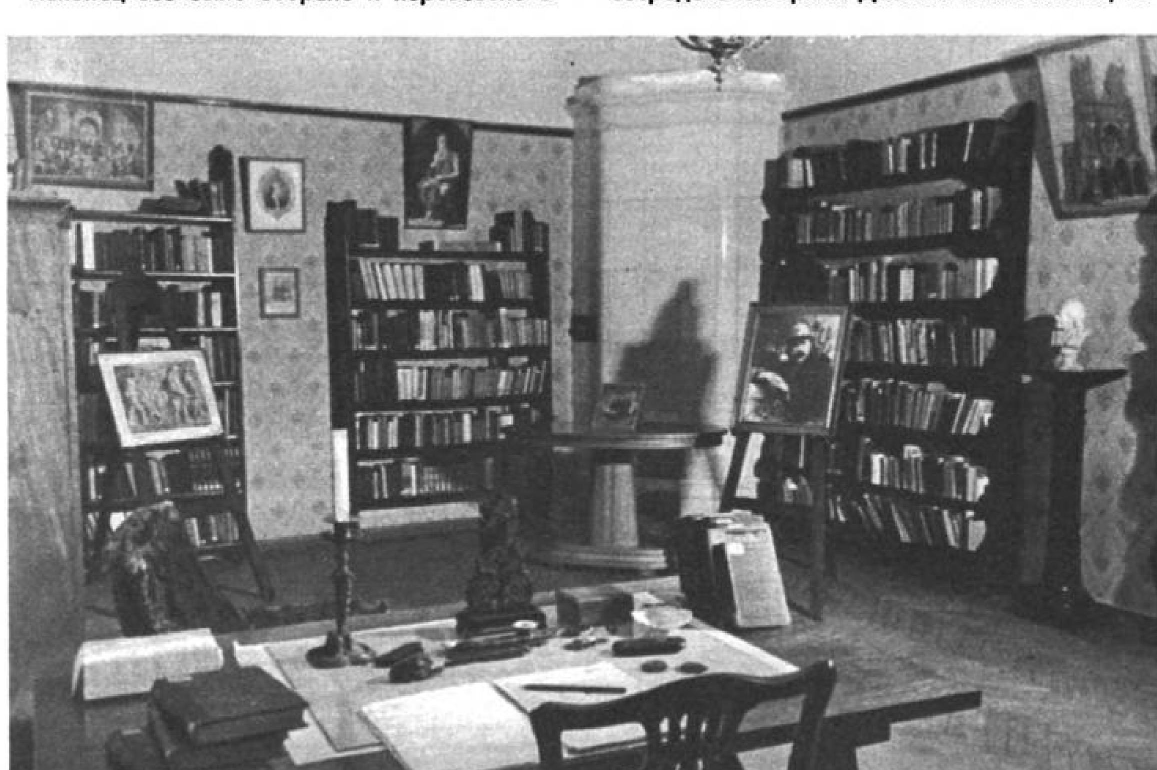
Плеханов, конечно, не ограничивался своей библиотекой, он пользовался книгами других частных и городских библиотек. В одном из писем к Ф. Энгельсу он просит разрешения просматривать у него книги и журналы.

На полках много книг с автографами Ф. Энгельса, Клары Цеткин, Димитрия Благоева, Карла Либкнехта...

В первом этаже дома в высоких шкафах сосредоточен архив. Десятки тысяч листов, написанных четким почерком, вводят нас в творческую лабораторию Плеханова. Более чем в двухстах записных книжках — выписки из книг.

Г. В. Плеханов выступает на могиле А. И. Герцена в 1912 году, в сотую годовщину со дня рождения Герцена.

Кабинет Г. В. Плеханова.

В архиве много писем, и среди них фотокопии автографов Ф. Энгельса. Плеханов не раз встречался с ним, беседовал по теоретическим вопросам. Среди переписки приветствие Г. В. Плеханову от редакций «Зари» и «Искры» в связи с 25-летним юбилеем его революционной деятельности. Оно написано рукой Н. К. Крупской со слов Ленина. Недавно обнаружены и переданы в Институт марксизма-ленинизма три билета-пропуска Г. В. Плеханова на посещение Международного социалистического конгресса, происходившего в Копенгагене в 1910 году. Билеты написаны рукой Владимира Ильича Ленина.

За годы существования Дома Плеханова с помощью коллектива его научных сотрудников были опубликованы семь томов и первая часть VIII тома «Литературного наследия Г. В. Плеханова», издание которого возобновляется. Сейчас Институт философии Академии наук СССР и Госполитиздат при участии работников Публичной библиотеки издают философские сочинения Г. В. Плеханова в пяти томах.

К. ЧЕРЕВКОВ

ВЕСТНИК РАСЦВЕТА И ДРУЖБЫ

По страницам журнала «Народная Румыния»

В одном из номеров журнала «Народная Румыния» помещен очерк М. Попеску «Окраины». Коротко и выразительно рассказано в нем о преобразовании старых предместий Бухареста.

Окраинные поселения именовались раньше «ямами», и этим как бы подчеркивалось их плебейское происхождение. Флоряска, например, как и другие «ямы», выросла на месте карьера, из которого брали песок.

И в старое время, попав в это предместье, без труда можно было узнать, каких марок автомобили пользуются в Бухаресте особенным успехом. Жители Флоряски покупали для строительства лачуг ящики, в которых доставлялись машины. И убогий поселок пестрел расположенными вкривь и вкось надписями: «Форд», «Шевроле», «Ольдсмобиль»...

Неузнаваемо изменились теперь окраины Бухареста. В районе Ферентарь, например, выросли красивые многоквартирные дома; на месте «ямы» Вергулуй построен гигантский стадион имени 23 августа, известный во всем мире; в районе Тей красуется прямоугольный светлый корпус детской больницы имени Эмилии Ирзы.

Маленький символический снимок, помещенный в конце очерка, приковывает взгляд читателя: на панели стоит босоногая девочка лет пяти — продавщица газет. Маленькая рука с газетным листом опущена вниз, глаза застыли в горестном испуге. Вопрошающе, робко смотрит она на женщину в клетчатом платье и как бы безмолвно предлагает: «Купите, мадам, газету. Не дайте мне умереть».

Долго смотришь на маленькую газетчицу, и в воображении встает образ трудовой Румынии прошлых лет.

Минуло двенадцать лет. В рассказах, очерках и репортажах встают грандиозные дела и дни трудолюбивого и талантливого народа, освобожденного от капиталистического ярма.

В одной из корреспонденций сообщается такой случай. Год тому назад кто-то из журналистов спросил седого рабочего, сколько ему лет.

— Одиннадцать! — ответил тот, улыбаясь. И, заметив удивление на лице журналиста, прибавил: — Как человек, я живу только с 23 августа. А до 1944 года... вы сами знаете, что было.

«Черная ночь миновала, сгинула навсегда!» — радостно возвещают многие, многие страницы журнала.

Писатель Петру Думитриу с волнением повествует о том, как в Трансильвании, в Хунедоаре, рождается сталь и чугун — прочный материал для фундамента новой эпохи.

По новому, совершенному методу бурят в Мойнешти скважины Штефан Патрашку и Мелетие Друча, добывая тысячи тонн первоклассной нефти для возрождающейся промышленности.

В городке Романе, на берегу Молдовы, не по дням, а по часам растет новый прокатный завод. Строит его вся республика.

В Молдове, в краю трудолюбивых и гостеприимных людей, знавших, что такое тиф и пеллагра, вырос новый завод волшебного грибка — пенициллиновый завод.

«Весна идет»,— пишет С. Нягу, рассказывая о людях Сэрулештской машинно-тракторной станции. Эти два слова воплощают в себе общую радость румынских крестьян, в селения которых пришла наконец настоящая весна.

Многие авторы неизбежно обращаются к прошлому, чтобы ярче, контрастнее оттенить светлое новое.

«Кровавым годом» называют румынские крестьяне 1907 год. Свыше одиннадцати тысяч человек было убито лишь за то, что осмелились произнести слово «свобода». Многие села Дунайской равнины палачи сровняли с землей.

Вот что рассказывают свидетели об этих кошмарных днях:

— Житель села Пэтулеле Константин Улейу, пятидесяти лет, имел шесть орденов за мужество и доблесть в войне с турками. Его сын Николае, двадцати семи лет, и крестьянин Штефан Абрача, сорока семи лет, были связаны вместе и поставлены к забору. По ним стреляли с близкого расстояния.

Миновали тучи помещичьего самовластья, и на берегах голубого Дуная выросли новые коллективные хозяйства, животноводческие товарищества, заложены сотни гектаров виноградников.

В бывшей королевской усадьбе разместилось управление государственного сельского хозяйства «Сегарча». В селах построены больницы, школы.

Журналистка Иляна Раковица говорит о том, как однажды привезли ей с гор подснежник, пробившийся сквозь сухой лист: «Тоненький, нежный, чудесный в своей трогательной прозрачности, он все-таки был победителем. Лист шуршал, ломался от каждого прикосновения, словно сознавая, что он обречен, что кроме этого взойдут и другие подснежники, что им цвести и жить, а ему, засохшему, блеклому листу, быть смятым торжествующим шествием весны...»

Неудержимо пробиваются индустриальные «подснежники» в долинах Валахии, в Молдове, в предгорьях Карпат — по всей республике. Это новая теплоэлектростанция в Парошень, подшипниковый завод, металлургический комбинат, новые шахты в Лупене, Арадский завод имени Георгия Димитрова, выпускающий паровозы и вагоны.

Авторы очерков и рассказов с любовью говорят о большой дружбе румынского народа с народами Советского Союза.

Новым свидетельством дружбы, пишет журнал, служит решение Совета Министров СССР о передаче Румынской Народной Республике исторических ценностей, посланных на сохранение в Россию в годы первой мировой войны.

Как пишет академик Тудор Виану, этот шаг Советского правительства — демонстрация общей концепции Советского Союза, его политики мира, дружбы и уважения к правам всех народов мира.

По нашей просьбе главный редактор журнала «Народная Румыния» Николае Морару любезно сообщил о том, что журнал издается на русском языке с 1950 года. Тираж его достиг уже 115 тысяч экземпляров. В задачи журнала входит ознакомление советских читателей с многогранной жизнью и деятельностью румынского народа, с его бытом, культурой, историей, с новой индустриальной экономикой, с активным процессом социалистического преобразования румынской деревни.

В качестве авторов в журнале выступают крупные ученые, писатели, художники народной Румынии.

Недавно в Москве, в Государственной публичной исторической библиотеке, была проведена конференция читателей журнала «Народная Румыния».

Выступавшие высоко оценили многие материалы, опубликованные в журнале, и высказали свои критические замечания и пожелания.

Читатели просили главного редактора более подробно освещать вопросы культуры и быта румынского народа и для этой цели выпускать тематические номера о какой-либо области, районе или городе. Николае Морару заверил участников конференции, что редакция журнала непременно учтет их добрые пожелания и уже в ближайшие месяцы читатели увидят тематические номера.

В своем приветствии Михаил Садовяну писал: «Дорогие друзья и читатели журнала «Народная Румыния»! Думаю, что не ошибусь, пожелав вам исполнения нашего общего желания: чтобы народы жили в мире и дружбе».

Журнал поистине является вестником расцвета страны и нерушимой дружбы между нашими народами.

Иван ГОРЕЛОВ

ПЕРВАЯ ВЫСТАВКА ПЕРЕДВИЖНИКОВ

Павел РАДИМОВ

Семьдесят пять лет назад в Петербурге, на Васильевском острове, открылась первая выставка передвижников — выставка, на которой демократическое искусство России одержало одну из самых блистательных, самых «долговечных» своих побед.

«Самая большая художественная новость в настоящее время в Петербурге — передвижная выставка. С какой стороны на нее ни посмотришь, везде она является чем-то особенным и небывалым: и первоначальная мысль, и цель, и дружное усилие самих художников, которым никто извне не задавал тона, и изумительное собрание превосходных произведений, в числе которых блещет несколько звезд первоклассной величины, все это неслыханно и невиданно, все это новизна поразительная»,— писал об этой выставке знаменитый русский критик В. В. Стасов.

Сколько раз встречались мы с тех пор с популярнейшими полотнами Перова, Саврасова, Крамского в залах Третьяковской галереи, в репродукциях, открытках, школьных учебниках, хрестоматиях! Сколько изготовлено копий, и хороших, и средних, и просто никуда не годных,— и все-таки нет, не истерлась, не потускнела слава «Охотников на привале», «Русалок» или саврасовского пейзажа «Грачи прилетели»!

Передвижников иногда упрекают в национальной замкнутости, в узости, излишней злободневности. Но пример одной только первой передвижной выставки делает очевидной нелепость этих упреков.

Разве картина художника-передвижника Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея» — это не общечеловеческая драма обманутого доверия?

И разве не вождь передвижников Крамской написал «Русалок» — одну из самых поэтичных, романтических картин русской школы? Причем поэзия «Русалок» далеко не проста. Есть в этой картине что-то очень тревожное, томительное и горькое, щемящая сердце нота, прозвучавшая потом с такой силой в «Неизвестной».

Ну, а «Грачи прилетели»?.. Не знаю, мне кажется, что до тех пор, пока на земле будет таять снег и в мокрых ветвях будут шуметь грачи, будет волновать эта картина. Помните, как первый раз вы почувствовали, что зимний, устоявшийся, солидный порядок сломан, что опять начинается непонятное, веселое время — весна? В картине Саврасова дорого вот это ощущение смены, движения, обновления жизни, вы просто чувствуете запах весны, запах мокрого железа, потемневшей березовой коры и сосулек.

Передвижников объединяло единство цели. Это был монолитный отряд, сильный своей убежденностью, верой в высокое гражданское предназначение искусства. Но каждый из бойцов этого отряда имел свою неповторимую физиономию, свой характернейший творческий облик. Общность задач нисколько не мешала совершенно определенной творческой дифференциации. Например, Перов — это всегда Перов, и ни с каким другим передвижником его не спутаешь. Ведь в «Клюет или не клюет» («Рыболов») столько свойственного именно Перову не сентиментального и не слезливого, а мужественного, я бы сказал, хирургического, внимания к человеку. И к этому, в общем, довольно смешному старичку-рыболову испытываешь не снисходительную жалость, а уважение.

Передвижничество, как и каждое большое течение в искусстве, явилось результатом сложных общественных процессов. Выстрел Каракозова, «Бунт тринадцати» в Академии художеств, романы Тургенева и выставки передвижников — все это звенья одной цепи, элементы великого освободительного движения, охватившего русское общество во второй половине XIX века.

Демократизация искусства — вот к чему стремились передвижники в первую очередь. Ведь если новый герой — народ — в то время был уже введен в русскую литературу Гоголем, Островским и Гончаровым, то официальное искусство Академии все еще пробавлялось мифологией, библейскими анекдотами и сомнительными историческими сюжетами в обязательном парадно-сусальном истолковании. И первая выставка передвижников была едва ли не самым могучим ударом, окончательно расшатавшим колебавшееся уже тогда здание академических устоев.

Первая выставка передвижников, на которой было всего сорок шесть полотен, была исключительным по своей важности общественным и художественным событием. Она пользовалась огромным и вполне понятным успехом, ее посещали буквально толпы народа. Это было слово, произнесенное веско и обдуманно, предельно правдивое слово. Возразить, противопоставить передвижникам было нечего. Путь русского искусства определился. Путь, как показала история, единственно верный и необычайно плодотворный,— путь реализма.

Я горжусь тем, что мне посчастливилось быть членом Товарищества передвижных выставок, в которое я вступил в 1914 году. Я всегда помню об их замечательных традициях, и нет для меня большей радости, когда в самых далеких уголках нашей Родины посещают выставки моих работ.

В. Г. Перов (1833—1882). ОХОТНИКИ НА ПРИВАЛЕ. 1871 год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. М. Прянишников (1840—1894). ПОРОЖНЯКИ. 1872 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Н. Н. Ге (1831—1894). ПЕТР I ДОПРАШИВАЕТ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА В ПЕТЕРГОФЕ. 1871 год.

Государственная Третьяковская галерея.

И. Н. Крамской (1837—1887). РУСАЛКИ. На сюжет из повести Н. В. Гоголя «Майская ночь». 1871 год.

Государственная Третьяковская галерея.

В СЕРДЦЕ ГИМАЛАЙСКИХ ГОР

Государственный флаг Непала.

О. ОРЕСТОВ

На пути в Непал

На физической карте мира центр азиатского материка обычно окрашен в темнокоричневый цвет, означающий нагромождение высочайших гор — Гималаев. Белой краской помечены вечные снега и ледники, одевающие гималайские вершины. Здесь расположено горное королевство Непал. С юга к нему примыкает огромный треугольник Индостана, а за его северными границами начинается Тибетское плато.

После трехчасового полета из Дели мы приземлились в индийском городе Патна, пограничном пункте с Непалом. Стол индийского полицейского офицера стоял на полянке, около здания аэропорта. Термометр показывал 48 градусов...

— Не отчаивайтесь, джентльмены, — говорил радушный индийский офицер, — отсюда час лёта до непальской столицы. Там вы забудете, что такое жара. Захватите для меня кусочек снега с Эвереста.

В этот момент в его руках оказался мой паспорт. Офицер с интересом разглядывал его.

— Простите, что задерживаю вас,— сказал он,— но в этих краях с советским паспортом еще никто не бывал. Желаю вам удачи и надеюсь, что вижу здесь этот паспорт не в последний раз...

Сначала под самолетом простиралась зеленая равнина, переходившая в густые тропические леса. Это южная область Непала, именуемая тераи,— плодородный и богатый район страны. Он тянется вдоль границы Индии.

И вот горы, то покрытые лесом, то скалистые, голые, красно-бурого цвета. Прежде чем самолет спустился в долину, где расположена непальская столица Катманду, мы пролетели над двумя хребтами.

Плодородная долина лежит в чаше, окруженной со всех сторон горами. Тераи и долина Катманду — равнинные местности в Непале. Дальше начинаются бесконечные хаотические горные массивы Гималаев, занимающие три четверти территории страны.

На территории Непала находятся высочайшие вершины мира: Эверест, именуемый также Джомолунгмой, Аннапурна, Макалу, Канченджанга и другие. Одним из покорителей Эвереста, поднимающегося на восемь с половиной километров над уровнем моря, был непальский альпинист Норки Тенсинг. Но сколько горных вершин здесь еще остаются недоступными для человека!

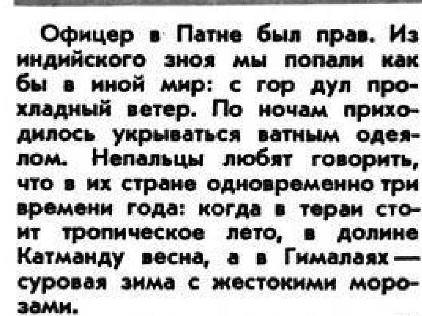
В непальской столице

В Катманду нас доставил комфортабельный индийский самолет. На пути с аэродрома попадаются группы непальских горцев-крестьян, пришедших пешком в столицу. На них темные халаты, полы подоткнуты за пояс, за плечами туго привязанные котомки. Низкорослые, с узким, монгольским разрезом глаз, неутомимые горцы нередко совершают такое путешествие в столицу из самых далеких районов западного Непала. Десять, двенадцать дней идут они по узким тропам над зияющими пропастями, через перевалы, где бешено бьет холодный ветер, переходят бурные ледяные горные реки...

Как и в Индии, в Непале каждое место окружено легендами и преданиями. Вот легенда о долине Катманду.

Давно-давно на месте этой долины было глубокое озеро — убежище страшных змей «нага». И вдруг посреди озера зацвел чудесный лотос. Святой старец Нагарджуна сказал, что появление лотоса предвещает рождение Будды и что миллионы паломников придут сюда на поклонение. Старец пробил ущелье в горах, запиравших на юге долину, и воды озера хлынули прочь, унося с собой змей. На месте, где зацвел лотос, сейчас стоит известный буддийский храм Сваямбхунат. Говорят, что эта легенда связана с сильным землетрясением, прорвавшим цепь южных гор. А змеи и сейчас служат скульптурным украшением непальских храмов...

Офицер в Патне был прав. Из индийского зноя мы попали как бы в иной мир: с гор дул прохладный ветер. По ночам приходилось укрываться ватным одеялом. Непальцы любят говорить, что в их стране одновременно три времени года: когда в тераи стоит тропическое лето, в долине Катманду весна, а в Гималаях — суровая зима с жестокими морозами.

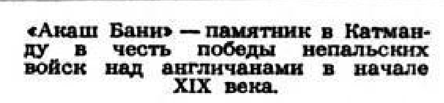

Катманду не похож на индийские города, а непальские деревни сильно отличаются от индийских. Крестьянские дома большей частью двухэтажные: вверху живут хозяева, внизу ютится скот. Домики обязательно украшает резьба по дереву: тонкие колонны, небольшой балкончик или наличники у окон.

В торговой части Катманду — узкие людные улички. На высоких помостах сидят менялы, перед которыми лежат груды серебряных монет; с мешками риса на площади ожидают покупателей сотни крестьян; лавки полны тканей и других товаров, привезенных из Индии.

То там, то здесь в городе видны высокие кирпичные стены, окружающие зеленые парки. За стенами дворцы, где живут магнаты из рода Рана. Недавно еще на базарах непальцы шепотом передавали друг другу слухи о том, что происходило за стенами дворцов, внушавших ужас народу.

Советский читатель вряд ли сможет представить себе современный Непал, если не сказать хотя бы вкратце о страшном, деспотическом режиме Рана, конец которому был положен шесть лет назад.

«Акаш Бани» — памятник в Катманду в честь победы непальских войск над англичанами в начале XIX века.

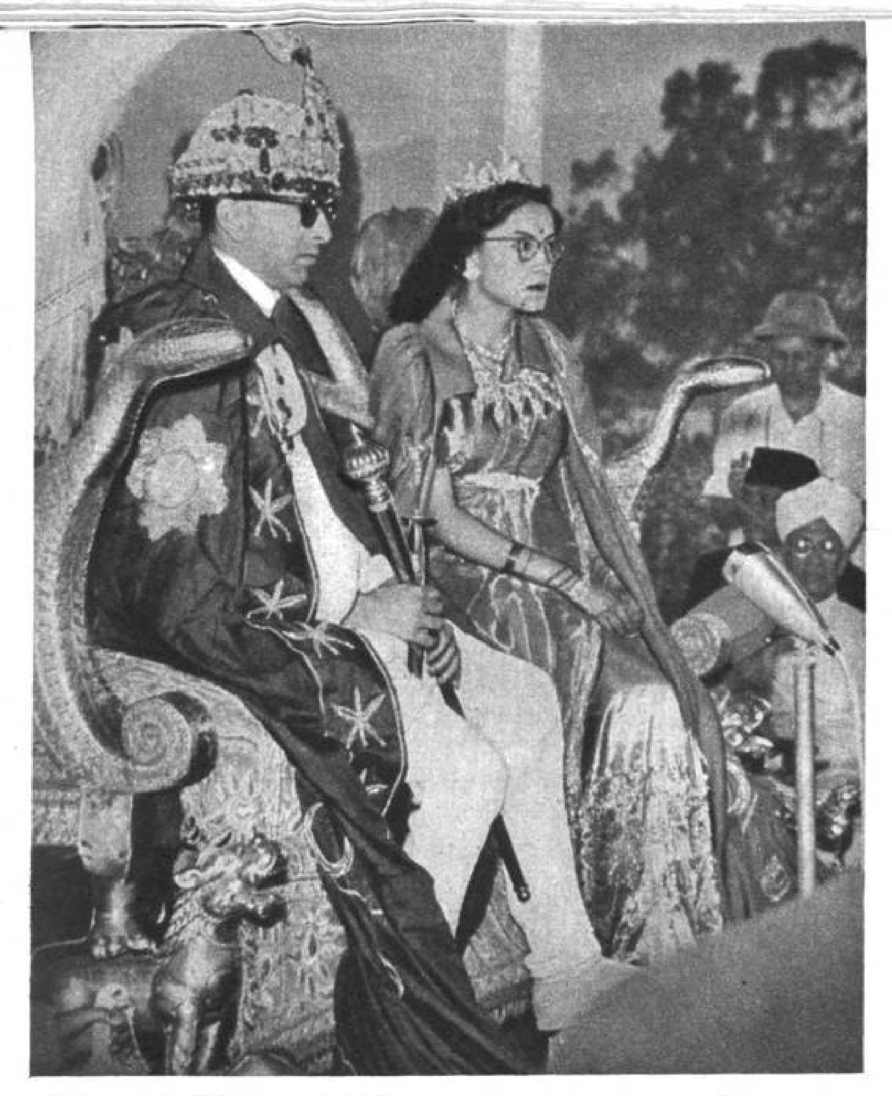
Под властью феодалов

14 сентября 1846 года — памятная дата в истории Непала. В этот день братья из семьи Рана осуществили заговор против королевской династии. Они устроили кровавое побоище во дворце, убили всех придворных и захватили в свои руки власть. Короли на долгие годы превратились в пленников Рана. С этого дня в стране была установлена система наследственных премьер-министров. Этот пост всегда занимал старший в роде Рана; следующий по старшинству был главнокомандующим и так далее.

Страна на сто с лишним лет погрузилась во мрак феодальной реакции. Рана прибрали к рукам земли, леса, доходы от торговли. Помещики хозяйничали в провинциях, где крестьяне деревянными сохами обрабатывали их поля. Каждый помещик сам определял, какую долю урожая обязан отдать ему арендатор.

Сто семей, составлявших род Рана, жадно грабили непальский народ. Естественные богатства лежали неиспользованными. В стране не было промышленности, а тем временем Рана вывозили миллионы рупий за границу, вкладывая их в выгодные предприятия на чужой земле. Феодалы купались в роскоши, построив в одном только Катманду 60 дворцов.

— Посмотрите на эти окна с железными решетками, — сказал

Король и королева Непала на троне.

нам спутник, водя нас по дворцу Синтха Дарбор. — В этих комнатах совсем недавно жили наложницы одного из Рана.

За сто лет в Непал не было завезено ни одного станка или машины, ни одного трактора или сеялки. Но зато по горным тропам непрерывно везли для Рана и их жен из-за границы ткани, огромные зеркала, шкафы и буфеты, радиоприемники и даже автомашины. Через пропасти грузы перебрасывались по подвесной дороге; на узких тропах сто кули поднимали на плечи лимузин и несли его через перевал, ступая босыми ногами по камням и острому щебню...

Непал под семью замками

Династию Рана активно поддерживали британские колонизаторы, контролировавшие связи Непала с внешним миром. В 1923 году они объявили Непал «независимым». Но лишь через 11 лет после этого англичане разрешили Непалу направить посла в... Лондон. Колонизаторы не интересовались ресурсами Непала: разработка и экспорт их требовали слишком больших капиталов. Но эта страна на протяжении многих лет поставляла англичанам отличных наемных солдат из горцев — гуркхов.

В Катманду мы смотрели парад непальских войск. Четко, стройными рядами шагали низкорослые солдаты—гуркхи. Они аккуратны и подтянуты в своей зеленой форме; на головах у них широкополые шляпы, ремешок проходит под нижней губой. Помимо винтовки, у каждого гуркха за поясом торчит в ножнах большой кривой нож — кукри. Это — национальное оружие, которое можно видеть и на гербе, и на медалях, и на монетах Непала. Мимо нас шли солдаты национальной непальской армии.

Но тысячи и тысячи гуркхов еще служат за рубежом, в частях британской армии. К сожалению, вербовка гуркхов англичанами продолжается и сейчас, несмотря на протесты общественности.

Непал был почти закрыт для иностранцев. Особенно боялась клика Рана соседней Индии, где народ уже поднимался на борьбу против колонизаторов. Нам рассказывали, что один непалец, поехавший в Индию, встретился там с Ганди. Когда он возвратился в Катманду, премьер-министр приказал повесить его на городской площади, «чтобы другим неповадно было». Нынешний премьер-министр Непала Танка Прасад Ачария долгое время томился в тюрьме, куда его бросили Рана. И, тем не менее, идея независимости проникла в Непал и овладела умами молодых непальцев. Толчком для народного восстания послужили события конца 1950 года.

Король Трибхуван (отец нынешнего короля), всегда питавший ненависть к Рана, державшим его фактически в плену, ночью тайно покинул дворец и укрылся в индийском посольстве. Разгневанный премьер-министр Мохан Шамшер Рана послал к стенам посольства артиллерию. Однако более осторожные придворные отговорили его от рискованного шага.

Улетевший на индийском самолете в Дели король Непала обратился к народу с призывом поддержать его в борьбе против Рана. Партия Непальский конгресс начала открытую вооруженную борьбу. В панике Рана посадили на трон ребенка — внука Трибхувана. США и Англия, стараясь спасти феодальный режим, до неприличия поспешно признали нового «короля». Однако признать его наотрез отказалась Индия.

Отряды восставших захватили город Биргандж, близ индийской границы, затем Биратнагар; восстание вспыхнуло также в горных западных районах. Правительство Рана могло послать войска в районы, охваченные восстанием, только через индийскую территорию. Но Индия отказалась дать разрешение, и это сыграло решающую роль.

Было создано коалиционное правительство Рана и Непальского конгресса. Однако оно не могло долго существовать, и король поручил формирование кабинета целиком Непальскому конгрессу.

Это был конец феодального режима. Несколько раз еще менялись правительства, но один факт остается непреложным — непальский народ полон решимости не допустить возврата к старому.

За шесть лет после свержения Рана многое изменилось. Сегодня непальцы свободно и открыто обсуждают политические вопросы, созывают митинги и конференции, создают различные политические партии. Их здесь даже называют «грибные партии»: они и впрямь растут, как грибы. Но, очевидно, это — явление, свойственное переходному периоду.

Непальцы начали посещать другие страны. В далеких горных районах пробуждается крестьянство, вступающее в борьбу против помещиков и феодальных пережитков. Несколько месяцев назад под давлением общественности была легализована Коммунистическая партия Непала, находившаяся до того под запретом.

В будущем году — впервые в истории Непала — должны состояться всеобщие выборы в Учредительное собрание. Демократические партии готовятся к созданию единого фронта, чтобы совместно выступить против еще живучих сил феодальной реакции.

Заокеанские советники мутят воду

Тот факт, что феодалы вновь зашевелились здесь, в Катманду, не является секретом. Они создали свою партию — Гуркха Паришад, которую финансируют видные представители династии Рана. Лицо этой партии народ разгадал в 1954 году, когда она организовала грубые антииндийские демонстрации, выступив против сближения Непала с Индией. Эти выступления возмутили непальскую общественность, питающую лучшие чувства к независимой Индии.

А еще год спустя в помещении Гуркха Паришад были обнаружены американские радиопередатчики, присланные из США. Оказалось, что, протестуя против связей Непала с Индией, эта реакционная партия отнюдь не возражает против приезда в страну советников из США.

Американские «советники», навязавшие Непалу свои услуги, активно поддерживают Гуркха Паришад и, не стесняясь, разъезжают по стране, ведя пропаганду в пользу этой партии.

— Сначала мы думали, — говорил нам наш спутник, — что они действительно хотят помочь нам. Группа заокеанских «экспертов» поехала в долину реки Рапти, где планировалось строительство ирригационного сооружения. Два года они бездельничали, сорили деньгами, охотились на носорогов и тигров и... составляли подробные карты района. Ни о каком строительстве и речи не было. Неожиданно прибыл еще один «советник» из США, по... домашнему хозяйству. Он заявил, что намерен обучать непальских девушек хорошим манерам в обществе, поведению за столом и изготовлению американских кушаний. И это в стране, где 94 процента населения неграмотно, где народ живет в нищете! Впрочем, — закончил наш собеседник, — мы свои обычаи ставим выше всякого американского этикета...

В дни недавней коронации короля Махендры лидеры партии Гуркха Паришад проявляли бурную активность, стараясь заручиться поддержкой иностранных гостей. Один из влиятельных представителей рода Рана пригласил нас, иностранных журналистов, к себе во дворец. Собравшиеся там лидеры партии усиленно рекламировали ее перед нами.

Трудно представить себе большую безвкусицу, чем убранство дворцов Рана. В обширных залах, сплошь отделанных позолоченной лепкой, расставлены бархатные кресла, почти до пола спускаются огромные хрустальные люстры. Европейская дешевка хаотически смешана с восточными украшениями. Рядом с чучелами носорогов и аллигаторов, буддийскими картинами и статуями танцующего Шивы в залах расставлены облупившиеся фарфоровые Эйфелевы башни и пухленькие амурчики, фигурки из дутого стекла и немецкие тарелочки с сентиментальными изречениями. Здесь же небольшой стереоскопический аппарат, в который заложены картинки со сценами из жизни Парижа прошлого века...

— Сколько же у вас комнат? — спросили мы хозяина.

— Трудно сказать, — отвечал он. — Сотни две наберется. Но все за эти шесть лет пришло в упадок. Не те времена, нет, не те... Детей много, внуки пошли, жить-то тесновато становится. Бедность грозит нам...

Эти крокодиловы слезы не проняли не только меня, но, кажется, и английских и американских журналистов, на которых он особенно рассчитывал. Мы знали, что у «бедного» Рана тысячи акров земли, леса в тараях, капиталы в иностранных банках.

Как из душной, мрачной темницы, вышли мы на свежий воздух.

Друзья Непала

Накануне коронации состоялась красочная церемония в старом дворце — Хануман Дока: представители индийской армии преподнесли королю меч, а посол Китайской Народной Республики вручал свои верительные грамоты.

Нас пригласили в большой тронный зал, где на стенах висели портреты премьер-министров Непала из рода Рана. Но в конце зала мы увидели необычный портрет: пожилой человек в скромном пиджачке, в узких белых брюках, обтягивающих ноги, и в национальной непальской шапочке. Это был М. П. Коирала — первый премьер-министр от партии Непальский конгресс.

В зал вошли индийские генералы, которые повязали к поясу короля почетный меч. Со своей стороны, король пожаловал главу делегации непальским орденом.

В зал вошел посол КНР Пан Цзу-ли, как обычно, в скромной черной одежде. Он вручил верительные грамоты, представил своих советников, после чего слуги короля принесли две золотые чаши. В одной из них было благовонное масло, которым король помазал ладони посла, а в другой — листья бетеля, завернутые в тонкие листы серебра. Король положил «пан» (так именуется употребляемый для жевания бетель, в который завернуты различные пряности) в руку посла, закончив тем самым древнюю непальскую церемонию...

Через территорию Индии Непал общается с внешним миром. Язык, культура, обычаи южных районов Непала тесно связывают их с северной Индией. Ее экономическое и культурное развитие после достижения независимости явилось убедительным примером для Непала. Индийский народ оказал неоценимую моральную поддержку народу Непала, поднявшемуся на борьбу против феодалов.

Сейчас индийские инженеры заканчивают строительство важнейшей для Непала автомобильной дороги, связывающей его с Индией. Эта дорога — единственный выход из Непала, если не считать авиалиний,— открывает широкие перспективы для хозяйственного развития страны. По ней могут пойти наконец караваны автомашин со столь необходимым стране оборудованием для будущих горных шахт и рудников, фабрик, типографий, мельниц и электростанций. Со своей стороны, Непал мог бы вывозить железную руду, медь, слюду, лес, рис, кустарные изделия.

На севере Непала жители горных районов с незапамятных времен ведут торговлю с Тибетом. Население этих мест испытывает острый недостаток в соли. Соль и шерсть яков привозят тибетцы, получая взамен рис и дешевые индийские ткани.

Конечно, связи такого масштаба не могут удовлетворить Непал. Но теперь, когда установлены дипломатические отношения с Китаем, непальцы надеются на широкие культурные связи со своим великим северным соседом.

Ростки молодого Непала

Население Непала, насчитывающее восемь с половиной миллионов человек, состоит из различных национальностей. Наиболее влиятельная национальная группа — гуркхи, а самый распространенный язык — непали (или гуркхали).

Для гостей в Катманду был устроен большой концерт — мы слушали музыку и смотрели танцы всех народностей, населяющих Непал. Концерт проходил не в здании, а на зеленой лужайке, позади которой возвышался небольшой, поросший лесом холм. Перед ним скромный крестьянский дом. Певцы и танцоры, изображавшие то лесорубов, то пастухов и охотников, выходили прямо из лесной чащи, звуками флейты и мелодичными песнями призывая девушек на свидание.

Танцы народов южных равнин Непала очень близки по своему характеру танцам северной Индии. Народные артисты, приехавшие из западных и северных высокогорных районов, исполняли совершенно иные танцы — с медлительными, однообразными и скупыми движениями, — какие можно видеть в Тибете и Монголии.

Горцы славили в своих песнях могучие вершины Гималаев — прибежище таинственных богов, источник живительных рек. Белизна лица девушки сравнивается со снегом Гауришанкара, а сила юноши — с твердостью скал, окружающих вершину Джомолунгму.

Вечером к нам в гостиницу пришли в гости молодые писатели Непала. Они живо интересовались литературой и искусством Советского Союза, о которых знают очень мало.

Гости рассказали, что за последние годы, после падения Рана, писателям стало легче дышать. Молодежь создала литературное общество, председателем которого избран молодой писатель Говинд Бахадур. Издаются два литературных журнала: «Прагати» («Прогресс») и «Индрени» («Радуга»).

Бахадур пояснил нам, что непальцы считают основоположником своей современной литературы писателя XIX века Бхану Бхакта, который перевел на непали эпическую поэму индусов «Рамаяна». Но тяга к реализму родилась совсем недавно, лет 20 назад, и одним из видных писателей-реалистов прошлого поколения является Балакришна Сарма, продолжающий и ныне свое творчество. Особенно интересны его исторические драмы.

Одну из них — «Конец Бхим Сен Тапа» — писатель посвятил героическому периоду в истории Непала, а именно началу XIX века, когда непальский народ с оружием в руках отстаивал независимость от вторгшихся английских войск. Эту борьбу возглавлял непальский патриот, государственный деятель и воин Бхим Сен Тапа, нанесший поражение войскам интервентов. Бродя по улицам Катманду, мы отовсюду видели высокую белую башню, напоминающую минарет. Этот памятник воздвигли непальцы в честь победы Тапа над армиями колонизаторов. Он называется «Акаш Бани» — «Весть небес».

Роман писателя Рудра Раджа Панде «Чаппа Кази» высмеивает суеверие и предрассудки; пьеса Говинд Бахадура «Гостиная сагиба» показывает реакционных чиновников, оплакивающих уходящее прошлое; роман Лен Сингх Бангдела «За рубежом» осуждает поведение непальцев, уезжающих за границу и слепо копирующих Запад; стихи поэта Бхикху — острая сатира на капиталистическое общество, продажных буржуазных политиканов и фабрикантов оружия.

Мы беседовали с молодым поэтом Биджае Бахадур Малла.

— Всего шесть лет назад, — сказал он, — мы были вынуждены молчать и жить под страхом репрессий. Сейчас положение изменилось, хотя в материальном отношении жить писателям нелегко. Издательств нет, писатель сам вынужден печатать свою книгу и нередко за два года продает не больше тысячи экземпляров.

Поэт Гопал Дас рассказал, что когда Рана бросили его в тюрьму, он писал стихи на стенах своей камеры. Недавно поэт смог посетить тюрьму и переписать свои старые стихи.

Встречи с молодыми писателями, а также с другими молодыми непальцами остались лучшим воспоминанием от поездки в Непал. Получив свободу, непальцы с необычайной пытливостью стараются познакомиться со всем передовым и прогрессивным. Нет сомнения, что молодому поколению непальского народа, еще помнящему тяжелые дни феодального режима, суждено вывести свою родину на путь демократии и прогресса.

62-летний танцор и музыкант Панче Субба исполняет танец «Рота».

Праздник физкультурников в Катманду.

ПАПАША

Рассказ

Эд. МЯННИК

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

— Папаша, спать пора!

Папаша, то есть заведующий ремонтной конторой Михкель Янилане, чуточку глуховат. Это у него еще с первой мировой войны, когда перед самым его носом разорвался «чемодан». Его не ранило, не ушибло, только небольшая глухота осталась на всю жизнь.

Поэтому он поднимает очки на лоб и кричит жене в другую комнату:

— Ты что, мамочка?

— Спать, говорю, пора.

Папаша испуганно вскидывается:

— Неужто так поздно?

— Да, да, скоро половина одиннадцатого! Я тебе уже постелила... Да и бутылку пива поставила у изголовья.

— Вот хорошо! — Папаша довольно крякает, снова опускает очки на нос и глядит на большие стенные часы, лениво раскачивающие свой плоский медный маятник.

Да, да, что верно, то верно: время действительно уже позднее. А когда человеку под шестьдесят да при этом ему надо деньденьской вертеться, как белке в колесе, то, конечно, давно пора на боковую. Ведь сон — лучшее лекарство при старости и болезнях. Так говорят врачи, а ведь и среди них встречаются толковые люди.

Но что ты будешь делать! На улице весна, самая настоящая весна, с зеленеющими садами, с ласковым ветерком и веселыми голосами... Она будто откуда-то из неведомой страны приносит папаше одновременно и радость и печаль. Вернее так: одну каплю радости и две капли горечи. И хочется ему спешить куда-то легким шагом, а не то посидеть тут же, в парке, под старыми липами, или на берегу моря полюбоваться гаснущей вдали розоватой полоской зари. Но как только появится у тебя такое желание, тут же вспоминаются разные неприятности, и остается только вздыхать...

И папаша вздыхает. Он еще раз взглядывает сквозь окно на улицу и качает головой. Нет, сегодня он никуда не пойдет, уж как-нибудь в другой раз. В старости пиво перед сном столь же приятно, как морское купание в молодости. Да и все лето еще пока впереди, а шестьдесят лет — не конец жизни. Только рохля в такие годы торопится в сырую землю. Но ведь он не рохля, не так ли? Лет десять — пятнадцать, а то и все двадцать — двадцать пять он еще протянет. А ведь это лучшие дни старости, золотая осень человека!..

Вдруг папаша вздрагивает, будто его оса в нос ужалила.

— Ах, шут возьми! — ворчит он про себя и, понурясь, отходит от окна.— Ах, нечистая сила! — повторяет он от всего сердца.— Вот они, эти капли горечи. И какие еще капли, тьфу!

И как он только мог забыть об этом! Размечтался тут о весне и морском береге, словно глупый мальчишка! И не вспомнит, что именно сегодня ему не следует показываться людям на глаза. Сегодня его, как говорится, любая собака облает. Его в газете прохватили, а он, видите ли, собрался наслаждаться весенним ветерком. Ну и дуралей! Ну и колпак! Что стали бы говорить о нем завтра? Толстокожий, дескать, как слон. Всякий разумный человек после такой критики дома сидел бы или опрокинул бы с тоски полбутылки горькой да кружку пива. А посмотрите на Янилане, на этого папашу, он и в ус не дует, спокойно разгуливает себе по набережной! Так, пожалуй, и карикатура в газете появиться может, а это к добру не поведет.

С тяжелым сердцем папаша заводит будильник и, вздыхая, забирается в постель. Завтра опять горячий рабочий день, в шесть часов нужно быть на месте. Ну, если не в шесть, то, по крайней мере, в половине седьмого. Словом, так или иначе, а не позднее семи часов изволь натягивать обмундирование, все равно что солдат в строю...

Размышляя об этом, папаша протягивает руку за пивной бутылкой, и прохладное приятное пиво с бульканьем льется ему в рот. Папаша причмокивает губами, опускает голову на подушку и пытается уснуть.

Но всякому ясно, что тревожные мысли отгоняют от человека сон. На сердце неспокойно то ли из-за весны, то ли из-за этой проклятой критики. Видно, из-за того и другого. Папаша ворочается с боку на бок, будто простыни горячие обжигают его, но не может найти покоя. Он допускает, что критика все же была справедливой. Да, суровой, жгучей, что твоя крапива, но все же справедливой. Но тут сон вовсе покидает его, и папаша, лежа с открытыми глазами, принимается думать о газетной статье. Он размышляет, припоминает. И ему все больше кажется, что критика была не очень-то суровой, статья скорее даже как бы заступалась за него.

Например, такие строки:

«Заведующий ремонтной конторой товарищ Янилане — спокойный человек. Он совершенно спокойно относится к тому, что вокруг него подобрались лодыри, нарушители трудовой дисциплины, пьянчужки и неумелые растяпы, называющие себя специалистами. Некоторые из них приходятся ему родственниками и приятелями. Из-за этих безответственных людей контора ежедневно теряет много рабочих часов, растрачиваются строительные материалы. Товарищ Янилане! Давно пора прогнать всех этих растратчиков государственных и народных денег и навести порядок в ремонтной конторе».

Вспоминая эту критику, папаша даже слегка улыбается.

Здесь ведь не очень-то чернят его, а примерно так: один удар по нему, два — по другим. Им-то достается крепче, чем ему. Папаша снова протягивает руку к изголовью и на этот раз выпивает бутылку до дна. Теперь нить его мыслей разворачивается еще живее.

Он вспоминает, как больно попадало иногда руководителям других ремонтных контор и предприятий. Куда больше, чем ему! А насчет него — все чистая правда: ведь он и впрямь спокойный, уравновешенный человек, этого никто не станет отрицать. Это скорее похвала, чем порицание. Видно, что и там, в редакции, знают папашу и понимают его характер. Тут ничего не скажешь, написано скорее хорошо, чем плохо. А посмотришь с другой стороны, так правда и то, что сказано о родственниках и приятелях. Что верно, то верно,— есть такие факты. И славно, чертовски славно, что эти лодыри, пьянчужки и растяпы по шапке получили! «Хе, хе, хе!» — смеется папаша. Это и самому прочесть приятно. Разве он, папаша, мало с ними мучился? Просто даже думать об этом не хочется! Можно написать толстую книгу, целый роман о том, как эти стервятники терзают его душу, лишают его покоя.

И папаша ощущает, как сердце его наполняется горячей злобой.

За эти три года он по меньшей мере десять раз... да что десять... сто раз думал о том, что в один прекрасный день наведет такой порядок, что на всю жизнь запомнят. В прах развеет всю эту шайку лодырей, пьяниц и растяп. Пусть отправляются на торфоразработки, в свинопасы, пусть идут куда хотят, а в ремонтной конторе чтобы и духу от них не осталось. Может, тогда и ему посчастливится получить переходящее знамя и премию.

«Да, именно так я и сделаю... Точно! — Папаша так яростно поворачивается на другой бок, будто он уже сейчас, среди ночи, готов помчаться разгонять эту шайку лодырей.— Завтра же начну».

— Что с тобой, папашенька? — слышится голос от другой стены.

— Тяжелые мысли, мамочка.

— Может, японского грибка выпьешь?

— Тьфу! — Папаша опять резко поворачивается на другой бок. И постепенно в его воображении вырисовывается такая картина.

С завтрашнего дня на работе он станет строгим. Не будет он больше ни здороваться с каждым за руку, ни выслушивать пресные анекдоты. Работа, работа прежде всего! Только интересам работы должны подчиниться все, начиная с него самого и кончая уборщицей Сяни-Юулой. Никаких приятелей или родственников! Незачем завтра ему весь день корпеть в конторе, ведь тут-то и кроется корень зла. Каждое утро, скажем, через полчасика после начала работы, он будет уходить на объекты. Там он тоже не станет гулять, раскинув полы пальто и засунув руки в карманы. Нет, он пройдет всюду энергичным шагом, как настоящий хозяин. Прежде всего он посмотрит, кто на работу не вышел, кто немного клюкнул, кто работает и что-то там прилаживает, а кто слоняется без дела. Должна быть железная дисциплина и стальной график!

Все это так живо представляется папаше, что через несколько мгновений ему уже чудится, будто он проверяет свой самый важный строительный объект. Здесь все хорошо, женщины расчищают территорию и носятся взад и вперед, словно стая курочек-пеструшек.

Одна убирает обломки кирпичей, другая несет штукатурный мусор, пыль стоит столбом, всюду скребут и метут, в пылу работы кое-где даже оконные стекла побили. Любой заведующий ремонтной конторой порадовался бы, глядя на такую оживленную работу.

Но... Папаша вынимает из кожаного футляра очки в черной оправе, чтобы придать своему лицу более солидное, официальное выражение. Так поступают многие начальники, начиная от билетных контролеров на базаре и кончая сердитыми редакторами газет. Напялив очки, папаша ворчит:

— Ага, так я и думал.

Именно это он предчувствовал. Все рабочие на местах, кто курит за штабелем досок, кто при появлении заведующего начинает внимательно изучать облака, кто быстрехонько удирает за угол дома. Но, смотри хоть сквозь очки, хоть без очков, нигде не видно печника Ведру и старого Тоомаса. Конечно, не того Тоомаса, который стоит на башне Таллинской ратуши [1], а Тоомаса Кукерпуу, старинного приятеля папаши. Эта пара исчезла; гляди, не гляди, а и следа нет...

Не впервые они этак бесследно исчезали с работы. Обычно так бывало по понедельникам, впрочем, случалось и в другие дни. Десятки раз папаша глядел на это сквозь пальцы: что с ними поделаешь? Не станешь подковыривать друзей на каждом шагу — сам легче проживешь. Этого золотого правила всегда придерживался папаша. К тому же оба были мастерами своего дела: один — художник по печному, другой — чародей по малярному делу. У обоих золотые рабочие руки, и в своем деле они соображали прямо как ученые. Но и жажда их была всегда так велика, что, казалось, могли бы они выхлебать все озеро Юлемисте [2], конечно, если бы в нем вместо воды нашлось что-либо покрепче. И ведь приходилось терпеть, потому что таких мастеров днем с огнем не сыщешь. Таких не водилось ни по эту, ни по ту сторону Раквере, отчего папаша и закрывал глаза на их слабости. Зато и они в случае нужды вывозили папашу из любых трудностей.

Но на этот раз папаша решил: хватит! Раз решено, то должна быть железная дисциплина и стальной график. Придя к этой мысли, он кричит прорабу:

— Где Ведру и Кукерпуу?

Прораб беспомощно разводит руками. Все прорабы любят разводить руками, когда что-либо не получается. Потом прораб вытаскивает из кармана большой носовой платок и, сморкаясь, прячет в нем лицо. Обычно папашин разнос и кончался на том, что прораб разводил руками и вытаскивал из кармана большой носовой платок. Но теперь эта комедия не достигает цели, а, наоборот, придает папаше новую энергию.

— Не валяйте дурака! — гремит он басом.— С сегодняшнего дня на работе должен быть порядок, все равно как в военном училище. Кто не умеет соблюдать порядка, того сейчас же приказом огорошу, понятно?

— Понятно! — Прораб бросает на папашу удивленный и вместе с тем испуганный взгляд.

Таким строгим и решительным он еще никогда не видел заведующего. За этим, наверно, что-то кроется.

Папаша понимает этот взгляд и продолжает греметь:

— Где Ведру и Кукерпуу?

— М-м... М-м... Так сказать, значит...— Растерявшийся прораб заикается, будто у него в горле застряла рыбья кость.

Папаша разъяряется еще пуще:

— Перестаньте заикаться и кудахтать и отвечайте как полагается!

Прораб, наконец, бормочет:

— Они, кажется, спустились вниз, в котельную.

Обычно после такого ответа папаша предлагал закурить, ожидал, пока прораб, прикрывая спичку своими широкими ладонями, подносил огня, и говорил: «Ладно». Но на этот раз он не предлагает закурить, не говорит «ладно». Разъяренный, с пылающим лицом и развевающимися полами пальто, он, как танк, несется наверх, на чердак. Именно наверх, на чердак, а не вниз, в котельную: папаша знает своего прораба, и если тот говорит, что рабочие спустились в котельную, то так и знай — котельная пуста, словно яблочный склад весной. Рабочих можно найти в любом другом месте: за цементными бочками, в тени кустов или даже в запертом сарае, где хранится инструмент. Папаша верит, что они могут залезть даже в трубу, но в котельной, где они должны были поправить облицовку котла, там и духу их нет.

И на этот раз догадка папаши подтвердилась. Так и есть, они здесь, возле одной из труб, оба чертовски веселые и беззаботные, будто свадьбу справляют. Длинный Ведру со свисающими усами как раз опрокинул в рот бутылку, отбивая при этом такт ногой. А маленький, обросший кольцом седой бороды Тоомас уписывает копченую салаку.

— Что за праздник у вас тут, черт побери! — Рассвирепевший папаша грохочет, словно труба архангела Гавриила в день светопреставления.

Пьяницы пугаются. Длинный Ведру быстро прячет бутылку за трубу, а растерявшийся Тоомас проглатывает сразу целую салаку. Несколько мгновений на чердаке царит смятение. Папаша злорадно смотрит, как растерялись приятели. Но, по правде говоря, для смятения нет оснований. Ведь кричит здесь не какое-либо начальство из министерства, даже не инженеришка, который всюду сует свой нос, а просто-напросто их старый хороший приятель — папаша. Тоомас вспоминает об этом, и его побледневшее лицо снова обретает свой обычный цвет.

— Ах... это ты, папаша! — Он снова выпрямляется, выходя из-за пустой бочки, куда только что собирался спрятаться.— Ну и напугал, слон ты этакий! Прямо в дрожь бросило, будто кто дубинкой по затылку огрел. Папаша...

— Что за папаша! — снова гремит заведующий.

— А как же? — Тоомас подтянул сползающие брюки.— Был ты у нас доселе папашей и дальше останешься нашим папашей, нашим...

— Заткнись, дуралей!

— ?.. ?.. ?..

— С сегодняшнего дня в ремонтной конторе нет больше никакого папаши.

— ?.. ?.. ?..

— ...а есть заведующий ремонтной конторой! Понятно?

— Понятно,— серьезно кивают оба, но в действительности ничего не понимают.

Момент серьезный, можно сказать, торжественный, все равно что закладка двухэтажного здания в каком-либо районном центре... Печник Ведру, как человек, понимающий приличное обхождение, сразу же ориентируется в новых обстоятельствах. Если папаши больше нет и его место занял заведующий ремонтной конторой, пусть будет так. Он подталкивает Тоомаса локтем в бок, косится в сторону трубы, и Тоомас соображает что к чему. Раз праздник, так уж до конца. Он наклоняется и достает спрятанную бутылку водки.

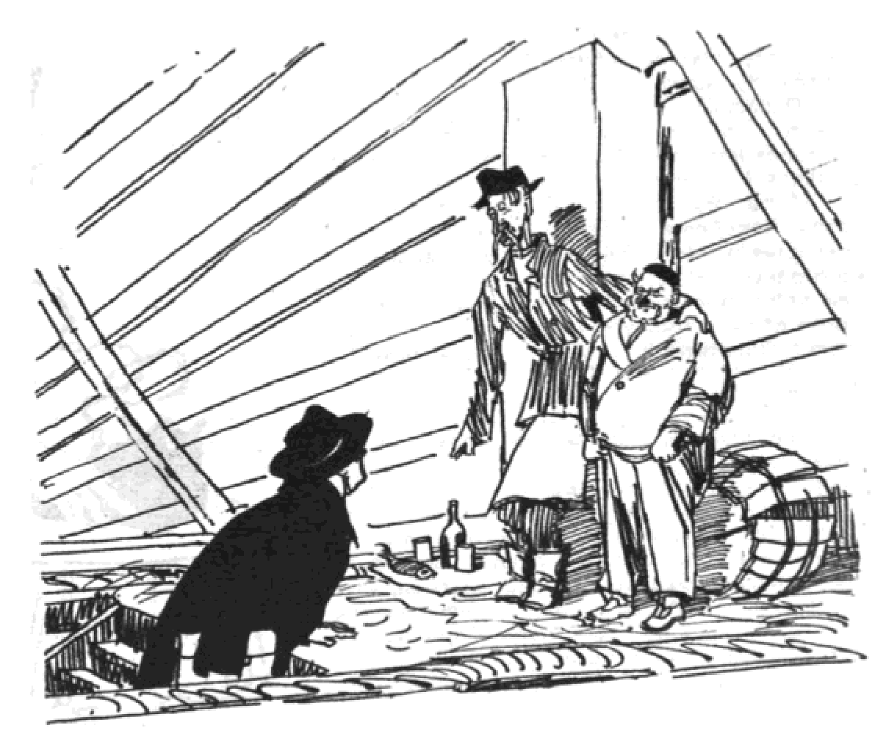
— Ну, папаша... Господи благослови...— торжественно, как на крестинах, начинает он. Но тут же сбивается, кашляет: — К-гм, к-гм, к-гм, то есть, значит, наш уважаемый товарищ и гражданин заведующий ремонтной конторой. Гм! Сделай одолжение, приложись. Глотни, как мужчина, это не какое-либо пойло вроде муравьиного спирта, а настоящая очищенная. А тут вот и копченая салака на закуску... Свежая... крупная... с икрой...

Но старому Тоомасу не удается продолжить свою торжественную речь. Папаша вдруг вспыхивает, точно сухая щепа на крыше.

— Что? Что ты мне предлагаешь, ты, винная бочка? — Он быстро меряет чердак коротенькими шагами, глубоко засунув обе руки в карман, напружинившись, как сердитый бугай.— Отраву?!

Тоомас испуган. Он взбалтывает бутылку и бормочет:

— Папаша, ей-богу, это лучшая очищенная. Не веришь — понюхай.

[1] На шпиле Таллинской ратуши установлен флюгер в виде фигуры городского сторожа Тоомаса.

[2] Юлемисте — озеро на окраине Таллина.

В комнате тихо, потом жена снова спрашивает:

— Хочешь, встану поищу порошочек?

— Тьфу! — плюется папаша: всякие порошки и таблетки ему просто противны. Уж если принимать лекарство, то пусть это будет... И вдруг у папаши возникает блестящая идея.

— Мамочка, — зовет он жену, и голос его звучит мягче.

— Что?

— У тебя это... эта настойка на валерьяновых корнях цела? Принять бы стаканчик... Маленький, конечно, стаканчик, только попробовать... Авось, поможет?..

Жена отвечает не сразу. Папаша поворачивается на другой бок и говорит уже сердито:

— Юула, ты что, не слышишь?

— Слышу, но...

— Какое там еще «но»? Человек болен, серьезно болен, быть может, при смерти, а ты говоришь «но». Ты, как цыган, который хотел отучить лошадь есть. Ох, уж эти мне чертовы старухи, ничего они не понимают!

— Да спи ты наконец и другим покой дай!

Папаша совсем разгневался. Это чувствуется по его голосу и по тому, как он ворочается на своей постели. Матрац так и скрипит, этак к утру от постели одни щепки останутся. Но, может, это не гнев, а... В сердце мамочки проникает догадка, что папашу действительно мучают боли. И именно водка, еще с осени настоенная на корнях валерьянки, хорошо помогает при таких внезапных болях. Сердце мамочки смягчается.

— Ступай в кухню... Там в шкафу стоит стаканчик настойки.

— А ключ где?

— Посмотри, кажется, под половой щеткой. Нет, там ты уже обнаруживал его. Поищи в коробке с солью, пошарь пальцами.

Папаша моментально вскакивает с постели и, шлепая босыми ногами, идет в кухню. Но тут его останавливает испуганный голос жены:

— Папашенька, обожди!

— Ну, что тебе? — хмуро останавливается папаша.

Но папаша не хочет нюхать. Голос его звучит грустно, устало:

— Вот... Это-то и есть настоящая отрава. Прямо крысиный яд! И ты, старый Тоомас, мой приятель и сват, хочешь свести меня в могилу. Ох, Тоомас, Тоомас! Еще только вчера в газете на мой счет была критика, которая перевернула во мне все печенки-селезенки, а сегодня ты опять здесь с бутылкой водки.

Теперь наконец и Тоомас понимает.

— Прости, товарищ заведующий ремонтной конторой.— Он даже чуточку приседает, сгибая колени.

От этого папаша входит в еще больший раж.

— Что прости? — спрашивает он, тараща глаза и подходя ближе.— Сколько раз я прощал вас, лодырей! По меньшей мере, сто раз, если не больше. Но теперь конец этой возне, как сказал трубочист, падая с трубы. Вот именно, конец! Ступайте куда глаза глядят!

— Папаша... последний раз,— клянчит, сникая, Тоомас.

— Сто раз прощал!

— Прости и в сто первый.

— Конец! — отмахивается папаша, будто отгоняет мух.

— Папаша, друг...

— Я сказал: конец! Долой с глаз моих! Сейчас же вон, а то плохо будет. За себя не ручаюсь: могу кому-либо из вас нос своротить, могу глаз вышибить — до того вы меня довели. Ну, идете вы наконец?

— Папаша...

— Ах, так, иуды вы этакие! — кричит папаша, топая ногами.— Я вам добром говорю, как крещеный человек, а вы, видно, драки захотели. Пусть будет по-вашему — мордобой и кровь! Вдребезги разобью сейчас это чертово причастие и вышвырну копченую салаку. Ну, кого раньше за шиворот брать — тебя, Тоомас, или этого болвана? Эх, тут и думать нечего. Сразу обоих сброшу с чердака, как капустные листья. Полетите вы у меня, голубки! Э-эх!

* * *

— Папашенька, что ты там охаешь и возишься?

Мгновенно исчезают чердак, старый Тоомас и длинный Ведру. Нет бутылки с водкой и копченой салаки. Папаша лежит на своей постели, не спит и не бодрствует. В руке у него зажата пустая пивная бутылка, словно он собирается вдребезги разбить ее о пол. Постель разворочена, будто он с кем-то яростно боролся.

— Ох! — вздыхает папаша в ответ.

— Болит у тебя что-нибудь? — озабоченно спрашивает жена.

— Там и непочатая бутылка стоит... Я позабыла. Ради бога, не трогай.

— Ну что ты, мамочка, с ума сошла! Я ведь только ради здоровья, наперсточек выпью, не больше.

— Ну, тогда ступай.

Но папаша уже на кухне. Ключик найден, и коричневая жидкость, булькая, льется в стакан. Стакан почти полон — хорошая порция. Все тело приятно горит, забыты все невзгоды. И тогда взгляд папаши падает на вторую бутылку, про которую вспомнила жена. Если... Ах, прочь эти искушающие мысли! Папаша щелкает ногтем по горлышку бутылки и смеется:

— Так тебе и надо, чтобы не сбивала старика с толку!

Он уже собирается уйти из кухни, но вдруг меняет свое решение. С удивительной быстротой, мягкими, кошачьими шагами он возвращается обратно к запечатанной бутылке. Пробка вылетает, и стакан с журчанием наполняется. Так же быстро он подходит к крану, бутылка доливается водой, и вот она уже закрыта пробкой. Еще одно ловкое движение, и вещественное доказательство — полный стакан — опустошается одним глотком. Папаша спокойным шагом возвращается в комнату.

— Что ты там под краном плескался? — подозрительно спрашивает жена.

— Руки мыл, чего же еще! — не сморгнув глазом, отвечает папаша и забирается в постель.

Теперь все хорошо, голова приятно кружится, в желудке холодно, а голове тепло. Опять в его воображении возникает картина того, как он утром будет наводить порядок в ремонтной конторе. И уж это будет такой порядок, такая железная дисциплина и такой стальной график, что другие ремонтные конторы станут брать с него пример. Переходящее Красное знамя...

На улице уже рассвело, когда папаша наконец блаженно засыпает. Но настоящего сна все же не получается, потому что скоро — папаше кажется, будто через пять минут,— трещит будильник. Встать бы теперь и поспешить на работу, чтобы выполнить все, что задумано ночью. Отдохнуть еще хоть десять минуток, да, только десять минуток, а тогда — хоп! — вскочить — и на работу.

Папаша натягивает одеяло на голову и закрывает глаза.

— Папашенька!

В ответ слышится только храп.

— Папашенька, вставать пора!

— Ох! — слышится болезненный вздох.— Ступай, позвони... Не могу я сегодня идти на работу... Все тело прямо как в огне.

И потом уже ничего не слышно, кроме храпения, с переливами и присвистом.

Перевел с эстонского
И. КОНОНОВ

Стихи эстонских поэтов

Дебора ВААРАНДИ

Встреча в Швеции

Хотя в своей печали
Виновна ты сама, —
Над горем не смеются.
Безвыходная тьма,
Бездомность, отчужденность
Твоим уделом стали.

Как нам понять друг друга,
Язык найти какой!
Вот в Ска́нсенской аллее
Невнятный гул досуга —
Веселый смех чужой.

Чужой... В заботах даже
И то нам не сойтись, —
Иное нас печалит,
Иная манит высь,
Хотя в уме и в сердце
Земля одна и та же.

Воспоминаний тучи —
Селенья, города,
В болотной топи лица
Ушедших навсегда.
И тянешь, тянешь руки
В тоске и жажде жгучей.

Во сне ты в чащу входишь,
Глядишь в немую тьму.
Нагие корни плачут...
Блуждая, тщетно бродишь —
К народу своему
Дороги не находишь!

Ключом к душе народа
Не обладаю я.
Весь дар мой небогатый —
Крупица в птичьем клюве...
Я не кичусь, друзья,
Своим участьем скромным
В труде моей Отчизны,
Растущей год от года.

Но чувствовать могу я
Дыханье ее,
Земли и пота запах,
Весну, всем дорогую.
Заботы чашу знаю:
Пила я из нее.

Огни Стокгольма. Смутно
Шуршит, гудит толпа.
И под листвой широкой
Уводит вдаль тропа,
Сужаясь поминутно.

Увянувшие души
И смех в ночном саду.
...Меня гнетет удушье,
И хочется домой мне,
К любимому труду!

Перевела В. Звягинцева.

Март РАУД

В половодье

Смех бекасов с небес донесло,
Будто блеют они над землей...

Вновь, как посох, беру я весло.
Лодка весело пахнет смолой.

Путь лежит по дорогам реки.
Я гляжу на лугов красоту.

Воды вешние так широки,
Что уносится рябь за версту.

Верба ветви полощет, бела,
Вешним цветом покрыта она.

Хоть зима и суровой была, —
Все следы ее смоет весна.

Коль трудам не подведен итог,
Нет стремнине свободного дня!

Не смолкает ревущий поток,
Хлам ненужный упрямо гоня.

Вот беззубые грабли в песке,
Пря́сла, брошенные в лозняке.

Остов лодки из вздыбленных вод
Появляется и не плывет.

Черный шест, озирая простор,
Как утопленник, руку простер...

Дует ветер. Но нет ничего,
Что смогло бы волну повернуть!

Ветер! Смелая сила его
Теплотой наполняет нам грудь.

Утки низко летят над водой,
Щука с маху сигает в кусты —

Омут пеной вскипает седой
От свирепой такой быстроты.

Вновь смеется бекас в облаках...
Рдеет пламя заката с высот...

Это юность весны второпях
Беспокойную радость несет.

Перевел Марк Шехтер.

Иоганнес СЕМПЕР

Под небом Москвы

Отрывок

Никогда в былую пору
у людей над головой
не сияли так просторы,
как сегодня над Москвой.

Жарко в небо дышат горны,
не смолкает стройки гром.
День и ночь, трудясь упорно,
мы грядущее куем!

Блещут алых звезд рубины
на воротах в Коммунизм.
Как в бою, в труде едины,
мы идем вперед и ввысь!

В дальних странах, где народы
за свои встают права,
стало символом свободы
слово краткое — «Москва»...

Чтоб разбойники ночные
позабыли путь к Москве,
наши соколы стальные
мчатся строем в синеве!

Перевел П. Железнов.

Сцена из спектакля «Антоний и Клеопатра» в театре имени В. Кингисеппа.

ТЕАТРЫ ЭСТОНИИ

П. МАРКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Фото О. Кнорринга.

Лучшие драматические театры Эстонии — Таллинский театр имени В. Кингисеппа и театр «Ванемуйне» в Тарту — резко разнятся по репертуару и по приемам его сценического воплощения и, к их чести, не пытаются подражать друг другу.

«Ванемуйне» — старейший театр Эстонии, сыгравший и продолжающий играть большую роль в развитии эстонской драматургии. Его большое, удобное здание было разрушено фашистскими налетами. В ближайшие годы эстонцы намерены полностью восстановить его. Но разрушение здания не означало, конечно, творческой смерти театра. «Ванемуйне» продолжает свою беспокойную и интересную жизнь в небольшом здании бывшего немецкого театра.

Посещая спектакли и репетиции «Ванемуйне», испытываешь хорошее волнение от встречи с подлинными художниками, для которых вся жизнь заключена в театре,— художниками, требовательными к себе и к своему творчеству.

«Ванемуйне» под руководством своего главного режиссера Каарела Ирда и его ближайшего товарища по режиссуре Эппа Кайду выделяется среди многих советских театров своим жанровым своеобразием. Он ставит оперы, оперетты, драмы, балеты. Первый актер опереточной постановки Эндель Аймре увлеченно и серьезно играет центральную роль в романтической драме «Железный дом», как, в свою очередь, артист драмы не откажется от участия в задорной и иронической оперетте. Но вне зависимости от этого увлекательного жанрового разнообразия театр и стилистически обладает «лица необщим выраженьем». Печать романтизма лежит на всех его работах. И если спектакли «Ванемуйне» не всегда ровны, то отсутствие строгой равномерности легко искупается тем творческим беспокойством, которым отмечены его поиски. Недостатки театра второстепенны по сравнению со стремлением решить каждый спектакль в своеобразном ключе и с той требовательной самокритикой, которая господствует в коллективе. Невольно вновь и вновь задумываешься о том, как часто театры, отнюдь не могущие похвастаться особыми материальными возможностями, вкладывают в защиту своего художественного дела больше волнения и сил, чем иные хорошо обеспеченные театры столицы!

Во время прибалтийской театральной весны этого года всеоб-

Сцена из спектакля «Утерянный рай» А. Якобсона в театре имени В. Кингисеппа.

щее внимание привлекла постановка «Ванемуйне» пьесы «Железный дом» эстонского писателя Эвальда Таммлаана, отдавшего жизнь за свою Родину. Сцена в ночном портовом кабачке сделана с великолепной яркостью, точностью характеристик, и вся она наполнена той тревожной атмосферой, которая полностью отвечает характеру драмы. В постановке пьесы Эдуарда Вильде «Неуловимое чудо» театр показал свое умение понять и верно отразить стиль и существо произведения: тот протест и те противоречия, которые живут под покровом внешнего благополучия маленького эстонского города царской России. Театр волнуют большие темы и большие вопросы, и для их разрешения он воспитал сплоченный и интересный театральный коллектив, сохраняющий на себе печать некоторой студийности в лучшем смысле слова. В составе театра ряд крупных индивидуальностей, актеров как старшего, так и младшего поколения. Среди них старейший актер эстонской сцены Леопольд Ханзен, тончайший и умный мастер Антс Лаутер, оригинальная и смелая актриса Вельда Отсус, молодой, мастерски владеющий острой характерностью Гуннар Кильгас и многие другие.

Таллинский театр имени В. Кингисеппа разделяет с «Ванемуйне» ряд его достоинств — то же стремление к постановке больших и важных проблем, та же непреложная требовательность. Но в нем нет элементов студийности; здесь под руководством режиссера Ильмара Таммура собраны лучшие актерские силы Эстонии. Сценический стиль театра более точен и закончен. Он тяготеет к произведениям крупной мировой классики и может похвастаться репертуаром, в котором соседствуют «Антоний и Клеопатра» Шекспира, «Маскарад» Лермонтова, «Живой труп» Л. Толстого, инсценировки эстонского и финского классиков О. Лутса и А. Киви. Велико желание откликаться на важнейшие проблемы современности: театр постоянно озабочен расширением связей с эстонскими литераторами, добросовестно работает над драматическим завершением принятых им новых пьес. Он ищет в них порою отклик на вопросы дискуссионные, организует обсуждения, отнюдь не отгораживаясь от влияния охотно посещающего его зрителя.

Одним из благотворных результатов этой работы является постановка пьесы Э. Раннета «Совесть», перегруженной некоторыми лишними деталями, но очень остро ставящей проблемы коммунистической морали. Поразительна художественная достоверность, с которой режиссеры Таммур и его сотоварищ Б. Друи вводят зрителей в быт и атмосферу жизни МТС и колхоза, выделяя вместе с тем четкую и точную линию внутренних сомнений и метаний изображаемых в пьесе лиц. Как и во всех постановках театра, режиссура останавливает внимание на ярких образах, она не любит ничего недоговоренного, она, так сказать, работает крупным планом, опираясь на великолепное мастерство актеров. Силой, оптимизмом веет от спектакля. Яркость и законченность свойственны режиссерскому рисунку Таммура, как руководителя театра, и в равной мере сказываются как в решении произведений Шекспира и Лермонтова, так и в полных юмора инсценировках «Весна» и «Семеро братьев», сделанных молодым режиссером — воспитанником ГИТИСа — В. Пансо. Однако в отдельных сценах спектакля «Весна» хорошо найденное и задорно переданное грубоватое озорство заслоняет лирическую сторону, особенно важную для пленительной повести Лутса. А в «Антонии и Клеопатре» порой проскальзывает некоторая внешняя нарядность, не отвечающая трагической наполненности центральных образов пьесы. Но театр не ошибается в решении спектаклей в целом. Здесь Шекспира не спутаешь с Лермонтовым. Театр смотрит на жизнь смело, открыто и широко. Его искусство по-настоящему масштабно и справедливо приковывает внимание зрителя.

Коллектив театра обладает высокой актерской культурой. Достаточно назвать лишь несколько имен. Во главе мужского состава такие актеры, как Каарел Карм — мастер суровый и точный; Антс Эскола — художник тонкого сценического рисунка и большого вкуса; Таммур — с его стремлением к монументальной яркости; Хуго Лаур — актер интересной и ясной характерности. Во главе женского состава: Эллен Лиигер с ее тонким лирическим дарованием, Айно Тальви — актриса глубоких переживаний и большого внешнего мастерства. Много талантов и среди задорной молодежи театра.

Во время предстоящей декады эстонского искусства и литературы москвичи смогут получить большие художественные впечатления и убедиться, что театры имени В. Кингисеппа и «Ванемуйне» представляют, несомненно, радостный интерес.

Сцена из спектакля «Совесть» Э. Раннета в театре имени В. Кингисеппа.

«Только мечта» В. Кырвера. Танцовщица — Хейно Раудзик. Репортер Оливер Тиканди — Карл Калкун.

«Песня обольщения» Ааду Хинта в театре «Ванемуйне». Тынис Хоопкауп — артист Арнольд Казук (слева) и Харальд Лауэр — народный артист СССР Антс Лаутер

Сцена из оперы Г. Эрнесакса «Рука об руку» в Государственном академическом театре оперы и балета «Эстония». Михкель — заслуженный артист Эстонской ССР Ааро Пярн, Мари — народная артистка Эстонской ССР Ольга Лунд.

Фото О. Кнорринга.

Солистка балета Государственного академического театра оперы и балета «Эстония» Хельми Пуур в балете «Тийна».

← «Борис Годунов» М. Мусоргского в Государственном академическом театре оперы и балета «Эстония». Борис Годунов — народный артист СССР Тийт Куузик, Василий Шуйский — народный артист Эстонской ССР Мартин Тарас.

Выступление танцевального коллектива художественной самодеятельности Таллинского Дворца культуры профсоюзов имени Я. Томпа. Исполняется эстонский народный танец «Кигади-Каагади».

Интервью «Огонька»

Школа сценического реализма

А. А. ЯБЛОЧКИНА,
народная артистка СССР

125 лет в репертуаре Малого театра — бессмертная комедия Грибоедова «Горе от ума». Поставленная в 1831 году по инициативе и при участии великого русского актера М. С. Щепкина, она с тех пор почти не сходила со сцены этого театра.

Сценическая история комедии неразрывно связана с лучшими представителями «Дома Щепкина».

Щепкин и Самарин, Южин и Ленский, О. О. и П. М. Садовские, Яблочкина и Рыжова и многие другие играли в «Горе от ума» в течение долгих лет подчас по нескольку ролей. Силой своего таланта они раскрывали все новые и новые черты в бессмертных образах комедии Грибоедова.

С «Горе от ума» тесно связан весь творческий путь одной из старейших актрис Малого театра — народной артистки СССР Александры Александровны Яблочкиной.

Недавно исполнилось девяносто лет со дня рождения и семьдесят лет творческой деятельности А. А. Яблочкиной. Образы, созданные актрисой в пьесах современных драматургов и классическом репертуаре, вошли в историю советского театра и многих зрителей навсегда приобщили к искусству. Поэтому юбилей Александры Александровны — это подлинный праздник каждого, кому дорог советский театр, кому дорого советское искусство.

Рассказывая о судьбе комедии Грибоедова на сцене Малого театра, Александра Александровна говорит и о своем творчестве.

Семьдесят лет я на сцене и семьдесят лет играю в «Горе от ума». С этой комедией у меня связаны самые дорогие воспоминания.

В 1885 году Александр Николаевич Островский, встав во главе Малого театра, собирался открыть драматические курсы. На пробе молодых сил, которую он для этого организовал, я читала Катерину из «Грозы» и Софью из «Горе от ума». «Что же это за Катерина с осиной талией»,— сказал Островский. А за Софью похвалил.

Софью я сыграла в 1886 году — в свой первый сезон работы в театре. Правда, это было в труппе Корша, но, дебютируя в 1888 году в Малом театре, я также выбрала для показа роль Софьи.

Это была уже третья постановка «Горе от ума» на сцене Малого театра; ее осуществил незадолго до моего прихода режиссер С. А. Черневский.

Как рассказывали мне мои старшие товарищи, спектакль этот выгодно отличался от предыдущих постановок. В тексте были восстановлены многие строки, ранее запрещенные цензурой. Большая реформа была совершена в III действии. Но чтобы ее понять, надо обратиться к предистории постановки.

Все четыре акта «Горе от ума» в Малом театре были впервые поставлены 27 ноября (9 декабря н. с.) 1831 года. Но и до этого актеры Малого театра в свои бенефисы пытались показывать отрывки комедии.

Первым это сделал Щепкин. В свой бенефис 31 января 1830 года он сыграл сцену из «Горе от ума». Весной того же года в бенефис артистки Н. В. Репиной было поставлено 3-е действие комедии — бал у Фамусова. И вопреки словам Софьи об этом бале:

...съедутся домашние друзья
Потанцевать под фортепьяно,—
Мы в трауре, так балу дать
нельзя...

на сцене исполняли новую в то время французскую кадриль и новую мазурку под духовой оркестр, который находился тут же перед зрителем. Обо всем этом афиши специально уведомляли публику. И хотя Фамусова играл М. С. Щепкин, а Чацкого — П. С. Мочалов, акцент в сцене был не на сатирическом изображении московского общества и не на гневных обличительных монологах Чацкого, а на чисто балетном дивертисменте. Этот танцевальный дивертисмент по воле театрального начальства сохранялся в спектакле на протяжении более 50 лет. Я помню, в юности смотрела в Малом театре «Горе от ума» — в III акте участвовали лучшие танцовщики Москвы.

В постановке, с которой началась моя театральная жизнь в Малом театре, все уже было иначе. Моими первыми партнерами были Александр Павлович Ленский — Фамусов, Александр Иванович Южин — Чацкий, Н. М. Медведева — Хлестова, Н. А. Никулина, которая в этот день в последний раз играла Лизу. Наталью Дмитриевну играла моя мать — Серафима Яблочкина. Все это были замечательные артисты, которые из поколения в поколение, как эстафету, передавали полученные от Щепкина заветы сценического реализма. С Фамусовым-Щепкиным Чацкого играл Самарин, который, состарившись, играл Фамусова, а Чацкого с ним играл Ленский. В постановке 1887 года Ленский играл Фамусова и был превосходен, хотя говорил мне впоследствии, что роль эту обыгрывал, то есть вживался в образ, 20 лет. До сих пор слышу, как чудесно он читал стихи. Ленский играл эту роль в традициях Щепкина. Его Фамусов скорее чиновник, а не важный барин. Недаром он даже на утреннем халате носил звезду. Эту очень точно найденную деталь до сих пор повторяют все исполнители Фамусова. С огромным чувством юмора Ленский высмеивал этого льстеца и низкопоклонника.

Южин в Чацком не только раскрывал личную драму, как делали многие его предшественники. В Чацком виден был ум, в словах звучала боль за свою родину.

Много хороших исполнителей было и потом, и каждый, оставаясь верным щепкинским традициям, открывал все новые и новые черты в бессмертных образах комедии. Я играла Софью в течение 20 лет, потом стала играть Наталью Дмитриевну.

5 апреля 1921 года состоялась премьера новой постановки «Горе от ума» после революции. Впервые полностью зазвучал весь замечательный текст Грибоедова.

Фамусов-Южин беспощадно раскрыл весь ужас эпохи, когда служат не делу, а лицам.

Надо сказать, что были попытки поставить «Горе от ума» и с формалистическими ухищрениями.

В 1930 году режиссер Н. О. Волконский, нарушив вековые традиции театра, стремился реалистическую трактовку образов подменить гротеском, а порой даже карикатурой. Он предлагал, чтобы Хлестову, которую я играла, вносили на кресле и проносили мимо гостей. Затем при моих словах:

А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости
достоин...

все находившиеся на сцене, в том числе и я, должны были опуститься на колени и молиться. Я запротестовала, но режиссер оставался неумолим, тогда я заявила ему, что у меня ревматизм и я не смогу подняться с колен. Режиссер настаивал. Я пошла в дирекцию с протестом — трюк отменили. Эта постановка «Горе от ума» — единственная, которая не имела успеха и сошла со сцены.

В 1938 году 150-летие со дня рождения М. С. Щепкина Малый театр отметил новой постановкой «Горе от ума». Советский зритель признал этот спектакль победой щепкинских традиций.

«Горе от ума», первая пьеса, реалистически воспроизводившая русскую современную действительность, позволила мастерам Малого театра раскрыть общественное значение актерской профессии и сыграла огромную роль в развитии и становлении сценического реализма. Сейчас вместе с нами, старой гвардией актеров,— В. Н. Рыжовой, Е. Д. Турчаниновой, В. Н. Пашенной — «Горе от ума» хорошо и интересно играют актеры среднего поколения: М. И. Царев, Е. М. Шатрова, И. В. Ильинский, Н. А. Светловидов, В. А. Владиславский; постепенно овладевают этими сложнейшими образами и более молодые наши артисты — Б. Телегин, О. Хорькова, Т. Еремеева, И. Ликсо...

Но не только актеры воспитывались на «Горе от ума». Зритель, посмотрев спектакль, учился ненавидеть такие явления, как фамусовщина, скалозубщина, молчальничество, стремился стать достойным преемником Чацкого — врага низкопоклонства, угодничества, защитника гуманизма.

Софья — А. А. Яблочкина. 1888 год.

«Горе от ума». 1953 год. В роли Хлестовой (в центре) А. А. Яблочкина.
Фото А. Горнштейна.

Говорит ЧЖОУ СИНЬ-ФАН

В Советском Союзе с большим успехом проходят гастроли Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы. Руководитель театра, один из старейших китайских актеров, Чжоу Синь-фан, рассказал нашему корреспонденту:

Чжоу Синь-фан в роли Сяо Хэ в опере «Возвращение полководца Хань Синя».

Пекинская музыкальная драма — один из самых распространенных и любимых в Китае видов театрального искусства. Неразрывно связанная с древней культурой китайского народа, она зародилась и развивается в народе, непрерывно впитывая в себя все характерное в его жизни. У нас особая манера игры, в которой органически сочетается сценическая речь с языком жестов, пантомимой, пластика движений, акробатика с символикой цветов костюма, ярким гримом. В пекинской драме свои методы обобщения и художественной гиперболы.

В Москве мы начинали спектакли в 7.30 вечера, но в театр приходили так же, как и в Китае, за несколько часов. Требуется внутренняя собранность актера: ведь каждый жест и каждая поза на сцене должны быть осознанными и законченными, так как они имеют глубокий смысл.

В пекинской музыкальной драме принцип одинаков с тем искусством, которое создал ваш великий режиссер К. С. Станиславский. Актер не просто играет, а переживает все мысли и настроения своего героя. Сам Станиславский много интересовался китайским театром. Я очень люблю, ценю и уважаю К. С. Станиславского и с большим вниманием изучаю все, что им написано. Кстати, Станиславский говорил о своей системе, что она не должна быть догмой, а нужно ее воспринимать творчески. В своей жизни он сделал много ценного для искусства, служащего народу, и оставил большое наследие потомкам. Мы, читая его книги, думаем, что китайские актеры старшего поколения также передадут свой опыт следующему. Я, как режиссер, исходя из системы К. С. Станиславского, пересмотрел весь репертуар нашего театра, который очень молод. (Он был создан в 1940 году.)

Старый репертуар был в основном подобран для увеселения публики; после освобождения театр у нас стал местом просвещения.

До освобождения я всегда создавал образы справедливых людей, но не было цели, для кого я это делал. После победы народного строя я нашел цель. В этом мне помогла политика Коммунистической партии Китая в искусстве, в этом помогли мне слова Мао Цзэ-дуна: «Всем цветам цвести, на основе старого создавать новое».

В спектаклях, которые я осуществляю сейчас, я стремлюсь показать мудрость, героизм китайского народа, его борьбу за лучшее будущее.

В основу постановок, которые мы привезли в Советский Союз, положены народные легенды, предания, исторические события. Мы хотим познакомить наших друзей — советских зрителей — с историей и жизнью китайского народа, средствами национального искусства показать народный характер.

Мои планы на будущее: в первую очередь буду уделять большое внимание режиссуре. Я люблю растить молодежь, выдвигать ее на ответственные роли, передавая свой сценический опыт и навыки. Продолжу работу и в области драматургии. В Пекине был издан сборник избранных моих пьес. Сейчас я решил пополнить его и вновь переиздать. Коммунистическая партия Китая ставит насущные задачи перед деятелями искусства, и я, как актер, постараюсь улучшить свое мастерство, чтобы оно стало более филигранным и углубленным.

Нет сомнения, что взаимное близкое знакомство деятелей советского и китайского искусства послужит дальнейшему развитию нашего творчества. Пусть знакомство советского зрителя с древним искусством Китая поможет ему еще глубже понять культуру и общественную жизнь моей страны. Пусть это поможет еще крепче связать узы дружбы двух великих народов.

З. МУНСОНЭЯ

Чжоу Синь-фан беседует с народным артистом СССР С. В. Образцовым.

Фото В. Соболева (ТАСС).

Здание универмага компании «Юнань» в Шанхае.

Г. БОРОВИК **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

В большом зале на первом этаже здания шанхайской ассоциации промышленников и торговцев шло собрание. Человек двести старательно записывали то, что говорила со сцены женщина в синем костюме.

— Это не собрание, — поправила меня переводчица, товарищ Чэнь Шу-и.— Это академия капиталистов.

— Академия кого?!

— Академия для капиталистов, — спокойно объяснила Чэнь. — В Шанхае несколько таких. Здесь, при ассоциации, занимаются представители сравнительно крупной буржуазии.

— Что же они изучают?

— Разные предметы: историю общественного развития, историю китайской революции, экономику социалистического предприятия и методы управления им. Программа зависит от уровня слушателей. Ведь среди капиталистов, особенно мелких, есть и совсем малограмотные люди. Для них читают лекции о текущих событиях.

— Какая лекция идет сейчас? — поинтересовался я.

Мы на цыпочках вошли в зал — никто не обратил на нас внимания — и сели на свободные кресла в последнем ряду. Чэнь некоторое время внимательно слушала, потом прошептала:

— О двух сторонах характера национальной буржуазии.

Лектор говорил о том, что китайской национальной буржуазии присущи патриотизм и гражданская гордость, что она поддерживает демократическую диктатуру народа, одобряет аграрные преобразования, стремится всей душой продолжать борьбу против империализма — все это положительная сторона. Но классовая природа толкает буржуазию на путь беззаконий, различных коммерческих махинаций, которые идут вразрез с интересами государства. Одним словом, буржуазия горит желанием развивать капитализм. В этом ее вторая сторона — отрицательная...

Минут через тридцать лекция кончилась, и слушатели, аккуратно сложив свои тетрадки, стали группами выходить в вестибюль покурить.

Я чувствовал себя немного не в своей тарелке. Не часто советскому человеку приходится бывать среди капиталистов, да еще изучающих марксистские законы общественного развития. Я подумал о том, как велика должна быть мудрая воля Китайской коммунистической партии, сумевшей повернуть этих людей на иной путь развития, медленно, но верно сводя на нет, обезвреживая ту вторую сторону их природы, о которой только что говорила со сцены женщина в синем. Биографии людей, среди которых я находился, могли дать ответ на вопрос, как происходил и происходит процесс перевоспитания национальной буржуазии в Китае.

«Выбирайте!»

Тридцать лет назад некто Ян Цзюнь-шэн, наследник богатых родителей, получивший за границей инженерное образование, решил основать в Шанхае судостроительную верфь «Чжунхуа», что в

На одном из занятий Шанхайской политической академии для торгово-промышленных кругов.

переводе означает «Китай». Кроме чисто коммерческих интересов, им руководило патриотическое желание создать со временем отечественное китайское судостроение.

Верфь была карликовая, на ней работало всего 70 рабочих, но и этот маленький росток китайского судостроения вызвал тревогу англичан. Они немедленно купили у японской компании «OSK» ту самую землю, которую арендовал Ян Цзюнь-шэн для верфи. Сделавшись собственниками земли, они предложили Ян Цзюнь-шэну убраться. Ян обратился в Бюро транспортных компаний с просьбой дать ему другую территорию. Главный инженер бюро, англичанин Чэтрэй, предложил для верфи площадь в 19 му: с одной стороны — река, с трех сторон — шоссе. Одним словом, никаких перспектив на расширение предприятия. Чэтрэй как бы между прочим зловеще предупредил: «Китайцы, не беритесь не за свое дело, шею сломаете!». Перевод верфи на новое место длился полгода, он съел бо́льшую часть капиталов.

Во время войны верфь захватили японцы. А после разгрома Японии все капиталы компании перешли в карман гоминдановского министра финансов, родственника Чан Кай-ши, как имущество, якобы принадлежавшее японцам. Потом тот же министр, спекулировавший на продаже американских судов, полученных в качестве «военных излишков», вообще запретил компании «Чжунхуа» строить суда.

— Вот и ответ на ваш вопрос, почему я не покинул Шанхай перед приходом Народно-освободительной армии, — сказал мне Ян Цзюнь-шэн, пожилой директор судостроительной компании «Чжунхуа». — Куда поехал бы я — без капитала, без надежд на осуществление своей мечты о китайском судостроении, с перспективой оказаться без родины, среди тех, кого я ненавижу? Краем уха я слышал, что коммунисты — за индустриализацию страны. И я остался в Шанхае, как и многие другие китайские капиталисты, оказавшиеся в моем положении.

Остался, например, и владелец табачной фабрики «Наньян». Сигареты «Красавица», выпускавшиеся этой фабрикой, одно время стали вытеснять сигареты английской табачной фабрики в Шанхае. Тогда англичане, обладавшие бо́льшим оборотным капиталом, скупили месячную продукцию фабрики «Наньян», некоторое время продержали сигареты «Красавица» в открытом помещении под дождем и затем пустили в продажу. «Красавица» была скомпрометирована, а фабрика «Наньян» уже не могла оправиться, несмотря на то, что покупатели-китайцы всегда поддерживали отечественную промышленность и предпочитали товары китайского производства иностранным.

Остаться в Шанхае — это требовало определенной решимости. По городу ходили слухи, распускаемые гоминдановскими чиновниками: все без исключения частные предприятия будут-де конфискованы, все торговцы и промышленники — немедленно расстреляны. Рассказывали чудовищные небылицы о судьбе капиталистов, попавших в руки «красных».

Когда один из крупнейших капиталистов Шанхая, владелец известного универмага «Юнань» Го Линь-шуан, напуганный подобными слухами, хотел было бежать из Шанхая, подпольная организация компартии, существовавшая среди работников универмага, послала к нему своего представителя.

— Разговоры об экспроприации — злобная глупость, — сказал представитель. — Народное правительство конфискует все предприятия бюрократического капитала, компрадорской буржуазии — это верно! Но ведь китайская национальная буржуазия сама была под пятой империализма, компрадоров и бюрократического капитала! Она же сама имеет революционный дух! Правда?

Го согласился.

— Да и не только по этой причине! — горячо продолжал коммунист. — Народное государство экономически будет заинтересовано в поддержке национальной буржуазии. Мы используем частный капитал для восстановления хозяйства, развития производства, подготовки технических специалистов, для того, чтобы избежать безработицы, чтобы расширять товарооборот, и для многого, многого другого.

Вот и выбирайте. Либо вы останетесь и будете помогать строительству нового, независимого Китая, без империалистов, для народа, которому вы нужны, либо убежите за границу и станете бродягой без родины.

При прощании коммунист вручил капиталисту брошюру об отношении компартии к национальной буржуазии.

Го Линь-шуан остался в Шанхае.

Рыбы и креветки

Во время боев за Шанхай 25 мая 1949 года, в 3 часа дня, Го сидел у себя в здании компании на пятом этаже и осторожно выглядывал на улицу. Внизу солдаты народной армии установили пулемет и стреляли вдоль улицы. Им отвечали гоминдановцы.

«От моих предприятий, — подумал Го, — конечно, ничего не останется».

Но прошло несколько дней, и никто не грабил магазинов, не взламывал складов, как это предсказывали гоминдановцы. Армия вела себя удивительно корректно.

Вскоре народная власть устроила собрание крупных шанхайских капиталистов. Туда шли с опаской. Но докладчик, объяснив политику партии, сказал:

— Производите товары, торгуйте, снабжайте население и отбросьте всякую боязнь насильственной экспроприации. Однако вы должны понимать, что народное государство, конечно, будет проводить политику ограничения тех сторон капиталистической промышленности и торговли, которые приносят вред благополучию народа.

Поэтому вы должны менять стиль своей деятельности, — продолжал докладчик, — чтобы служить не интересам наживы, а интересам народа. Вы должны сотрудничать с социалистическим сектором в промышленности и торговле, помогать ему...

Так шанхайские капиталисты услышали о взаимоотношениях с социалистическим сектором. Но сдавать позиции без боя они не собирались. Началась борьба. «Большая рыба пожирает маленькую, а маленькая ест креветок», — гласит китайская поговорка. В данном случае креветками капиталисты считали только еще зарождавшийся государственный сектор — небольшой, не имеющий опыта и прочных экономических позиций. Особенно упорной борьба была в торговле. В Шанхае было очень трудно с топливом. Местных запасов хватало только на 15 дней в месяц. Почувствовав это, частные торговцы разослали своих агентов в соседние провинции, скупили весь уголь. И когда работники госкомпании хватились, угля вокруг Шанхая не было, зато в городе он продавался по баснословным спекулятивным ценам.

То же самое вскоре произошло с сахаром, потом с сухим молоком. Скупкой сухого молока руководила как раз компания «Юнань» во главе с Го Линь-шуаном. Предвидя спрос на этот продукт, Го снарядил агентов, которые закупили на свободном рынке все сухое молоко. Переждав немного, Го пустил его в продажу по взвинченным ценам.

Госсектор в это время только учился торговать. Работники государственного универмага, стараясь уменьшить замораживание средств, сокращали количество товаров на своих складах. Однажды они «досокращались» до того, что остались совсем без товаров. Полки оказались пустыми. Покупатели уходили разочарованными, а за государственным универмагом утвердилась одно время кличка — «магазин универсального отсутствия товаров». Компания «Юнань» смогла снова вздуть цены, и пайщики положили в карман 160 тысяч юаней прибыли.

Но съесть социалистический сектор не удавалось. За ним стояла огромная сила — народное государство. Государственная торговая компания обладала оборотными средствами, какие частникам и не снились.

Госкомпания начала с того, что распределяла свои заказы на частных предприятиях и закупала всю продукцию на целый год. Затем путем введения централизованных закупок частные торговые компании были отрезаны и от деревни. Эта политика ограничений призвана была прекратить спекуляцию, стабилизовать цены и привести частников к сотрудничеству с социалистическим сектором.

— Так мы боролись с национальной буржуазией, чтобы через борьбу прийти к сплочению, — объяснял мне директор Шанхайской государственной торговой компании товарищ Чэнь Шэнси. — А буржуазия боролась против ограничений, совершала беззакония, потому что были затронуты ее узкоклассовые интересы. Такой в то время была основная форма классовой борьбы между рабочим классом и национальной буржуазией в нашей стране.

— Но неужели дело ограничивалось лишь экономическими преступлениями? — спросил я.

— Нет, конечно! Экономические иногда перерастали в политические. Некоторые капиталисты, забыв обо всем, предавали интересы своей страны, становились злейшими врагами государства. С ними приходилось поступать должным образом. Но таких было меньшинство.

Го Линь-шуан задумывается

...Дела частных компаний шли все хуже. «Юнань», торговавшая раньше предметами роскоши, лишилась своих покупателей: бывшие гоминдановские чиновники, компрадорская буржуазия, высшие офицеры и их жены бежали за границу или на Тайвань. Тягаться с государственным универмагом, с его дешевыми, добротными товарами становилось все труднее. Покупатели предпочитали государственные магазины частным.

Прибыли «Юнани» прекратились, пошли убытки.

Надо было менять дело в корне: это понимали служащие предприятия, но этого не понимал или не хотел понять владелец компании. Он не желал покупать товары на государственных складах, предпочитая приобретать их на свободном рынке, хотя там они были

В академии обучаются и жены капиталистов.

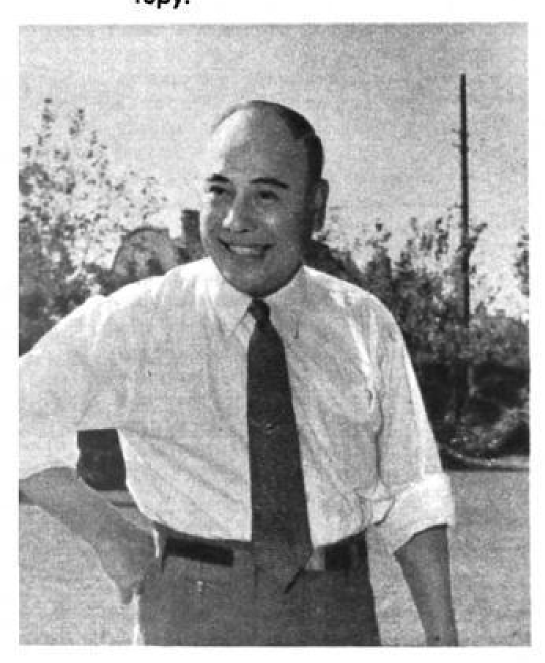

на двадцать — тридцать процентов дороже. Он все еще не решался менять у себя и ассортимент товаров, хотя все знали, что предметы роскоши не найдут сейчас широкого покупателя.

Советы своих служащих, продавцов, рабочих Го пропускал мимо ушей. «Их дело — выполнять мои указания. Я владелец предприятия».

В 1952 году по всей стране началась кампания борьбы против «пяти злоупотреблений»: подкупа, уклонения от уплаты налогов, хищения государственных средств, недобросовестного выполнения государственных заказов, хищения в госучреждениях секретных экономических сведений.

Собрания служащих «Юнани» шли несколько дней подряд. Го не присутствовал на них, так как метод критики был тогда не «лицом к лицу», а «спиной к спине». Го сидел в своем кабинете и слушал выступления по радиоселектору.

Го Линь-шуан.

Из репродуктора доносились горячие слова:

— Глава компании Го Линь-шуан не понял еще, что невозможно жить по-старому. Нужно сотрудничать с государством, нужно покупать товары на государственных складах, нужно продавать их по твердым ценам. Иначе все меньше покупателей будет приходить к нам.

— Го Линь-шуан — очень опытный руководитель, — неслось из репродуктора, и Го узнавал голос продавца Хуан Сян-лина, работающего в магазине со дня основания компании. — Мы все ценим его опыт. Но он тратит его впустую, он на ложном и вредном пути. Надо менять метод работы, надо, чтобы он прислушался к нашему мнению.

По селектору Го услышал и совсем неприятные для себя вещи: служащие вспомнили о спекуляции с сухим молоком, о неполной уплате налогов государству, о сокрытии имущества, принадлежащего бюрократическому капиталу...

Все свои обвинения и предложения работники «Юнани» представили Го Линь-шуану, чтобы он обдумал их.

Для многих и многих промышленников и торговцев это были дни пересмотра их позиций, переосмысливания своих действий, принятия серьезных решений.

Отцы и дети

Крупный предприниматель Ван Шэн-фу, один из основных пайщиков водопроводной компании в Шанхае, мечтал дать сыну высшее инженерное образование и затем передать в его руки контрольный пакет акций компании. Думал он также открыть текстильную фабрику и постепенно сделать сына хозяином обоих предприятий. Сын окончил школу и, согласно воле отца, поступил в университет. Но тут планы Вана пошли вкось и вкривь. Началось с того, что однажды сын принес домой билет члена Ново-демократического союза молодежи.

Отец гневно спросил: «Что это значит?». Сын долго разъяснял, что такое НДСМ, какие цели и задачи он преследует, упомянул, что молодежь там живет дружной семьей.

— Ах, семья?! — разбушевался отец. — Тебе мало одной семьи? Ты завел еще и другую?! Выбирай!..

Сын переехал в общежитие при университете.

Когда настало время оканчивать университет и отец повел с сыном разговор о текстильной фабрике, тот твердо ответил, что и речи об этом быть не может. Пока компания частная, пока отец эксплуатирует рабочих, — до тех пор он и не подумает участвовать в этом деле.

Так рухнули надежды Ван Шэн-фу. Мало того: сын сам начал расшатывать уже поколебленные устои отцовского мировоззрения. Он рассказывал очень подробно о перспективах социалистического развития, о постепенном преобразовании капиталистических предприятий в социалистические. Сын убеждал отца, чтоб тот с его большими практическими знаниями может помочь индустриализации страны, развитию национальной экономики.

И когда встал вопрос о преобразовании текстильной фабрики в государственно-частную, Ван Шэн-фу высказался за.

Сейчас сын Вана, Ван Шао-юн, высокий, худощавый молодой человек, работает преподавателем физики в Шанхайском университете. Эту коротенькую историю рассказал мне он сам, когда мы сидели за чашкой чая в отеле «Хэпин».

Молодой Ван, окончив рассказ, долго прислушивался к шуму шанхайской набережной, потом сказал:

— Я не знаю почти ни одной семьи капиталиста, где не повторялась бы такая же история. Не подумайте, конечно, что дети сыграли решающую или главную роль в перевоспитании отцов, но все же и это немаловажно. Предположим, сын торговца отказывается от наследства. Значит, исчезает один из стимулов накопления капитала...

Го принимает решение

Но вернемся к Го Линь-шуану. Когда компании «Юнань» стало особенно трудно, она получила помощь от государства: государственный универмаг закупил у нее часть товаров, и Го смог выплатить задолженность рабочим. Затем он получил ссуду в государственном банке. С тех пор начались связи компании «Юнань» с государственной компанией.

«Юнань» стала покупать товары в социалистическом секторе. Однако Го пытался продавать их по повышенным ценам, и это сокращало число покупателей. Тогда началась другая форма сотрудничества: компания «Юнань» продавала товары по поручению государственного универмага и получала комиссионные. Это было выгодно Го Линь-шуану — он получал прибыль. Государству это тоже было выгодно: расширялись торговые операции.

Но Го понимал, что на такой форме сотрудничества ему долго не продержаться.

А вокруг него то одно, то другое частное предприятие превращалось в смешанное. И это, он видел, сразу поправляло дела. И снова и снова работники универмага, профсоюзная организация советовали ему подать заявление о преобразовании предприятия. В ноябре он узнал, что Мао Цзэ-дун беседовал с представителями Всекитайской ассоциации промышленников и торговцев и рассказал им о перспективах социалистических преобразований промышленности и торговли.

Наконец 21 ноября 1955 года Го Линь-шуан решился. На другой же день было получено от властей согласие на преобразование компании «Юнань».

На совещании с государственной торговой компанией было решено, что директором «Юнани» останется Го Линь-шуан, а представитель государственной стороны будет его первым заместителем. Там же Го узнал, что все остальные руководящие служащие компании останутся на местах или получат другое назначение по желанию самого Го.

Все это поразило нового директора.

«Неужели мне доверяют?» — думал он.

Вопрос о материальном вознаграждении решался на общих основаниях. Как директор, Го получает заработную плату плюс к этому, как каждый пайщик, пять процентов годовых со своего пая в компании. Это полностью удовлетворяло Го.

Но все же сомнения его не покидали.

— Я полагал, — рассказывал Го Линь-шуан, — что должность директора оставлена за мной лишь для видимости, что все равно всеми делами компании будет вершить мой заместитель. Поэтому я с большим волнением ждал встречи с представителем государственной стороны.

Молодой, тридцатитрехлетний представитель государственного сектора Чэнь Сюн-гоан ожидал этой встречи с не меньшим волнением. Ему многим приходилось заниматься в своей жизни: служить, быть безработным, вести политическую агитацию, — но никогда еще не приходилось вместе с капиталистом руководить предприятием. Было над чем призадуматься.

Но, видимо, Чэнь Сюн-гоан оказался тонким политиком: Го Линь-шуан остался доволен деловыми, дружественными отношениями между представителями частной и государственной сторон.

Конечно, в «Юнани», как и на всех смешанных предприятиях, руководящая роль в широком смысле принадлежит государственному сектору, но это вовсе не отнимает у директора его формальных и фактических прав.

— Как же идут дела компании после преобразования? — спросил я Го Линь-шуана.

— О, я не мог себе раньше представить такого, — отвечал, улыбаясь, Го. — Официально о реорганизации было объявлено 14 января этого года. Накануне наш магазин буквально был завален лучшими товарами с государственных складов. А назавтра... Такого количества покупателей в магазине я не видел даже в день открытия моего универмага. Все поздравляли меня и искренне радовались. И у меня на душе было по-настоящему радостно. В тот вечер я даже выступил в самодеятельном оперном спектакле. Это — мое любимое занятие, — смущенно добавил Го, — но я не участвовал в спектаклях вот уже двенадцать лет.

Как пошли дела, вы спрашивали? — продолжал Го. — Вот цифры: товарооборот компании «Юнань» за 1955 год составил 6 миллионов юаней.

Дальше дело развивалось так. В январе 1956 года — 700 тысяч юаней; в феврале — 860; в марте — 890; в апреле — 990; в мае — 1,04 миллиона юаней; в июне — 1,2 миллиона, в июле — 1,3 и, наконец, в августе — 1,6 миллиона.

— Я иногда хожу вдоль прилавков, — говорит Го Линь-шуан, — и признаюсь себе, что никогда раньше не видел у служащих моей компании: продавцов, рабочих, счетоводов, — словом, у всех, — такого энтузиазма в работе! И я рад, что в эту работу вношу свою немалую лепту...

...Прозвенел звонок. Вестибюль опустел, и слушатели академии вновь заняли свои места в зале. Женщина в синем костюме продолжала лекцию.

— Еще Ленин, — начала она, — говорил, что переход к коммунизму возможен и через государственный капитализм, если власть в государстве находится в руках рабочего класса. Он говорил о том, что уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит народное государство, а выведет вернейшим путем к социализму.

Почему же в Советском Союзе метод госкапитализма не мог получить развития? — задала она вопрос и медленно, чтобы слушатели успевали записывать, ответила:

— Русская буржуазия была тесно переплетена с империалистическими иностранными монополиями и не захотела примириться с революцией. Наоборот, она с оружием в руках выступала против революции. А в Китае бо́льшая часть национальной буржуазии была настроена патриотически, так как интересы ее ущемлялись империализмом. Экономическая и социальная база ее была значительно слабее, чем у русской буржуазии. Ну и, конечно, китайская буржуазия учитывала горький опыт русской буржуазии, пытавшейся вести ожесточенную классовую борьбу с Советской властью, и тот факт, что Китай в период становления народной демократии был уже не единственной страной, сбросившей старый строй. Это — то, что называется творческим разнообразием на едином пути...

В зале шелестели тетрадные листки.

Читатели «Огонька» просили нас рассказать о первой женщине-дрессировщице советского цирка Ирине Бугримовой, о том, как она стала дрессировщицей, как работает со львами.

В этом номере мы начинаем печатать рассказ И. Бугримовой в литературной записи Мих. ДОЛГОПОЛОВА.

Целый день звонил телефон в сочинском цирке.

— Правда ли, что вчера во время представления львы растерзали Ирину Бугримову?

— Скажите, пожалуйста, как чувствует себя Бугримова после схватки со львами?

Что же произошло в сочинском цирке и почему раздавались эти тревожные телефонные звонки?

В октябре 1955 года я приехала в Сочи со своими львами. Я выступала с ними уже несколько лет, характеры их были хорошо изучены, звери меня слушались. Я не предвидела особых трудностей в работе с ними и поэтому решила обойтись без репетиций. В Сочи стояла по-летнему теплая погода. Мне хотелось искупаться в море, немного понежиться на пляже и, что греха таить, капельку загореть...

Клетки-домики со львами, как всегда, были установлены на конюшне цирка. Все шло по заведенному порядку, мои помощники кормили зверей, готовили необходимый реквизит. Ничто не предвещало каких-либо осложнений.

Я посмотрела из-за занавеса на публику. Цирк был переполнен.

Кончалось второе отделение программы. Пора одеваться. Издали слышалось глухое рычание львов: мои помощники вместе с униформистами перегоняли хищников из домиков в клетки на колесах, чтобы затем подвезти их к выходу, ведущему на манеж.

По гулу, донесшемуся до артистической уборной, я поняла, что объявлен антракт перед моим номером. На манеж проносили части высокой железной клетки, тащили щиты разборного деревянного пола. Клетки со львами были уже приставлены одна к другой и образовали своеобразный тоннель, по которому после поднятия перегородок львы проходят на арену.

Внимательно осмотрев пятерку моих питомцев, я почувствовала, что сегодня они находятся в несколько нервозном состоянии. Впрочем, любой артист цирка перед первым выступлением в новом городе чувствует себя не совсем спокойно и волнуется. И я как-то перестала думать о настроении моих четвероногих артистов.

Грянул оркестр. Лучи прожекторов осветили манеж с установленной на нем большой клеткой, и, распахнув боковую железную дверцу, я вышла на арену, поклонами отвечая на приветствия зрителей. Удар бичом в воздухе служит сигналом для моих ассистентов: они поднимают боковые дверцы клеток, и львы по тоннелю устремляются на манеж.

Щурясь от яркого света, глухо рыча, первым выскочил на манеж огромный, гривастый лев Цезарь, с которым я работаю восемнадцать лет. Как обычно, Цезарь подошел к своей тумбе и быстро вскочил на нее. Следом за ним на манеж выпрыгнули два брата — Самур и Аракс. Обычно послушные и сразу занимающие свои места, они не подошли к тумбам. Грозно рыча и скаля огромные клыки, Самур и Аракс стали бегать по клетке, явно высказывая свое нежелание работать. Легкие щелчки моего бича напомнили этим недисциплинированным артистам, что зрители ждут начала аттракциона. Наконец львы нехотя заняли свои места. По моему знаку в клетку были выпущены еще два льва — братья Радамес и Дик. Они спокойно уселись на тумбы.

Работа началась. Первый трюк — хождение всей пятерки львов по длинному брусу — «буму» — прошел вполне благополучно. Теперь Аракс должен был вскочить на деревянный шар и прокатиться на нем по манежу. Но вместо того, чтобы проделать этот хорошо усвоенный им трюк, Аракс стал, рыча, наступать на меня. Лев не подчинялся мне, на него перестали действовать мой ласковый голос, подталкивание рукояткой бича и даже не очень сильный удар. Видя непослушание Аракса, один из ассистентов передал мне через прутья клетки железный трезубец. Я поднесла его к самому носу льва. Лишь тогда он выполнил трюк.

Настроение у меня испортилось. Я почувствовала какую-то необычную злобность львов и их враждебность. Надо было во что бы то ни стало перебороть хищников, доказать им, что они должны беспрекословно подчиняться мне.

Сейчас львы будут прыгать сквозь кольцо. Самый умный и любимый мною лев Цезарь соскочил с тумбы и уже приготовился к прыжку. Но неожиданно к Цезарю подбежал Аракс и прыгнул ему на спину. Защищаясь от внезапного нападения, Цезарь

И. Бугримова с Цезарем.

стал отбиваться лапами и огрызаться. Но это не испугало Аракса. Он набрасывался на Цезаря с еще бо́льшим остервенением, кусая его за уши, за лапы. Цезарь не оставался в долгу. Яростно сражаясь, львы стали кататься по арене. На помощь Араксу поспешил его брат Самур. Даже во время безобидных игр и разминок на репетициях Аракс и Самур всегда держались вместе, защищая друг друга от излишне резких толчков и ударов других львов. Так было и на этот раз. Братья-хищники напали на Цезаря. По арене катался теперь живой львиный клубок. Я принялась разгонять львов, стремясь разъединить их, пресечь драку.

У хищников необычайно развито стадное чувство. Стоит завязаться драке между двумя львами, как в схватку вступают и остальные звери. Это — самое серьезное и страшное испытание для дрессировщика. Львы перестают подчиняться человеку, дерутся между собой, а потом соединенными силами набрасываются на дрессировщика.

Но вот на живой ком львиных тел бросились и два брата из моей пятерки — Радамес и Дик. Они кусали и хватали кого попало; в этой копошащейся массе уже трудно было понять, кто с кем дерется, кто кого защищает. Могучие удары когтистых львиных лап обрушивались и на Цезаря, и на Аракса, и на Самура.

Особенно доставалось Цезарю, кровь лилась из его ран. Сильный и ловкий, он зубами и лапами отбивался от своих врагов. Но все мои попытки разнять львов и водворить порядок ни к чему не приводили. Львы, опьяненные кровью, отказывались слушаться, несмотря на удары бичом и трезубцем.

Во время драки случилось так, что Аракс и Самур, нападая и обороняясь от ударов, загородили своими телами выход из клетки. Я оказалась в трагическом положении. Мне не трудно было предвидеть, что скоро ярость львов обрушится на меня. И, действительно, все львы, и даже мой старейший воспитанник Цезарь, внезапно прекратив ссору и драку, стали набрасываться на меня. Всеми силами я старалась отогнать львов от дверцы, чтобы выбраться из клетки и избавиться от смертельной опасности. Но два самых злобных, Аракс и Самур, будто разгадав мое намерение, не отступали от дверцы, несмотря на то, что я отгоняла их трезубцем, а мои помощники отталкивали вилами через прутья клетки. А три льва нападали на меня сбоку и сзади. Мне приходилось, что называется, вести круговую оборону. Еще момент, думала я, и мне конец. Силы иссякали, а разъяренные львы наступали все ожесточеннее.

«Сидеть спокойно, не двигаться!»

Смутно припоминаю, что в цирке поднялся невероятный шум. Зрители в страшном возбуждении повскакали с мест, волнуясь за мою жизнь. Но чей-то властный голос: «Сидеть спокойно, не двигаться!» — водворил порядок, и публика в напряженной тишине следила за моим неравным поединком с обезумевшими хищниками.

Теряя волю к победе, видя, что дело оборачивается плохо, я что есть силы крикнула: «Вода!». Это условный знак для помощников, стоящих с брандспойтами в руках. Мой возглас вывел из оцепенения ассистентов, и они направили на львов мощные струи воды. Холодный душ давлением в несколько атмосфер, видимо, отрезвил разъяренных хищников. Львы на минуту отступили от спасительной дверцы, и я под прикрытием водяного заслона, отделившего меня от зверей, выскочила из клетки...

Между тем львы снова начали драку между собой. Боясь, что они перегрызут друг друга насмерть (ведь это мои «артисты», сколько сил и труда было отдано их воспитанию!), я приказала открыть выход в тоннель. Более трусливый Радамес, обрадовавшись возможности выбраться из кровавого месива, бросился наутек в тоннель. Его клетка была мгновенно перекрыта затворкой. Сильные струи воды заставили и остальных хищников прекратить драку. Их одного за другим погнали в тоннель и, хоть с трудом, рассадили по клеткам. Долго еще они бесновались, метались из угла в угол, бросаясь с остервенением на прутья и стараясь вырваться из неволи...

Нечего и говорить, что добрая половина зрителей, присутствовавших на этом злополучном представлении, вместе со мною и львами приняла холодный душ. Но было начало октября, стояла теплая погода, и, я думаю, никто из курортников не простудился. А главное, ведь все понимали, что только этот «душ» и спас меня.

Зрителям было объявлено, что продолжать работу со львами невозможно. Впрочем, они видели это и сами без объяснений.

После представления, едва не стоившего мне жизни, по городу и соседним с Сочи курортам пошли слухи о том, что львы загрызли Бугримову. Нашлись даже «очевидцы», видевшие это своими глазами...

Вот почему не прекращались в кабинете директора сочинского цирка телефонные звонки курортников, осведомлявшихся о состоянии здоровья дрессировщицы.

Я потеряла власть над Араксом

В течение десяти дней после злополучного нападения львов мы вместе с постоянным помощником — моим мужем артистом Константином Пармакяном — пытались восстановить дисциплину и заставить львов делать трюки, которые они выполняли многие годы. Ценой неимоверного труда, настойчивой борьбой мы снова заставили четырех львов подчиниться воле человека. Они обрели более или менее сносную форму, и с ними можно было работать. Хуже обстояло дело с Араксом. Он изранил и искусал всех остальных львов. Более месяца врачам пришлось лечить моих четвероногих питомцев и особенно Цезаря, которому досталось больше всех.

Аракс продолжал злобно огрызаться. Он стремился выбрать удачный момент и напасть на меня. Трудно было поверить, что это когда-то самый ласковый и покорный львенок, наш баловень, которого в свое время мы приручили настолько, что даже брали домой и разгуливали с ним по улицам, как с собакой, держа его на поводке. Не верилось, что он настолько изменился к худшему и в нем пробудились такие злобные инстинкты, которые, казалось, давно удалось заглушить.

Несмотря на уговоры товарищей и директора сочинского цирка не подвергать свою жизнь такому серьезному риску, мы решили еще раз попробовать поладить с Араксом. Дней через пять представление началось, как и обычно. Львы были подвезены к центральной клетке и по тоннелю выпущены в нее. Но едва мои «артисты» заняли свои места на тумбах, я поняла по злым, горящим зеленым огнем глазам и коварным, кошачьим движениям Аракса, что он вышел из моего подчинения и я потеряла власть над ним.

С затаенным дыханием зрители следили за редким поединком укротительницы, пытавшейся справиться со львами, в которых пробудились дремавшие в них хищные инстинкты.

Несколько раз Аракс пытался броситься на меня. Огромным усилием воли я сдерживала его, с трудом осаживала, заставляя сидеть на тумбе. Но все же в какое-то совершенно неуловимое мгновение, когда я на секунду отвлеклась, взглянув на Самура, непокорный Аракс набросился на сидевшего рядом с ним Дика. И снова началась свалка. На этот раз ассистенты уже не ждали крика «Вода!». Мощная холодная водяная завеса отделила было дрессировщицу от обезумевших

львов. Но хищники, не обращая внимания на боль от бьющей с силой по их телам струи воды, бросились на меня. Слишком свежа, наверно, была в их памяти недавняя схватка, едва не закончившаяся их торжеством. Ни вода, ни удары трезубцем не могли остановить обезумевших и рассвирепевших львов. В один из самых напряженных моментов борьбы с хищниками, рискуя жизнью, через маленькую дверцу в клетку вбежал мой муж. Мы стали рядом, отбиваясь от, казалось, совершенно одичавших львов. Отступив назад, к дверке, и уловив удачное мгновение, мы выскочили из клетки.

Львы вырвались на свободу

Однако на этом не закончился злополучный вечер. В невероятной сумятице (ведь не каждый же день львы набрасываются на своих дрессировщиков!) униформисты, выгоняя хищников с арены, загнали в одну из клеток трех львов вместо двух. Сотрясая стены клетки могучими бросками, Аракс, Радамес и Дик продолжали драку. Под страшным натиском прутья железной клетки немного прогнулись, и большая задвижка выскочила из гнезда. Дверь клетки приоткрылась, и два огромных разъяренных льва вывалились из нее. Аракс и Дик так обезумели, что даже не заметили, как стали кататься по земле. Радамес же остался в клетке и забился в угол.

Неподалеку от клеток находилась конюшня. Сочинский цирк — летний, его закулисные постройки — легкого типа — из дерева и брезента, и конюшня отгорожена от людной улицы лишь невысоким деревянным заборчиком. В конюшню можно попасть из цирка, пройдя небольшой дворик.

Ничего не подозревая, я вышла на аплодисменты зрителей, искренне радовавшихся моему избавлению от большой опасности. Раскланиваясь, я неожиданно услышала револьверный выстрел за кулисами. Оглянувшись, к своему удивлению, я не увидела мужа, всегда стоящего на определенном месте у клетки. Поняв, что снова происходит что-то неладное, я выбежала с арены. Не помню, как добежала до конюшни. Первое, что бросилось в глаза,— открытая дверь клетки и сидящие в ней два льва. Дик, вероятно, испугался выстрела и вскочил в клетку к Радамесу. А Аракс, почуяв свободу, неподалеку от забора яростно набрасывался на Константина Пармакяна. В одной руке у него была железная палка, которой он отбивался от льва, а в другой заряженный револьвер...

Артисты и обслуживающий персонал, увидев дерущихся львов на свободе, в испуге разбежались и спрятались куда попало. Самое страшное — чего никто не подозревал — заключалось в том, что Аракс в любой момент легко мог перепрыгнуть через невысокий, в рост человека, заборчик... А в это время из цирка валила публика, возбужденная только что виденным зрелищем. Никто из зрителей, уходивших из цирка, даже и подумать не мог, что за этим заборчиком продолжалась драма, начавшаяся на арене...

Оказывается, Аракс не испугался выстрела и вступил в поединок с Пармакяном. Мысль о том, что лез может перескочить через забор и наделать бед, заставила меня содрогнуться. К счастью, мне на глаза попался кусок железной трубы, прислоненный к одной из клеток. Я схватила эту трубу и, бросившись к заборчику, стала отгонять льва назад, вглубь двора. Общими усилиями нам удалось отогнать Аракса метра на три от забора. К нам на помощь уже спешили артист К. Бирюков и один из моих сотрудников, П. Игнатов, вооруженные железными прутьями. Вчетвером, шаг за шагом, мы отгоняли бросавшегося на нас льва, пока он не оказался у открытой двери клетки. Араксу ничего не оставалось, как со злобным рычанием забраться в нее...

Только когда непокорный лев был изолирован, изо всех углов конюшни и даже из запасной вольеры, в которую скрылся кто-то из артистов, к нам бросились очевидцы этого приключения. Естественно, запоры в клетках тотчас же были проверены, и рабочие цирка сделали все, чтобы подобная история не могла повториться.

Аракс окончательно вышел из повиновения, и ничто уже не могло заставить его слушаться меня. Все мои попытки образумить этого в прошлом хорошего «артиста» ни к чему не привели. С большим огорчением и жалостью я решила расстаться с ним. Невозможно же было без конца играть на нервах зрителей и бесцельно рисковать жизнью.

Уже перестав с ним работать, я пыталась иногда подойти к нему, приласкать его через прутья клетки, дать ему кусочек мяса. Но Аракс, словно забыв о наших многолетних дружеских отношениях, не принимая ласку, отворачивал пасть от мяса и всегда старался изловчиться, чтобы схватить мою руку зубами или когтистой лапой. Лев стал чужим, совсем чужим. С болью в сердце я отдала его в один из зверинцев.

Много трудов, терпения, воли и настойчивости было положено на дрессировку Аракса!.. Но что поделаешь! Бывает, что львы слушаются дрессировщика 12—15 лет, а иногда и больше, как, например, мой Цезарь. Но случается и так, что львы дичают, у них пробуждаются дремлющие хищнические инстинкты, и они совершенно выходят из подчинения человеку. Это произошло и с Араксом.

Итак, у меня осталась четверка львов. Я продолжала выступать с ними и, казалось, вполне могла бы давать представление и с четырьмя «артистами». Но все же после вынужденной разлуки с Араксом у меня словно что-то оборвалось внутри. И хотя зрители тепло встречали мои выступления, я решила, что надо создавать новый номер.

Вслед за Араксом я передала в зверинцы еще трех львов: Самура, Радамеса и Дика, — оставив одного Цезаря, самого сообразительного, умного и лучшего «артиста».

Предстояла новая, полная большого труда и опасности работа по отбору львов, их дрессировке и подготовке аттракциона. Прежде чем перейти к описанию всего этого, я хочу коротко рассказать о себе и о том, как я начала свою работу в цирке.

Продолжение следует.

Мои родственники рано умерли. Где-то остался в живых один дядя, но где, никто сказать не мог. Поэтому меня очень обрадовало неожиданно полученное письмо, которое я привожу в кратких выдержках:

«Многоуважаемый мой племянничек Сеня, Семен Иванович! Пишет тебе глубоко уважающий тебя твой дядя Демьян Поликарпович Пырейкин. Твоим дядей я являюсь потому, что твоя бабушка, будучи твоей бабушкой... А узнал я про тебя из газеты, где тебя, родной мой племяшок, пропечатали в фельетоне. В этой смешной штуке был указан и твой адрес. Я обрадовался от души, ибо близкий душе моей человек отныне является героем сатирического литературного произведения, на каковые у читателя большой спрос... Я даже сочинил сам небольшое сочинение в рифму, в целях обращения с краткословным тостиком к супруге своей Варваре Галактионовне...

Ура, Варя! Племяш Семен
Вошел героем в фельетон!..»

И вот я уже в пригородном поезде. В моем воображении встает образ дяди. Конечно, я понимал, что он обыкновенный человек. Но воображение не любит заурядности. Мне хотелось представить своего дядю в романтических красках. Я решил, что он высокий, стройный и моложавый, с мужественным лицом. Поскольку он работал бухгалтером, я мысленно видел его улыбающийся портрет на заводской Доске почета.

Не буду описывать встречу. Скажу только, что реальный дядя оказался похожим на идеального, а тетя — обаятельной, приветливой женщиной.

Когда я назвал себя, дядя выкрикнул двустишие, очевидно, заранее сочиненное:

Варя! Гляди-ка, вот он, наш
Вполне прославленный племяш.

Пока я умывался с дороги, тетя накрыла стол, в центре которого оказались холодная телятина и аппетитные ватрушки, над ними возвышалась бутылка «Столичной». Дядя усадил меня рядом с собой, по другую сторону села тетя, а напротив — седенькая бабушка, которую окаймляли две внучки дошкольного возраста; одну из них звали Леопардой, другую — Музой...

Перед тем, как выпить по второй стопке, дядя встал и торжественно произнес:

— Музу прославим и выпьем за нее!

Я добавил:

— И за Леопарду, дядя!

— Нет, племянничек, я хочу выпить за музу, которая водит вдохновенным пером поэта! — И у дяди засияли глаза.— Выпьем, Сеня, за мой поэтический труд, который я начал и который с твоей помощью надеюсь довести до конца.

Дядя тотчас же извлек из сундучка объемистую рукопись. Тетя и бабушка пытались защитить меня, предоставить возможность отдохнуть с дороги, но дядя внушительно заявил:

— Литература — это и есть отдых,— и начал знакомить меня со своим творением.— Я решил написать о своей судьбе,—пояснил он,— о делах и случаях из жизни, которая у меня была тяжелой. А чтобы писание было более трогательным, я пишу его в рифму. Написал четыреста тетрадных листов, только теперь вхожу в самую суть.

Читал дядя с таким подъемом, будто это были не автобиографические стихи, а рапорт о грандиозной победе. Вначале описывался поход Олега на хазар и разгром последних. Почему отмщение неразумным хазарам дядя избрал начальным пунктом своей биографии, было неясно. Затем следовало описание портретов былинных русских богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича.

Извиняясь, я прервал дядю:

— Разве мы с ними тоже в родстве?

— В конце все выяснится,— сказал дядя.— Ты слушай дальше...

...В главе о татарах рассказывалось, что на Русь Мамай шел вместе с Нероном, что они с Геростратом жгли христианские храмы.

— Напутали вы, дядя...

Демьян Поликарпович не счел даже нужным ответить на мое замечание. Это вынудило меня пойти на откровенный разговор.

— Дорогой дядя, для сочинения стихов нужно знание размера стиха, умение хорошо рифмовать, нужен талант, поэтический дар, что ли, разносторонние знания...

— Все это у меня, кажется, есть, — скромно сказал Пырейкин.

Он достал письмо, истертое и пожелтевшее.

— Читай, что мне писали еще пятнадцать лет назад, когда я послал, так сказать, на суд божий первую пробу пера.

Я прочитал:

«Уважаемый тов. Пырейкин!

Стихи Ваши мы получили. К сожалению, для нашего журнала они не подходят. Человек Вы, очевидно, способный, Вам только надо упорно учиться мастерству, много работать над собой, перенимать опыт лучших поэтов. Вникайте в тему, оттачивайте каждую строку, больше привлекайте поэтических средств.

Желаем Вам успехов в поэтической деятельности.

Литературный консультант
Лев Полистный».

— Ну-с, дорогой племянничек, уразумел? — торжествовал дядя.— Ведь тут не сказано, что мои стихи плохие. Тут отмечено лишь, что они для данного журнала не подходят. Так сказать, только дебет с кредитом не сходится. Жаль, что вышеподписавшийся товарищ не указал, для какого журнала мои произведения подходят. Журналов ведь много, поди догадайся! Попробовал я наугад посылать в некоторые — и все по несчастью попадал в такие, в которые мои стихи также не подходили... Ну, а я все их указания принял: перенимал опыт других поэтов, так сказать, своих более удачливых коллег, вникал, оттачивал, привлекал...

И чтение продолжалось. Давно уложили спать Леопарду и Музу, уже захрапела бабушка, а вслед за ней и тетя...

Глаза мои заслезились от усталости. Дядя же, наверно, истолковал, что его творение наконец взволновало меня до слез, стал читать еще более восторженно:

Мой древний предок, взяв копье,
На лед Чудского устремился,
И враг, оря, как воронье,
Под лед Чудского провалился...

...Проснулся я от детского визга. Это Леопарда не поладила с Музой. Непричесанная тетя разжигала примус. К моему ужасу, рядом со мной сидел с рукописью дядя, карауля миг моего пробуждения. Он встал, принял позу юного Пушкина, читающего стихи лицеистам, и громко проскандировал:

Варя! Племянник наш Семен
Стихами дяди пробужден!..

Впервые в жизни я по-настоящему понял, что такое плохие стихи.

Все же мне пришлось слушать «сочинение в рифму» до тех пор, пока дяде не пришло время идти на работу. Уходя, Демьян Поликарпович пообещал:

— Вернусь — продолжим.

Не успела захлопнуться дверь, как я бросился к тетке:

— Когда отходит ближайший поезд?

— Примерно через полчаса.

Я собрался за полминуты.

— Не буду тебя задерживать, дорогой племянник,— сказала тетя,— сама знаю: не даст он тебе житья. Спасайся, пока можно, ведь не ты первый... Я бы и сама... да мне от детей некуда податься...

Провожая меня, она вздохнула и доверительно сообщила:

— Работники редакции, которым он тоже измотал нервы, пытались подкупить меня шоколадом, чтобы я сожгла его рукописи... Ведь был хорошим человеком, да и теперь неплохой: и в работе примерен, и о семье заботится, и водки почти не пьет... а вот из-за «писаний» этих... к нам никто даже в гости не ходит и к себе не приглашает... Как начнет читать...

Я со скоростью такси спешил к вокзалу.

Так я нашел и потерял своего единственного дядю.

Илья ШВЕЦ

Брянск.

Памятник И. Е. Репину

В городе Чугуеве, Харьковской области, на родине Ильи Ефимовича Репина, открыт памятник великому художнику.

Фото Н. Савченко.

Оригинальная сосна

Когда мы говорим о сосне, то представляем себе стройное дерево, ветки которого, расположенные ярусами, составляют подобие конуса.

Но посмотрите на фотографию: дерево похоже на могучий, кряжистый дуб. Однако это самая обыкновенная сосна. Она стоит возле дороги близ деревни Камешково, Шуйского района, Ивановской области. Каждый прохожий и проезжий непременно остановится, чтобы полюбоваться таким оригинальным деревом.

Возраст сосны точно не установлен. Известно лишь, что лет пятьдесят тому назад местный фабрикант, залюбовавшись деревом, хотел купить его и перенести в свой сад. Но торг почему-то не состоялся. Так и осталась необычная сосна красоваться на опушке леса.

Г. БОРОДИН

Шуя, Ивановской области.

СОБАКА НА СЕНЕ.

Рисунки Ю. Черепанова.

Нескучный дворец

Зданию Президиума Академии наук СССР исполняется в текущем году 200 лет. По свидетельству академика П. С. Палласа, оно построено около 1756 года. К этому же времени относится и разбивка большого ботанического сада на склоне берега Москвы-реки.

История не сохранила нам имени зодчего этого выдающегося памятника русской архитектуры елизаветинской эпохи. По одним сведениям, это начальник Московской архитектурной команды Д. В. Ухтомский, а по другим,— архитектор Иехт.

Владелец дворца Прокофий Демидов (внук основателя металлургических заводов при Петре I Никиты Демидова), получив в качестве своей доли по разделу наследства группу Невьянских заводов, продал их. Отказавшись от занятий прозаическими «негоциями», он всецело отдался садоводству и благотворительности. Отличаясь чудачеством, Прокофий Демидов вместе с тем радел на пользу просвещения и развития наук в России. Он жертвовал крупные суммы на Московский университет и другие культурные и благотворительные учреждения.

Будучи страстным любителем садоводства, он разбил на высоком берегу Москвы-реки замечательный ботанический сад.

Однако демидовские потомки разбазарили и уничтожили большинство насаждений; лишь немногие остатки богатейших коллекций Прокофия Демидова удалось спасти университетскому ботаническому саду.

После смерти Прокофия Демидова дворец сменил многих владельцев. В 1832 году он был куплен Николаем I, пожелавшим подарить его своей жене. Находясь в дворцовом ведомстве, дворец подвергся значительным переделкам. По проекту архитектора Тюрина на переднем фасаде были сооружены полуциркульные балконы, а к главному зданию пристроены боковые флигели, построены гауптвахта, жилые и хозяйственные корпуса. Все эти постройки выдержаны в стиле строгого ампира, тогда как стиль самого дворца в основном — это смешение итальянского ренессанса с ампиром. После пристройки, выполненной архитектором Тюриным, резные решетки балконов внесли в этот стиль элементы готики.

До покупки дворца дворцовое ведомство приобрело имение князя Шаховского, носившее название Нескучного, а позднее — имение князя Голицына. Эти три владения составили одно большое, получившее название Нескучного.

Нескучный дворец стал летней резиденцией царя, хотя жил он здесь редко. В саду устраивались до 90-х годов народные гуляния. Там существовал «воздушный театр», прототип современного Зеленого театра.

В 1923 году на территории Нескучного сада была развернута Сельскохозяйственная выставка, а во дворце — Музей мебели.

1928 год ознаменовался открытием в Нескучном саду Парка культуры и отдыха. Во дворце в это время создавался Музей народоведения.

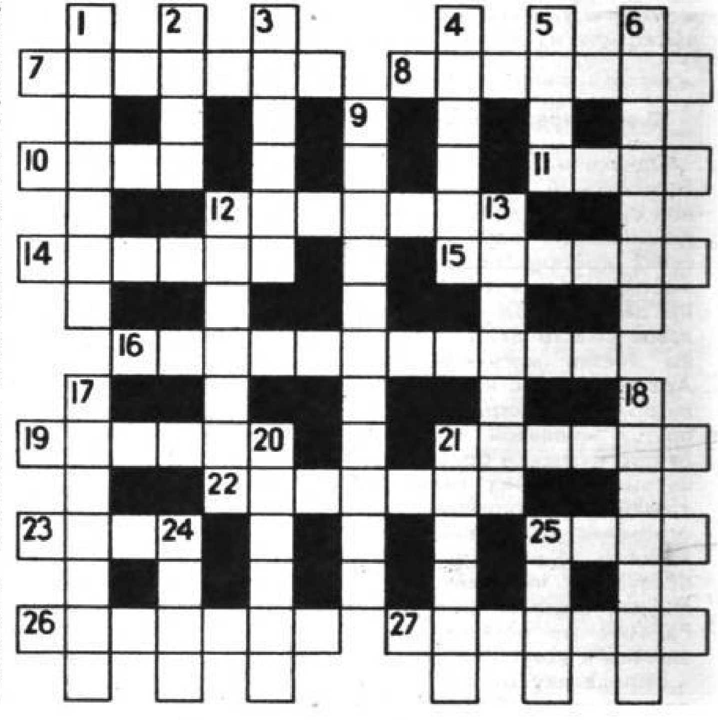
В 1934 году, когда Академия наук СССР переехала из Ленинграда в Москву, здание Нескучного дворца перешло в ее распоряжение, и с тех пор тут помещается штаб советской науки.

Л. КУВАНОВА

Здание Президиума Академии наук СССР.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский флотоводец. 8. Полуостров на Каспии. 10. Осадочная кремнистая горная порода. 11. Атмосферные осадки. 12. Древнегреческий писатель. 14. Периодическое издание. 15. Третейский судья. 16. Письменное распоряжение. 19. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 21. Столица автономной республики. 22. Рыболовное орудие. 23. Река в Индии. 25. Морское млекопитающее. 26. Художник, изображающий бытовые сцены. 27. Сведения, расположенные по графам.

По вертикали:

1. Путь следования. 2. Озеро в Эфиопии. 3. Минерал из группы силикатов. 4. Река на севере РСФСР. 5. Плотная ткань. 6. Оркестровый инструмент. 9. Наука. 12. Порт на острове Сицилия. 13. Отдел в газете. 17. Горы в Средней Азии. 18. Съедобный морской моллюск. 20. Огнеупорный материал. 21. Охотничья сумка. 24. Типографский сплав. 25. Единица измерения длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

5. Кривонос. 6. Метроном. 9. Соотечественник. 11. Бойль. 12. Контролер. 13. Ингул. 16. Ригсдаг. 19. Карелия. 20. Суворов. 21. Мопассан. 22. Челюскин. 25. Перигей. 27. Мемуары. 28. Правило. 31. Бахча. 32. Типизация. 33. Оникс. 36. Кораблевождение. 37. Рангкуль. 38. Алкалоид.

По вертикали:

1. Гонок. 2. Корешок. 3. Перемет. 4. Фронт. 5. Карбонит. 7. Меркурий. 8. Астроном. 9. Силосопогрузчик. 10. Консервирование. 14. Массандра. 15. Батисфера. 17. Муравей. 18. Гобелен. 23. Динозавр. 24. Редактор. 26. Электрод. 29. Цимбалы. 30. Миндаль. 34. Фрукт. 35. Инвар.

На вкладке этого номера репродукции картин В. Перова — Охотники на привале, И. Прянишникова — Порожняки, Н. Ге — Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе, И. Крамского — Русалки, две страницы ленинградских акварелей Г. Храпака и две страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12747. Подписано к печати 4/XII 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 992. Заказ № 3203.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА.

Фото В. Лурье.

МИНИСТЕРСТВО ТОРГОВЛИ СССР ★ ГЛАВБАКАЛЕЯ

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

РЕКОМЕНДОВАНЫ ИНСТИТУТОМ ПИТАНИЯ АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР

ДЛЯ ДЕТЕЙ ГРУДНОГО И РАННЕГО ВОЗРАСТОВ

Е. Каждан 56

Цена номера 3 руб.